

Концепт:

философия, религия, культура

Том 5, № 2 2021

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
<https://concept.mgimo.ru>

«Концепт: философия, религия, культура» — рецензируемое научное издание, ориентированное на широкую профессиональную и читательскую аудиторию: международное сообщество исследователей культуры, профессорско-преподавательский состав, студентов и аспирантов, экспертов-практиков.

Цели и задачи журнала:

1. Публиковать результаты оригинальных исследований роли культуры в международных отношениях. Особое внимание уделяется изучению культурного разнообразия, а также современным аспектам взаимодействия культур. Приветствуются кейсы, связанные с проблемами регионального уровня, определяющего культурный потенциал стран на международной арене.
2. Формировать международную площадку обмена опытом академических и полевых исследований в области истории, теории и философии культуры. Журнал опирается на действующую в МГИМО секцию «Межкультурная коммуникация» Российской ассоциации международных исследований, которая регулярно собирает ведущих российских и зарубежных исследователей культуры, а также молодых учёных разных стран, интересующихся этой проблематикой.
3. Развивать интеллектуальные контакты исследователей культуры вне зависимости от политико-идеологического контекста, вести открытую научную дискуссию по проблемам интерпретации культур и перспективных методов их изучения. Приветствуются междисциплинарные проекты, включая лингвокультурологию и анализ прикладных вопросов межкультурной коммуникации.

Решению этих задач подчинена структура основных рубрик исследовательских статей: «Философия», «Культурология», «Религиоведение», «Межкультурная коммуникация», «Культура и искусство».

Предметные области журнала.

В журнале публикуются исследования по двум предметным областям изучения культуры согласно международному классификатору ASJC — Arts&Humanities и Social Sciences: философия (Philosophy, Religious studies) и культурология (Cultural studies).

Согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России, журнал принимает к публикации статьи по двум направлениям — философия и культурология; которые распределены по следующим научным специальностям:

- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение (философские науки)
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 24.00.01 — Теория и история культуры (культурология)
- 24.00.01 — Теория и история культуры (философские науки)

Географический охват.

Авторы, члены редакционной коллегии и рецензенты журнала представляют такие страны, как Россия, Великобритания, Италия, Китай, Сербия, США, Япония, Иран, Испания и др. Статьи принимаются на русском и английском языках.

Адрес редакции:

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4114 а.
Тел./ факс. +7 495 234-83-48
Веб-сайт: <https://concept.mgimo.ru>
E-mail: concept@mgimo.ru

Статьи направлять по адресу:

<https://concept.mgimo.ru/jour/author/submit/1>

© Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4105
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-67951 от 06 декабря 2016 г.

Подписано в печать _____.2021
Тираж 500 экз. Объем 16,6 п.л.
Заказ 669

Префикс DOI: 10.24833
Выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Дата выхода в свет первого номера: 20.03.2017

ISSN (Print): 2541-8831
ISSN (Online): 2619-0540

Транслитерированное название: Kontsept: filosofiya, religiya, kultura

Главный редактор: **Ю.П. Симонов (Вяземский)**

Шеф-редактор: **А.А. Королева**

Ответственный секретарь: **И.А. Чупрова**

Редакторы: **С.Ю. Дианина, Н.А. Остроглазова,**

В.И. Коннов, Н.Ю. Ярыгина

Дизайн и верстка: **Д.Е. Волков**

Администратор сайта: **А.В. Заборников**

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76

Журнал основан в 2017 году. В 2020 году был осуществлён переход на нумерацию по томам.



MGIMO University

Room 4105, 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Published since 2017

ISSN (Print) 2541-8831

DOI: 10.42833

Issued 4 times a year

ISSN (Online) 2619-0540

<https://concept.mgimo.ru>

Concept: Philosophy, Religion, Culture is a peer-reviewed scientific periodical addressed to a wide professional and general audience, international community of cultural scholars, academic teachers, students, post-graduates and expert practitioners.

Aims and scope:

1. To publish the findings of original research on the role that culture plays in international relations. Particular attention is dedicated to the analysis of cultural diversity and modern aspects of the interaction of cultures. The cases relative to regional issues that shape the countries' cultural potential in the world arena are welcomed.
2. To establish an international platform aimed at exchanging academic and field research experience in history, cultural theory and the philosophy of culture. The journal is supported by the Russian International Studies Association (RISA) section *Cross-Cultural Communication* that regularly brings together the Russian and international leading cultural scholars and young international scholars interested in these topics.
3. To promote intellectual contacts among cultural scholars regardless of political and ideological context, to hold open scientific discussions on the issues concerning the interpretation of cultures and the search for promising methods of studying these phenomena. Interdisciplinary projects, including those concerning linguistic and cultural studies and applies problems of intercultural communication are welcomed.

To meet these aims, research papers of the journal are organized into sections: Philosophy, Cultural Studies, Religious Studies, Intercultural Communication, Culture and Art.

Subject Area and Subject Categories

The journal publishes articles in two subject areas of the *ASJC* international classification *Arts and Humanities* (*Philosophy, Religious Studies*) and *Social Sciences* (*Cultural Studies*).

The papers of the *Concept: Philosophy, Religion, Culture* journal should represent such branches of science within the classification of the Russian Higher Attestation Commission: *Philosophy and Cultural Studies*, in particular

- 09.00.14 – Religious Philosophy and Religious Studies (Philosophy)
- 09.00.13 – Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture (Philosophy)
- 24.00.01 – Theory and History of Culture (Philosophy)
- 24.00.01 – Theory and History of Culture (Cultural Studies)

Geographical Scope

The authors, editorial board members and reviewers represent such countries as Russia, the UK, Italy, China, Serbia, the USA, Japan, Iran, Spain and other states. The journal accepts papers written in Russian and English.

Contents

Editor-in-chief monologue: Presenting the Issue	6
--	---

RESEARCH ARTICLES

PHILOSOPHY

THE THEME OF THE ISSUE: PARADOXES OF NEW TEMPORALITY

Gorin D. G. Transhistoricism and a New Regime of Temporality in Modern Historical Culture	8
Ostroglozova N. A. Conceptualization of National Identity in International Media: Case-study of <i>The Economist</i> Publications.	21
Solovyova S. V., Konev V. A. Social Distancing and the Deficit of Presence (Philosophical Reflection of the Covid-19 Pandemic).	29
Pabst A. Politics and Culture after the Plague	44
Ovchinnikov, V. M., Paulus, P. J. Elements of Anti-world in the Game Universe <i>The Witcher</i>	52

RELIGIOUS STUDIES

Kovalenko V. D. The Image of Modern Orthodox Fundamentalism in Social Media	63
--	----

CULTURAL STUDIES

Makulov S. S. Soviet Diplomats and Journalists in Fascist Italy: Impressions about B. Mussolini Regime	80
Shavlay E. P. Cultural and Civilizational Ties between India and China Today	89
Mozgunova A. D. Transformation of Precedent-Related Phenomena in Japanese Advertisements and Commercials	100
Berezina A. V. Feminism in Iran: Genesis and Evolution	114

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Samsonova N. G. The Image of Spain in Russia at the Second Half of the 1870s – 1880s: the Peculiarities of the Perception of the Country's Socio-Political Sphere	131
Koyré A. Transl. Maidansky M. A. Russia's Place in the World. Pyotr Chaadaev and the Slavophiles	147

CULTURE & ART

Bokavneva O. V. China's Image in Russia: Historical Background	161
---	-----

BOOK REVIEWS

Sukhomlinova V. V. Review of <i>Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy</i>	175
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Semedov S. A., Battogtokh J. International Scientific Conference <i>Russian-mongolian Relations: from Origins to Modernity</i>	179
Pechtnov V. V. Research and Practical Conference to the 800th Anniversary of St. Prince Alexander Nevsky	184

Содержание

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Представляю номер	6
---	---

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ФИЛОСОФИЯ

ТЕМА НОМЕРА: ПАРАДОКСЫ «НОВОЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ»

Горин Д.Г. Трансistorизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре	8
Ostroglova N.A. Conceptualization of National identity in International Media: Case-study of <i>The Economist</i> Publications	21
Соловьева С.В., Конев А.В. Социальное дистанцирование и дефицит присутствия (Опыт философской рефлексии пандемии COVID-19)	29
Pabst A. Politics and Culture after the Plague	44
Овчинников В.М., Паулюс П.И. Элементы антимира в игровой вселенной «Ведьмака»	52

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Коваленко В.Д. Образ современного православного фундаментализма в социальных медиа	63
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Макулов С.С. Советские дипломаты и журналисты в фашистской Италии: впечатления о режиме Б. Муссолини	80
Шавлай Э.П. Культурно-цивилизационные связи Индии и Китая в наши дни	89
Мозгунова А.Д. Трансформации прецедентных феноменов в текстах японской рекламы	100
Березина А.В. Феминизм в Иране: генезис и эволюция	114

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Самсонова Н.Г. Образ Испании в России (вторая половина 1870-х – 1880-е гг.): особенности восприятия общественно-политической сферы	131
Койре А. Место России в мире: Пётр Чаадаев и славянофилы / А. Койре. Перевод М.А. Майданского	147

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Боканьева О.В. Образ Китая в России: история вопроса	161
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Сухомлинова В.В. Рецензия на сборник статей «Комплекс Дао по современной конфуцианской философии»	175
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Семедов С.А., Баттогтох Ж. Международная научная конференция «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности»	179
Печатнов В.В. Научно-практическая конференция к 800-летию св. князя Александра Невского	184

Concept: philosophy, religion, culture

© MGIMO University

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass media PI No. FS77-67951 dated December 6, 2016. Date of publication of the first issue: 03.20.2017. In 2020 a transition was made to numbering by volume.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications that publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences in three, according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia, areas of scientific specialties: 09.00.13. Philosophical anthropology, philosophy of culture; 09.00.14. Philosophy of religion, religious studies; 24.00.01. Theory and history of culture. Content is licensed under Creative Commons Attribution 4.0

Printed in the Department of operational printing and multiplying equipment MGIMO MFA of Russia. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454. Edition of 500 copies. Volume 16,6 p.l. Order 669 Mailing Address: Room 4114a, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, the Russian Federation/ Phone/fax: +7 495 234-83-48. E-mail: concept@mgimo.ru Cost: free price.

INTERNATIONAL ADVISORY COUNCIL

Anatily V. Torkunov – Doctor of Political Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University (Russia)
Boris Bratina – Doctor of Philosophy, Professor, University of Priština (Kosovska Mitrovica, Serbia)
Abdusalam A. Guseynov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Russia)
Philip T. Grier – PhD (Philosophy), Professor, Dickinson College (Pennsylvania, USA)
Stefano M. Capilupi – PhD (Philosophy), PhD (Philology), Professor, University of Rome «La Sapienza», St. Petersburg Polytechnic University, Russian Christian academy for the humanities (Italy)
Vladimir R. Legoyda – PhD (Political Sciences), Docent, MGIMO University. Chairman of the Holy Synod Department for Church, Society and the Mass Media Relations of the Russian Orthodox Church (Russia)
Slavenko Terzić – Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade Institute of History (Serbia)
Sergey V. Chugrov – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University, Editor-in-chief of the scientific journal «Polis. Political Studies» (Russia)
Aleksey V. Shestopal – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Vladimir S. Glagolev – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Tatiana M. Gurevich – Doctor of Cultural Studies, Docent, MGIMO University (Russia)
Yaroslav L. Skvortsov – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia)
Nina D. Afanasyeva – PhD (Pedagogical Sciences), Docent, MGIMO University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Evgeny I. Arinin – Doctor of Philosophy, Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich (Russia)
Lioudmila G. Vedenina – Doctor of Philology, Professor, MGIMO University (Russia)
Thomas J. Garza – Doctor of Philosophy, Professor, University of Texas (USA)
Irina Deretić – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)
Konstantin M. Dolgov – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)
Sergey B. Zelenev – PhD (Economics), Professor, Special Representative of International Council on Social Welfare (ICSW) to the United Nations in New York (USA)
Alexander V. Kamenets – Doctor of Cultural Studies, Professor, Russian State Sociological University (Russia)
Irina G. Kargina – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University (Russia)
Janet Clare – PhD (Philology), Professor, University of Hull (UK)
Lidia I. Kirsanova – Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern Federal University (Russia)
Alina A. Koroleva – PhD (Cultural Studies), MGIMO University (Russia)
Sergey D. Lebedev – PhD (Sociology), Docent, Belgorod State University (Russia)
Marcos Pablo Moloeznik – PhD (Law), Professor, University of Guadalajara (Mexico)
Nelly V. Motroshilova – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of RAS (Russia)
Elena A. Ostrovskaya – Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg University (Russia)
Adrian Pabst – PhD (Political thought and philosophy of religion), Professor, University of Kent (UK)
Aleksey A. Romanchuk – Researcher at the Institute of Cultural Heritage (Republic of Moldova)
Yury P. Simonov (Viazemsky) – PhD (History), Professor, MGIMO University (Russia)
Margarita V. Silantyeva – Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Sanami Takahashi – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Faculty of Human-Environment Studies, Kyushu University (Japan)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief:	YU. P. SIMONOV (VIAZEMSKY)
Editor-in-Charge:	A. A. KOROLEVA
Deputy Editor-in-Chief:	N. D. AFANASYEVA, M. V. SILANTYEVA
Executive secretary:	Irina. A. Chuprova – PhD (Philosophy), MGIMO University (Russia)
Editors:	Svetlana Yu. Dianina – PhD (Philosophy), MGIMO University (Russia) Natalia A. Ostroglazova – MGIMO University (Russia) Vladimir I. Konnov – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia) Nadezhda Y. Yarygina – MGIMO University (Russia) Dmitriy E. Volkov – MGIMO University (Russia)
Designer, Coder:	Andrey V. Zabornikov – MGIMO University (Russia)
Site Administrator:	

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Анатолий Васильевич Торкунов – д.полит.н., профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России (Россия)
Борис Братина – д. философии, Приштинский университет (Косовская Митровица, Сербия)
Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов – д.филос.н., профессор, академик РАН, Институт философии РАН (Россия)
Филип Т. Гриер – PhD (философия), Дикинсон колледж (Пенсильвания, США)
Стефано М. Капилупи – к.филос. н., PhD (Филология), Римский государственный университет «Ла Сапьенца», Политехнический университет имени Петра Великого, РХГА (Италия)
Владимир Романович Легойда – к.полит.н., доцент, МГИМО МИД РОССИИ, Синодальный отдел РПЦ по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ (Россия)
Славенко Терзич – д.и.н., профессор, член-корреспондент Академии наук Сербии, Исторический институт Белграда (Сербия)
Сергей Владиславович Чугров – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России, редактор научного журнала «Полис. Политические исследования» (Россия)
Алексей Викторович Шестопал – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Владимир Сергеевич Глаголев – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Татьяна Михайловна Гуревич – д. культурологии, к. филол. н., доцент, МГИМО МИД России (Россия)
Ярослав Львович Сворцов – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия)
Нина Дмитриевна Афанасьева – к.пед.н., МГИМО МИД России (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Евгений Игоревич Аринин – д.филос.н., профессор, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия)
Людмила Георгиевна Веденина – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Томас Х. Гарза – д. философии, профессор, Университет штата Техас (США)
Ирина Деретич – д. философии, профессор, Белградский университет (Сербия)
Константин Михайлович Долгов – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Сергей Борисович Зеленев – к.э.н., профессор, Совет по общественному благосостоянию (Нью-Йорк, США)
Александр Владленович Каменец – д.культурологии, профессор, РГСУ (Россия)
Ирина Георгиевна Каргина – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Джанэт Клэр – PhD (филология), профессор, Университет г. Гулл (Великобритания)
Лидия Игнатьевна Кирсанова – д.филос.н., профессор, ДВФУ (Россия)
Алина Алексеевна Королева – к.культурологии, МГИМО МИД России (Россия)
Сергей Дмитриевич Лебедев – к.социол.н., доцент, НИУ БелГУ (Россия)
Маркус Пабло Молоежчик – PhD (право), профессор, Университет Гвадалахары (Мексика)
Неля Васильевна Мотрошилова – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Елена Александровна Островская – д.социол.н., профессор, СПбГУ (Россия)
Адриан Пабст – PhD (политические науки и философия религии), профессор, Кентский университет (Великобритания)
Андрей Алексеевич Романчук – н.с. Института культурного наследия (Республика Молдова)
Юрий Павлович Симонов (Вяземский) – к.ист.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Маргарита Вениаминовна Силантьева – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Санам Такахаши – PhD (философия), Университет Кюсю (Япония)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор:	Ю.П. СИМОНОВ (ВЯЗЕМСКИЙ)
Шеф-редактор:	А.А. КОРОЛЕВА
Зам. главного редактора:	Н.Д. АФАНАСЬЕВА, М.В. СИЛАНТЬЕВА
Ответственный секретарь:	Ирина Александровна Чупрова – к.филос.н., МГИМО МИД России (Россия)
Редакторы:	Светлана Юрьевна Дианина – к.филос.н., МГИМО МИД России (Россия) Наталья Александровна Остроглазова – МГИМО МИД России (Россия) Владимир Иванович Коннов – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия) Надежда Юрьевна Ярыгина – МГИМО МИД России (Россия)
Дизайн и верстка:	Волков Дмитрий Евгеньевич – МГИМО МИД России (Россия)
Администратор сайта:	Заборников Андрей Витальевич – МГИМО МИД России (Россия)

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Насколько злободневной должна быть научная периодика? И насколько «толстые» и «тонкие» журналы, публикующие «авангардные» научные исследования, входят в область значений того добросовестного обмена научной информацией, к которому принято её относить? Вопросы, далеко не праздные в условиях системного перехода российской науки и образования к практикам публикаций в ведущих рецензируемых изданиях мирового уровня. И в самом деле, если тема исследования действительно *новая*, возникает далеко не праздный вопрос: способно ли научное сообщество распознать её как таковую? И насколько надёжны инструменты подобного распознавания? В любом случае, редакция, публикующая подобные статьи, всегда идёт на определённый риск. Впрочем, бояться этого риска — значит отказаться от пути, по которому научное знание идёт уже не первое столетие, отдавая дань не только парадоксам, но и опыту. Ведь путь опытного (читай: индуктивного) рассуждения — это путь проб и ошибок, где научная значимость ошибки порой бывает куда более ценной, чем добросовестный пересказ тривиальностей. Правда, наш «риск» в текущем номере смягчён известными именами авторов и тщательным описанием методологии большинства исследований. Последнее позволяет подойти к полученным выводам с позиций фальсификационизма и даёт хотя бы частичную страховку от того, чтобы не впасть в противоположную крайность, когда оригинальные идеи начинают превращаться в «догму грядущего дня».

Именно к таким актуальным, нетривиальным и по-своему прорывным работам можно отнести исследования **Владимира Овчинникова** и **Пауля Паулуса** «Элементы антимира в игровой вселенной “Ведьмака”», **Дмитрия Горина** «Трансисторизм

и новый режим темпоральности в современной исторической культуре», **Эллины Шавлай** «Культурно-цивилизационные связи Индии и Китая в наши дни». Не менее ярким своеобразием отличается философски поэтичный и вместе с тем строго научный текст британского философа и политолога **Адриана Пабста** «Politics and Culture after the Plague», посвящённый, как и статья университетских педагогов из Самары **Светланы Соловьевой** и **Владимира Конева** «Социальное дистанцирование и дефицит присутствия (Опыт философской рефлексии пандемии COVID-19)», осмыслению текущих событий, связанных с пандемией новой коронавирусной инфекции.

Поистине злободневными предстают классическое культурологическое исследование «Трансформации прецедентных феноменов в текстах японской рекламы», выполненное **Александрой Мозгуновой**, и философский анализ **Наталией Остроглазовой** особенностей лексического выражения идентификационных процессов, транслируемого уважаемым британским изданием *The Economist* («Conceptualization of National Identity in International Media: Case-study of *The Economist* Publications»).

Историческая дистанция, которая позволяет рассуждать о тех или иных процессах культуры, для ряда работ оказалась более значительной. Но и тогда острие исследовательского интереса их авторов касается нашего времени, становясь отзвуком философского вопрошания о судьбах народов и стран. К исследованиям, насыщенным животрепещущими временными коннотациями, принадлежат статьи **Наталии Самсоновой** «Образ Испании в России (вторая половина 1870-х – 1880-е гг.): особенности восприятия общественно-политической сферы», **Сергея Макулова** «Советские дипломаты и журналисты в фашистской Италии: впечатления о

режиме Б. Муссолини», **Ольги Бокавневой** «Образ Китая в России» и **Анны Березиной** «Феминизм в Иране: генезис и эволюция». Процессы религиозной идентификации в связи с цифровой трансформацией российского общества исследует религиовед из Санкт-Петербурга **Владимир Коваленко** в работе «Образ современного православного фундаментализма в социальных

медиа». И наконец, читателей порадует блестящий перевод работы выдающегося российско-французского философа и историка науки **Александра Койре**, написанной им в 1920-е гг. и впервые переведённой на русский язык молодым российским философом из Белгорода **Максимом Майданским**.

Юрий Симонов (Вяземский)



ТРАНСИСТОРИЗМ И НОВЫЙ РЕЖИМ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Дмитрий Геннадьевич Горин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
dm.gorin@mail.ru



Аннотация. Возвращение интереса к историческому прошлому и конфликты по поводу его интерпретации автор связывает с существенными изменениями в исторической культуре и режиме исторической темпоральности. Публичные репрезентации истории в условиях современных трансформаций апеллируют преимущественно не к разуму и достоверности, а к воображению, аффектам, зрелищности и чувству причастности. Эти изменения связаны с глобализацией, цифровизацией и переориентацией современного общества с производства на потребление. В исторической культуре следствием этих трансформаций становятся множественность, виртуализация и презентизм. Это провоцирует размывание чувства исторической длительности и образов будущего. Образы прошлого подчиняются ретроактивной логике экстраполяции актуальных представлений. Обращение к большим историческим нарративам в этих условиях не позволяет, как это было ранее, достигать социальной интеграции, а наоборот, провоцирует конфликты. Новые войны памяти характеризуются «гибридным историзмом», который рассматривается как продукт трансформации фрагментов больших нарративов, функционирующих в принципиально изменившемся обществе. Наряду с признаками, свидетельствующими о кризисе прежней модели репрезентации истории, наблюдаются новые тенденции. Они проявляются, в частности, в пересборке истории во множественных перспективах трансисторизма, который способствует сосуществованию антиномизма и конформизма, принятия различий и установления границ собственной идентичности, игрового начала и стремления к подлинности. Новый режим темпоральности рассматривается в контексте снятия противоречия между прогрессистским духом модернизма и деконструкцией историзма в постмодернистской идее «постистории». Темпоральность трансисторизма определяется нелинейностью времени культуры, в которой происходят сложные взаимодействия сконструированного, деконструированного и реконструированного, утраченного, приобретенного и восстановленного.

Ключевые слова: историческая темпоральность, время, историзм, трансисторизм, «гибридный историзм», виртуализация, публичная история

Для цитирования: Горин Д.Г. Трансгисторизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20>

Research article

TRANSHISTORICISM AND A NEW REGIME OF TEMPORALITY IN MODERN HISTORICAL CULTURE

Dmitry G. Gorin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
dm.gorin@mail.ru

Abstract. The author associates the return of interest in the historical past and conflicts over its interpretation with significant changes in the historical culture and in the regime of historical temporality. Public representations of history in the context of modern transformations appeal mainly not to reason and authenticity, but to imagination, affects, entertainment and a sense of belonging. These changes are associated with globalization, digitalization and the reorientation of modern society from production to consumption. In historical culture, the consequences of these transformations are plurality, virtualization and presentism. This provokes a blurring of the sense of historical duration and images of the future. The images of the past obey the retroactive logic of extrapolation of current ideas. The appeal to historical grand-narratives in these conditions does not allow, as it was before, to achieve social integration, but on the contrary, provokes conflicts. The new wars of memory are characterized by the *hybrid historicism*, which is seen as a product of the transformation of fragments of the old grand narratives that now function in a fundamentally changed society. Along with the signs indicating the crisis of the previous model of representation of history, new tendencies are observed. They are manifested, in particular, in the reassembly of history in the multiple perspectives of transhistoricism, a revolutionary view of history unlike the traditional one, the approach which contributes to the coexistence of antinomianism and conformism, the acceptance of differences and the establishment of the boundaries of one's own identity, playfulness and the desire for authenticity. Thus, transhistoricism serves as a vehicle to promote coexistence of multiple stories that work together and through their interconnectedness help to overcome contradictions that once were deemed impossible to handle and to add to a shared sense of unity. The new regime of temporality is considered in the context of removing the contradiction between the progressive spirit of modernism and the deconstruction of historicism in the postmodern idea of *post-history*. The temporality of transhistoricism is determined by the nonlinearity of the time of culture, in which complex interactions of the constructed, deconstructed and reconstructed, lost, acquired and restored take place.

Keywords: historical temporality, time, historicism, transhistoricism, "hybrid historicism", virtualization, public history

For citation: Gorin, D. G. (2021) 'Transhistoricism and a New Regime of Temporality in Modern Historical Culture', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20>

Конфликты интерпретации исторического прошлого, охватившие в последние годы многие страны и отношения между ними, представляют собой очевидные признаки возвращения истории в публичную сферу. Войны памяти вспыхивают сегодня в разных уголках мира, разворачиваются многочисленные конфликты, связанные с трактовкой национальных историй соседних государств, отношения между которыми не были однозначными. Не менее болезненные конфликты возникают и внутри стран. Обращение к богатому историческому прошлому Каталонии, например, обостряет конфликт с испанским правительством. Тенденции реабилитации сталинизма в России вызывают протест со стороны репрессированных народов Северного Кавказа. В США конфликты, связанные с памятниками конфедератам, обостряют современные противоречия американского общества.

Однако вряд ли это может свидетельствовать о возвращении того самого историзма, который определял социальное и политическое мышление до провозглашённого Ф. Фукуямой на рубеже 1980-1990-х гг. «конца истории» [Fukuyama, 1992]. Речь, видимо, идёт о принципиально новом феномене публичного бытия истории, анализ которого требует выявления изменений в исторической культуре и характерном для неё режиме исторической темпоральности.

Историческую культуру М.А. Барг рассматривал через призму исторического сознания, которое является «структурирующим элементом культуры, поскольку в каждую данную эпоху в нем отражались господствующие представления о мире и месте в нем человека, об обществе, рассматриваемом сквозь призму пространства и времени» [Барг, 1987: 3]. Поскольку понятие «историческая культура» включает те аспекты культуры, которые связаны с разнообразными формами бытия исторического знания в повседневных формах производства идентичности сообществ, основной характеристикой её трансформации является изменение темпоральных оснований манифестации истории в различ-

ных формах социального опыта, включая повседневную жизнь, искусство, публичную политику. Речь идёт о характерных для той или иной культуры способах кодирования соотношения прошлого, настоящего и будущего, переживания длительности, включая дискретность и континуальность исторического времени и другие характеристики, задающие возможность конструировать социальные перспективы и ретроспективы. Режим темпоральности [Hartog, 2015; Ассман, 2017] отражает целостность проявления различных аспектов кодирования переживания времени и существенным образом определяет характерные для определённой культуры черты обращения к истории.

Возникновение режима темпоральности, характерного для современных обществ, относят, как правило, к XVIII в., когда в общественной мысли утверждается рационализм [Джеймисон, 2019: 450] и ориентация на «горизонт ожидания» [Koselleck, 2002; Козеллек, 2010]. Идея прогресса стала отражением сформировавшейся тогда культурной ориентации, которая соответствовала индустриальной модернизации, основанной на идее расширения производства и неуклонного увеличения ресурсов. Это способствовало распространению больших исторических нарративов, проявившихся прежде всего в литературной форме [Лукач, 2014]. Большие исторические нарративы позволяли конструировать широкие идентичности, включающие общие исторические ретроспективы и социальные перспективы, отражающие соотношение действительности и идеала, сущего и должного. Классические идеологии эпохи модерна опирались на собственные версии больших исторических нарративов, поскольку историческое время рассматривалось в контексте прогрессивного продвижения к идеалу. История в этих условиях интегрировалась в социальное и политическое мышление [Копосов, 2011] и приобретала существенную роль в поддержании идентичностей [Репина, 2007: 5-21], в том числе национальных [Вжосек, 2010: 5-13].

Биполярная система международных отношений, сложившаяся после Второй

мировой войны, поддерживалась идеологическим противостоянием, апеллировавшим к соответствующим версиям больших исторических нарративов. Поэтому распад этой модели Ф. Фукуяма связывал с «концом истории». Однако причины трансформации исторической культуры следует искать не столько в политической или идеологической сфере, сколько в фундаментальных трансформациях общества, которые существенным образом меняют кодирование переживания времени. Эти трансформации выражаются в разнообразных тенденциях, проявляющихся в девальвации идеи прогресса и связанных с ней больших исторических нарративов. В этих условиях историзм как принцип мышления также претерпевает существенные трансформации, связанные как с деконструкцией исторического времени в характерном для постмодернизма аисторизме, так и в новых формах конструирования исторических ретроспектив, например, в ностальгии [Бойм, 2019], ретротопиях [Бауман, 2019: 21], метаисторизме [Метамодернизм, 2020: 83-210]. Трансисторизм представляет собой одну из возможностей пересборки истории в новых условиях.

Однако прежде, чем перейти к рассмотрению трансисторизма, следует обратиться к вопросу о том, что именно завершилось с «концом истории».

Ф. Фукуяма был ни первым и ни последним из тех, кто провозглашал «конец истории» и наступление эпохи, в которой разрешатся ключевые противоречия, поддерживавшие ранее переживание исторической драмы. Идея «конца истории» присуща любым историософским концепциям, представляющим историю как линейный телеологический процесс и приписывающим ей смысл и назначение. Эта идея проступает в историософии Г. Гегеля, интерпретируя которую А. Кожев предполагал откат от истории к витальным потребностям [Кожев, 2003]. Через Гегеля идея завершения истории переходит в марксизм. Ещё в 1861 г. А. Курно предполагал, что конец буржуазного общества приведёт к остановке исторической динамики. На его рассуждения ссылался Х. де Ман, который в изданной в 1951 г. книге «Искажение и

гибель культуры» [Ман, 1951] ввёл термин «постистория». Отдельного внимания заслуживает позиция Р. Зейденберга, который в 1950 г. издал книгу «Постисторический человек» [Seidenberg, 1950]. При всём многообразии «постисторического», его определения связываются, по мнению Д. Кампера, не со стремлением к иррациональности, а с «реальным принуждением "объективной неопределённостью" событий» [Кампер, 2006: 131-132]. У Кампера речь идёт о том, что происходящее не может быть определено, поскольку оно потрясает общепринятую аксиоматику, на которой строятся объяснения. Ф. Фукуяма «конец истории» связывал с завершением эпохи противостояния больших идеологий, каждая из которых воспроизводила свой исторический нарратив. Критики этой концепции вполне справедливо утверждали, что победившая в этом противостоянии идеология вряд ли справится с задачей репрезентации будущего мира, а глобализация встретит на своём пути целый ряд препятствий, некоторые из которых, возможно, окажутся роковыми.

Трансформации капитализма, который стал потребительским, глобальным и цифровым, видимо, действительно привели к распаду доминировавшего со второй половины XVIII в. режима темпоральности, хотя и не строго в том смысле, о котором писал Фукуяма. Основные причины его заката вряд ли определяются победой (весьма условной) одного идеологического нарратива. Их следует искать не только в ценностном релятивизме, который сопровождает закат больших идеологических проектов, и не только в том, что их взаимное разоблачение, как это предвидел ещё К. Манхейм [Манхейм, 1994: 41-42], подорвали доверие к мысли вообще и породили иррационализм и скептицизм. Эти тенденции могли бы объяснить кризис идеологизированных версий больших исторических нарративов, но распад охватил прежде всего событийную историю.

Как минимум три гипотезы, объясняющие распад событийной истории, сформулировал Ж. Бодрийяр [Baudrillard, 1994]. Первая состоит в невозможности конструирования истории, если исчезают её связи

с вещами и событиями. Утрата этих связей объясняется ускорением технического, коммуникационного и событийного обновления. Вторая гипотеза сводится к тезису о «замерзании» истории в инертной и индифферентной массовой культуре. Нейтрализованная медиакommunikациями масса подобно «черной дыре» поглощает исторические события в многообразных и насыщенных взаимодействиях. И третья гипотеза связана с тезисом о невозможности в новой медиасреде изоляции истории от модели её постоянного «совершенствования». Такое «совершенствование» истории представляет собой её симуляцию в условиях, когда информационная экспансия становится безграничной. Если после XVIII в. историзм поддерживал веру в существующую «реальность» и в возможность эту «реальность» изменять, то распад этого образа мысли ведёт к утрате веры в существование мира, которая была диагностирована французскими постмодернистами. «Веры в существование мира, — вот чего нам не хватает больше всего; мы полностью потеряли мир, нас лишили его». Эти слова Ж. Делёза относятся прежде всего к утрате способности «вызывать к жизни даже незначительные события, которые ускользают от контроля, или же порождать новое пространство-время, даже с сокращенной поверхностью или объемом» [Делез, 2004: 225].

Распад событийной истории связан, во-первых, с характерным для общества потребления презентизмом и характерным для него отказом от метафизического мышления [Gumbrecht, 2004], а во-вторых, с виртуализацией. Если история превращается в объект потребления, то создание целостных образцов толкования истории оказывается затруднительным. Хотя бы потому, что производство чаще всего коллективно, а потребление, как замечает Ж. Бодрийяр, — всегда индивидуально [Бодрийяр, 2006: 116-117]. Поэтому в политических дискурсах система аргументации отсылает уже не к внешнему идеалу, а к функционированию определённых исторических контекстов и образов, которые вынужденно дробятся и фрагментируются. Виртуализация принципиально меняет

отношения должного и сущего, напряжённость между которыми представляла основную пружину историзма, определявшего и большие идеологические проекты, и связанные с ними исторические нарративы. Напряжённость между должным и сущим в историзме имела темпоральные характеристики: время истории воспроизводило различия между актуальной действительностью и возможностью достижения идеалов должного. Виртуализация не поддерживает такой образ мысли, поскольку предстаёт как «реальность», присущая себе самой и существующая из себя самой. Процессом обращения к виртуальному является не осуществление, а актуализация [Делез, 1998: 258-261]. В этом смысле виртуальное принципиально отличается от идеального, постулирование которого требовало ревностного следования изначальному концепту.

Именно эта ориентация на относительно стабильный идеальный концепт перестаёт быть чертой нового образа мысли. Виртуальное не нуждается в этой стабильности идеала, поскольку представляет собой множественность. Различие воспроизводится теперь в самом процессе актуализации виртуального, которая происходит мгновенно, без темпорального смещения между должным и сущим. В результате происходящих трансформаций на смену историческому времени, отражающему процесс становления и осуществления, приходит «реальное время» актуализации [Вирилио, 1996: 130-133]. Если историческое время определяется отношениями между прошлым, настоящим и будущим, то «реальное время» — это время виртуальной реальности, в которой конструирование хронологической последовательности истории оказывается затруднительным, если вообще возможным.

Если история сегодня возвращается в качестве объекта потребления, то её характер принципиально меняется: происходит «втягивание» прошлого в актуальные контексты, что оборачивается его «осовремениванием», свободными реинтерпретациями и бесконечными «новыми прочтениями». Рост ностальгических настроений также связан со стиранием различий меж-

ду прошлым и настоящим [Бойм, 2002]. Возникает иллюзия, будто бы прошлое не прошло, а сливается с растянувшимся реальным временем, в котором преодолевается асимметрия между историческим опытом и горизонтом ожиданий. С будущим происходит аналогичная метаморфоза. Образы будущего — желаемого, возможного или вероятного — распадаются на плохо совместимые фрагменты, а место целостных представлений о будущем занимают страх и расчёт рисков. Если прошлое размывается, а будущее не определено, то и настоящее время не переживается больше как переход от прошлого к будущему. Как писал З. Бауман, ретротопия «заменила идею “абсолютного совершенства” убеждённости в незавершённости и природной неустойчивости поддерживаемого порядка» [Бауман, 2019: 21]. Исторический опыт в результате этих трансформаций утрачивает свои привычные функции.

С «концом истории», таким образом, завершилась прежде всего эпоха её рациональных моделей, которые были подчинены не только целям идеологического противостояния, но и принципам научной достоверности (даже если исторические факты служили идеологическим, а не научным моделям). Как заметил Э. Хобсбаум, открытие новых исторических музеев, объектов наследия и исторических парков связано с созданием вымышленной истории — как для наций, так и для отдельных групп [Хобсбаум, 2017: 79]. Более того, в книге «Сториномика» речь идёт о том, что «проникнув через ментальную дверь, история естественным образом внедряется в наше сознание, увлекает и в дальнейшем влияет на наши решения, в том числе и на покупательский выбор». Поэтому история в современном сторителлинге определяется авторами как «обитель воображения» [Макки, Джерас, 2019: 66], направленного на манипулирование с целью провоцировать максимально возможные потоки турсов, ссылок и лайков.

Идеологическая борьба в условиях биполярного мира не допускала столь откровенного пренебрежения достоверностью. Большие исторические нарративы порождали существенные конфликты

между носителями разных исторических идентичностей, но все они восходили к универсальным принципам описания современных социальных и политических миров и, соответственно, содержали внутреннюю возможность для диалога. Публичные дискуссии, апелляция к научной рациональности и научному обоснованию исторических фактов — всё это способствовало диалогическому сосуществованию больших исторических нарративов, которые в условиях высокого уровня публичной критики должны были опираться на научную достоверность. В настоящее время эти основания существования больших исторических нарративов размываются и повышается опасность переклечения исторических репрезентаций с диалогичности на монологичность. Вернувшаяся в публичную сферу история апеллирует уже не к разуму и достоверности, а к аффектам и зрелищности. История превратилась в объект потребления, она перестала быть литературной и стала визуальной.

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что современное общество претерпевает существенные трансформации и не может описываться старыми моделями, основанными на больших исторических нарративах. Последствия этих трансформаций наблюдаются в разных странах, где появляются признаки кризиса моделей развития, недовольство потребительством и меркантилизмом, разочарование и растерянность. Непредсказуемость, фрагментарность и случайность в политической сфере воспринимается намного более остро, чем изменения в социальной структуре общества или в системе экономических отношений. В этих условиях возникает угроза оторванности публичной сферы и политического процесса от фундаментальных изменений, происходящих в обществе. В результате публичная политика иррационализируется, происходит своеобразный сдвиг между рациональными моделями мира и субъективной психологической рефлексией. В современных политических кампаниях в разных странах мира эти тенденции отчасти проявляются в пропаганде, спекуляции на ностальгических чувствах, популизме, обращении к

этнонационалистической проблематике, изоляции и исключении меньшинств, а охватившая мир пандемия коронавируса провоцирует расцвет конспирологии, что лишь усугубляет ситуацию. Опасность этих тенденций в том, что основанием исторического нарратива оказывается не научная модель, а вымышленная конструкция, ведущая к стереотипизации истории и сведению её к мифологической поляризации добра и зла. В этом случае наиболее сильным аффектом, связанным с возвращением истории, становится ненависть. Современные противоречия опрокидываются в прошлое, а призраки прошлых войн объективируются в новых конфликтах.

Эти тенденции связаны с проявлением в исторической культуре такого феномена, который можно было бы назвать «гибридным историзмом». Он отражает общие тенденции «гибридизации» современной культуры [Бахманн-Медик, 2017: 232-239] и представляет собой продукт трансформации фрагментов прежних идеологизированных больших исторических нарративов, функционирующих в принципиально изменившихся условиях современного общества. Признаки научной достоверности отдельных фактов соединяются с мифологемами, достоверность которых проверить невозможно.

В условиях возвращения истории в публичную сферу возникает вопрос о том, какие возможны новые формы историзма и репрезентации истории, альтернативные упомянутому выше «гибридному историзму». Одной из очевидных перспектив переосмысления публичных форм репрезентации истории является трансисторизм, который достаточно отчётливо проявляется как тренд в кураторстве выставочной деятельности¹ [Bal, 2018; Crowther, 2002]. Его распространённость всё более очевидна в последние два десятилетия, когда термин «трансисторический музей» закрепляется в литературе. В современном музее трансисторизм позволяет проследить

сквозные мотивы в истории искусства, вовлекать современное искусство в диалог с искусством прошлых эпох, экспериментировать с комбинированием совершенно разных стилей и направлений, включая их в единое выставочное пространство, что способствует освобождению от сложившихся стереотипов в понимании соотношения традиции и новаторства в искусстве. В сборнике «Transhistorical Museum: Mapping the Field», опубликованном музеем Франса Хальса в Харлеме (Нидерланды), трансисторизм обосновывается не только с искусствоведческих, но и с более широких философских позиций [Transhistorical Museum, 2018].

Разумеется, трансисторический подход был известен и раньше, он распространялся в философских исследованиях, социальном и гуманитарном знании, искусствоведении. Однако современные трансформации исторической культуры и режима её темпоральности позволяют увидеть в трансисторизме новый тренд, связанный с переосмыслением тех изменений, которые проявляются после постмодернистской деконструкции истории и потребительского «схлопывания» исторического времени в точку «здесь-и-сейчас».

Если в основе режима темпоральности, характерного для историзма, лежит идея континуального линейного времени, а режим темпоральности, характерный для постмодернистского аисторизма опирается на идею дискретности точечного восприятия времени, которое З. Бауман сравнивал с картинами пуантилистов, то темпоральность трансисторизма характеризуется открытием множественных перспектив и ретроспектив, позволяющих не только видеть многообразие и нелинейность истории, но и создавать ряды исторических аналогий и ассоциаций по отношению к актуальной действительности.

Новый режим темпоральности, выраженный в трансисторизме, с одной стороны, освобождается от жёсткой логики

¹ Billard J. What is «Transhistorical Curation»? The Trend That's Sweeping Some of the World's Leading Arts Institutions // Artspace . – 2018. – 3 may. – URL: https://www.artspace.com/magazine/art_101/trend_report/what-is-transhistorical-curation-the-trend-thats-sweeping-some-of-the-worlds-leading-arts-55390 (Accessed: 05.05.2021).

историзма, основанной на поиске фундаментальных факторов развития, обеспечивающих целостное восприятие исторического процесса. Трансисторизм в этом смысле вырастает из аисторического отрицания детерминирующего континуального линейного времени, характерного для эпохи «конца истории», когда большие исторические нарративы стали разрушаться под давлением глобальной трансформации (кстати, трансисторизм как кураторский тренд в выставочной деятельности непосредственно вырастает из аисторической идеи освобожденного от времени «чистого» восприятия искусства вне зависимости от времени и исторического контекста). Но, с другой стороны, трансисторизм противостоит историзму и открывает новые способы обращения к истории, позволяющие описывать идеи, представления или события как бы «сквозь» историю.

Любопытно, что М. Фрэзер², разрабатывающий трансисторический подход в методологии политической теории, противопоставляет свою методологическую рефлексию трансисторизма подходам, основанным как на историзме, так и на аисторизме. Он пишет, что традиционное разделение политической теории на «историю политической мысли» и «современную политическую философию» в британской традиции ассоциируется с историзмом «Кембриджской школы» и аисторизмом политических философов Оксфорда. Историзм «Кембриджской школы» хорошо известен и обоснован прежде всего К. Скиннером [Skinner, 1978] и Дж. Пококом [Рососк, 2009]. Но как отмечает М. Фрэзер, хотя политические философы Оксфорда не создали столь объёмного методологического обоснования аисторизма, многие из них, игнорируя историю, исходят, видимо, из идеи о том, что знание прошлого утрачивает актуальность в решении современных политических проблем. Обосновывая свою трансисторическую политическую теорию, М. Фрэзер пишет, что трансисто-

ризм — это прежде всего вопрос «перевода» практической мудрости прошлого в то, что можно использовать сегодня. Здесь речь идёт не только лишь о погружении в «языки» прошлого, как, например, у Дж. Покока, а о необходимости оценить их трансисторические достоинства. Например, одним из мотивов трансисторического обращения к прошлому является надежда на поиск выхода из современного кризиса на основе обращения к забытой практической мудрости.

Возвращение истории в публичную сферу связано с существенными проблемами в обращении к прошлому, которые ещё предстоит осмыслить. Если прошлое не воспринимается больше в характерной для историзма контекстуальной целостности и не может больше игнорироваться, то с ним могут устанавливаться непосредственные и весьма разнообразные связи. В частности, актуальные представления и этические нормы могут распространяться на любые исторические эпохи. Среди примеров такого ретроактивного распространения актуальных представлений следует назвать требования студентов Принстонского университета переименовать здание, названное в честь президента США Вудро Вильсона, который в 1902–1910 гг. занимал должность ректора университета, и серию конфликтов, связанных со сносом памятников конфедератам, воевавшим в годы гражданской войны на стороне Юга. В 2017 г. власти некоторых американских штатов демонтировали памятники конфедератам. Однако требования снести памятник генералу Роберту Ли, командовавшему силами конфедератов, вызвали осенью 2017 г. беспорядки в Шарлотсвилле, где в защиту мемориала выступили представители ультраправых.

В ближайшее время подобные проблемы, видимо, будут проявляться более часто, поскольку они вызваны характерными трансформациями исторической культуры. С одной стороны, если прошлое втя-

² Frazer M. Three Methods of Political Theory: Historicism, Ahistoricism and Transhistoricism (draft for presentation at the 2010 Canadian Political Science Association Annual Meeting). – 2010. – URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2010/Frazer.pdf> (Accessed 25.01.2021).

гивается в настоящее и различия между актуальной реальностью и прошлым стираются, то современные общества оказываются перед угрозой новых войн памяти, вызванных ретроактивной переинтерпретацией истории. С другой стороны, не менее опасной является и противоположная позиция, исходящая из морально-этического релятивизма. Под предлогом неприменимости современных представлений о добре и зле к оценкам прошлого происходит оправдание аморальных или даже преступных действий крупных исторических фигур. Избирательность применения морально-этических норм, их относительность ведёт к их опасной девальвации. Решение подобных проблем ещё предстоит найти в общественных дискуссиях.

Однако следует иметь в виду, что подобного рода конфликты связаны скорее с «гибридным историзмом», воспроизводящим черты универалистского определения исторического прогресса в условиях современного презентизма. Трансисторизм исходит из иных установок: в поисках взаимосвязей между современным и историческим он не ориентируется на поиск универсальных критериев оценки исторических событий и артефактов, предполагая их уникальность, с которой можно выстраивать некие актуальные отношения. Для трансисторизма характерно скорее стремление уловить не универсалии истории, а быстротечность и уникальность её разнообразных проявлений, связь с которыми может быть выявлена, как пишет Ч. Мартиндейл, в результате своеобразной транс-исторической рецепции, основанной именно на различиях [Martindale, 2013: 173].

Темпоральность трансисторизма, отрицая как идею линейного времени прогресса, так и утверждение о «конце истории», определяется нелинейностью времени культуры, в которой происходят сложные взаимодействия своего, иного и чуждого, прошлого, настоящего и будущего, сконструированного, деконструированного и реконструированного, утраченного, приобретенного и восстановленного. Здесь наблюдается снятие противоречия между историческим духом модернизма, с характерной для него ориентацией на горизонт

ожидания, и деконструкции историзма в постмодернистской идее «постистории». Трансисторизм оказывается способным пересобирать оставшиеся после постмодернистской деконструкции фрагменты в новые целостности, которые могут быть основаны на новой континуальности исторического времени, однако эта континуальность множественна и не может быть тотальной. Постмодернистская деконструкция позволила обрести голос тем группам, которые не могли ранее влиять на создание больших исторических нарративов. В результате появились возможности для реализации многочисленных историй проигравших, историй жертв, историй меньшинств, репрезентаций которых связана в том числе и с постколониальным поворотом в социальном и гуманитарном знании [Бахманн-Медик, 2017: 217-282].

История, как известно, способна не только разделять людей, но и объединять их, преодолевая ксенофобию и социальную ненависть — межэтническую, межрелигиозную и основанную на социальных различиях, культурных ориентациях и политических предпочтениях. Современные общественные трансформации требуют открытости истории, в которой сосуществуют одновременно антиномизм и конформизм, принятие различий и установление границ собственной идентичности, игровое начало и стремление к подлинности. Трансисторизм в этом контексте может рассматриваться с точки зрения возможностей сосуществования множественных историй, которые перестают быть нишевыми, а вступают во взаимодействие друг с другом, способствуя снятию непримиримых ранее противоречий и преодолению чуждости. На смену элитизму модерна и антиэлитизму постмодерна приходит идея права на историю и самовыражение во множественных перспективах. Можно предполагать, что при определённых условиях трансисторизм будет способствовать формированию норм поведения, основанных на ценности личного достоинства, понимании сложности современного мира, умении успешно и конструктивно коммуницировать с носителями иных систем убеждения. Разумеется, в условиях

современной неопределённости, тран- очевидного возвращения общественного
сторизм остаётся пока лишь одной из воз- интереса к ней.
можностей пересборки истории в условиях

Список литературы:

- Fukuyama F. The end of history and the last man. — New York : Free Press, 1992. — 600 p.
- Барг М.А. Эпохи и идеи : Становление историзма. — Москва : Мысль, 1987. — 348 с.
- Hartog F. Regimes of historicity presentism and experiences of time. — New York : Columbia University Press, 2015. — XXII, 262 p.
- Ассман А. Распалась связь времен? : взлет и падение темпорального режима Модерна. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 272 с.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. — 799 с.
- Koselleck R. The practice of conceptual history : timing, history, spacing concepts. — Stanford : Stanford University Press, 2002. — XIV, 363 p.
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 21–33.
- Лукач Г. фон. Исторический роман. — Москва : Common Place, 2014. — 178 с.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 315 с.
- Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. — 2007. — № 21. — С. 5–21.
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. — 2010. — № 30. — С. 5–13.
- Бойм С.Ю. Будущее ностальгии. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 671 с.
- Бауман З. Ретротопия. — Москва : ВЦИОМ, 2019. — 156 с.
- Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Робин ван ден Аккер [и др.] — Москва : Группа компаний РИПОЛ классик : Панглосс, 2020. — 340 с.
- Кожев А.В. Введение в чтение Гегеля (Лекции о Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе). — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — 792 с.
- Man H. de. Vermassung und kulturverfall; eine diagnose unserer zeit. — Bern : Francke Verlag, 1951. — 210 p.
- Seidenberg R. Posthistoric man. An inquiry. — Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1950. — X, 246 p.
- Кампер Д. Государство в голове, неистовство сердца. Замечания Эрнста Юнгера к «постистории» // Судьба нигилизма. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — С. 121–135.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. — Москва : Юрист, 1994. — 700 с.
- Baudrillard J. The illusion of the end. — Stanford : Stanford University Press, 1994. — VIII, 123 p.
- Делез Ж. Переговоры, 1972–1990. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 232 с.
- Gumbrecht H.U. Production of presence what meaning cannot convey. — Stanford : Stanford University Press, 2004. — XVII, 180 p.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления : его мифы и структуры. — Москва : Культурная революция ; Республика, 2006. — 269 с.
- Делез Ж. Различие и повторение. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. — 384 с.
- Вирильо П. Тирания настоящего времени // Искусство кино. — 1996. — № 1. — С. 130–133.

Бойм С.Ю. Общие места : Мифология повседневной жизни. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 310 с.

Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. — Москва : АСТ, 2017. — 384 с.

Макки Р. Сториномика: Маркетинг, основанный на историях, в пострекламном мире / Р. Макки, Т. Джерас. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. — 280 с.

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.

Bal M. Towards a relational inter-temporality // The transhistorical museum : mapping the field. — Amsterdam : Valiz, 2018. — Pp. 48–63.

Crowther P. The transhistorical image : philosophizing art and its history. — Cambridge : Cambridge university press, 2002. — 218 p.

The transhistorical museum : mapping the field / Wittcox E., Demeester A., Carpreau P. [et al.]. — Amsterdam : Valiz, 2018. — 222 p.

Skinner Q. The foundations of modern political thought: in 2 vol. Vol. 1. — Cambridge : Cambridge University Press, 1978. — 305 p.

Pocock J.G.A. Political thought and history : essays on theory and method. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — XVII, 278 p.

Martindale C. Reception — a new humanism? Receptivity, pedagogy, the transhistorical // Classical Receptions Journal. — 2013. — Vol. 5, № 2. — Pp. 169–183. — DOI: 10.1093/crj/crs003.

References:

Fukuyama, F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Barg, M. A. (1987) *Epokhi i Idei: Stanovleniye Istorizma [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism]*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).

Hartog, F. (2015) *Regimes of Historicity Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

Assmann, A. (2013) *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Munchen: Hanser. (Russ. ed.: (2017) *Raspalas`sviaz`vremeni? : vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.).

Jameson, F. (1991) *Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press. (Russ. ed.: (2019) *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma*. Moscow: Institut Gaydara Publ.).

Koselleck, R. (2002) *The Practice of Conceptual History : Timing, History, Spacing Concepts*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.

Koselleck, R. (2010) 'K Voprosu o Temporal'nykh Strukturakh v Istoricheskom Razvitii Ponyatiy [To the Question of Temporal Structures in the Historical Development of Concepts]', in *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metaphor [History of concepts, history of discourse, history of metaphors]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 21–33. (In Russian).

Lukács, G. (1937) *The Historical Novel*. London: Merlin. (Russ. ed.: (2014) *Istoricheskiy roman*. Moscow: Common Place Publ.).

Koposov, N. E. (2011) *Pamyat' Strogogo Rezhima. Istoriya i Politika v Rossii [Memory of a Strict Regime. History and Politics in Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

Repina, L. P. (2007) 'Memory and Knowledge of the Past Within the Structure of Identity', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 5–21. (In Russian).

Wojciech, W. (2010) 'Classical Historiography as Bearer of National (Nationalist) idea', *Dialog so Vremenem*, (30), pp. 5–13. (In Russian).

Boym, S. (2002) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic books. (Russ. ed.: (2019) *Budushcheye nostalgii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).

- Bauman, Z. (2016) *Retrotopia*. Cambridge: Polity. (Russ. ed.: Bauman, Z. (2019) *Retrotopia*. Moscow: VTSIOM Publ.).
- Akker, R. van den., Gibbons, A. and Vermeulen, T. (2017) *Metamodernism Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. London ; New York: Rowman & Littlefield. (Russ. ed.: (2020) *Metamodernizm: Istorichnost', Affekt i Glubina posle modernizma*. Moscow: RIPOL Classic Publ.).
- Kojève, A. and Queneau, R. (1947) *Introduction a la Lectures de Hegel; Lecons sur La phenomenologie de l'esprit, Professeees de 1933 a 1939 a l'cole des Hautes-etudes*. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: (2003) *Vvedenie v ctenie Gegelja lekcii po Fenomenologii ducha, citavsijsja s 1933 po 1939 g. v Vyssej prakticeskoj skole*. Saint Petersburg: Nauka Publ.).
- Man, H. de (1951) *Vermassung und Kulturverfall; eine Diagnose unserer Zeit*. Bern: Francke Verlag.
- Seidenberg, R. (1950) *Posthistoric Man. An Inquiry*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Kamper, D. (1990) 'Weltstaat im Kopf, Wildnis im Herzen. Ernst Jungers Anmerkungen zum "Post-Histoire"', *Text & Kritik*, (105/106), pp. 82–88. (Russ. ed.: (2006) 'Gosudarstvo v golove, neistovstvo serdtsa. Zamechaniya Ernsta Yungera k «postistorii»', in *Sud'ba nigilizma*. Saint Petersburg: Izdat. S.-Peterburgskogo Univ. Publ., pp. 121–135.).
- Mannheim, K. (1934) *Diagnosis of our Time; Wartime Essays of a Sociologist*. London: Routledge & K. Paul Ltd. (Russ. ed.: (1994) *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow: Yurist Publ.).
- Baudrillard, J. (1994) *The Illusion of the End*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Deleuze, G. (1990) *Pourparlers, 1972-1990*. Paris: Minuit. (Russ. ed.: Deleuze, G. (2004) *Peregovory. 1972-1990*. Saint Petersburg: Nauka Publ.).
- Gumbrecht, H. U. (2004) 'Production of Presence What Meaning Cannot Convey'. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Baudrillard, J. (1970) *La société de consommation : ses mythes, ses structures*. Paris: Folio. (Russ. ed.: (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika.).
- Deleuze, G. (1993) *Différence et Répétition*. Paris: Presses universitaires de France. (Russ. ed.: (1998) *Razlichie i povtorenie*. Saint Petersburg: Petropolis Publ.).
- Virillo, P. (1996) 'Tiraniya Nastoyashchego Vremeni [The Tyranny of Real Time]', *Iskusstvo Kino*, (1), pp. 130–133. (In Russian).
- Boym, S. (1995) *Common Places : Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. (Russ. ed.: (2002) *Obsie mesta : mifologiya povsednevnoj zizni*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).
- Hobsbawm, E. J. (2013) *Fractured Times Culture and Society in the Twentieth Century*. London: Little, Brown. (Russ. ed.: (2017) *Razlomannoe vremia : kul'tura i obshchestvo v dvadtsatom veke*. Moscow: AST Publ.).
- McKee, R. and Gerace, T. (2018) 'Storynomics : Story-driven Marketing in the Post-Advertising World'. New York: Twelve. (Russ. ed.: (2019) *Storinomika : marketing, osnovanniy na istoriakh, v postreklamnom mire*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.).
- Bachmann-Medick, D. (2016) 'Cultural Turns : New Orientations in the Study of Culture'. Berlin: De Gruyter. (Russ. ed.: (2017) *Kul'turnye povoroty novye orientiry v naukach o kulture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).
- Bal, M. (2018) 'Towards a Relational Inter-Temporality', in *The Transhistorical Museum : Mapping the Field*. Amsterdam: Valiz, pp. 48–63.
- Crowther, P. (2002) *The Transhistorical Image : Philosophizing Art and its History*. Cambridge: Cambridge university press.
- Wittocx, E. et al. (2018) *The Transhistorical Museum : Mapping the Field*. Amsterdam: Valiz.
- Skinner, Q. (1978) *The Foundations of Modern Political Thought: in 2 vol. Vol. 1*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pocock, J. G. A. (2009) *Political Thought and History : Essays on Theory and Method*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Martindale, C. (2013) 'Reception — a New Humanism? Receptivity, Pedagogy, the Transhistorical', *Classical Receptions Journal*, 5(2), pp. 169–183. doi: 10.1093/crj/cls003.

Информация об авторе

Дмитрий Геннадьевич Горин — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный пер., 28, корп. 1, ауд. 340 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Dmitry G. Gorin — Doctor of philosophical science, professor of the Department of Political Science and Sociology of Plekhanov Russian University of Economics. Office 340, 28-1, Stremjannyj per, Moscow, Russia, 117997 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; одобрена после рецензирования 24.05.2021; принята к публикации 26.05.2021.

The article was submitted 12.03.2021; approved after reviewing 24.05.2021; accepted for publication 26.05.2021.

CONCEPTUALIZATION OF NATIONAL IDENTITY IN INTERNATIONAL MEDIA: CASE-STUDY OF *THE ECONOMIST* PUBLICATIONS

Natalia A. Ostroglazova

MGIMO University, Moscow, Russia

n.ostroglazova@inno.mgimo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4321-2594>



Abstract. National identity, an ever-important concept, today is arguably more verbalized and publicized than at any other time in history. Its media representation both reveals people's understanding of the idea and serves as a medium of shaping the identity itself, being a powerful tool in the hands of political elites. At the same time in a quest of providing the target audience with a balanced and acceptable view of the reality, global media seek to express their own distinguishable stance. *The Economist*, a British based global media outlet, is an example of these processes. Value of the events covered lies both in their newsworthiness, and the outer sentiment of journalists that is conveyed to readers. Overall, discourse analysis of media texts may reveal a lot about conceptualization of certain phenomena. And this research of empirical data has identified main conceptual fields and blocks that make up our understanding of what it takes to identify oneself as one nation. Looking into discursive construction of national identity means distinguishing national identity from similar and related concepts and evaluating its role in the processes that take place in the world today. National identity is a complex phenomenon that lies at the core of collective and personal identity alike. For groups of people, nations, it represents an in-group that is — counterintuitively — artificial and illusory and comes from a natural human desire for the sense of belonging. However, the resulting national identity functions on its own as a symbol of a state. Thus territory, location of a state on the world map, is one of the key features of national identity. Contested national borders and challenged sovereignty made up a majority of national identity issues covered in the analyzed materials of *The Economist*. There are multiple factors that influence national identity, politics being one of its major drivers. Research shows that it works mostly at the level of national politics and occurs mostly in the context of elections and partisanship. Another significant factor that brings national identity into the spotlight of media is transformation or retention of the status quo. Identity is neither innate nor permanent, and constant fluctuations, push and pull of arising, re-established and defended identities attracts readers attention and provide a venue for manipulating public opinion. Bearing in mind the limitations of this research we describe and suggest an interpretation for the main conceptual fields and contexts national identity is present in the media.

Keywords: National identity, media representation, conceptualization, The Economist, discourse analysis, national interests, self-identification, identity politics, manipulation

For citation: Ostroglazova, N. A. (2021) 'Conceptualization of National Identity in International Media: Case-study of *The Economist* Publications', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 5(2), pp. 21–28. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-21-28>

Исследовательская статья

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕДИА: ИЗУЧЕНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ “THE ECONOMIST”

Н.А. Остроглазова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
n.ostroglazova@inno.mgimo.com
<https://orcid.org/0000-0002-4321-2594>

Аннотация. Национальная идентичность — ключевая в серии социокультурных коллективных идентичностей. На становление национальной идентичности влияют многие факторы, среди которых особое место занимают СМИ: все больше электронные и доступные, они увеличивают свое влияние, предлагают готовые паттерны-ориентиры, манипулируют общественным настроением, атакуют или отстаивают существующие представления о якобы целостных группах, как правило привязанных к одной территории и отличных от сугубо этнических и политических объединений. Исследования показывают, что идентичность — не является внутренне необходимой, хотя интериоризация объединяющих ценностей зачастую вызвана подсознательным стремлением к причастности чему-то большему и более устойчивому, чем отдельный человек. Однако идентичность, как и границы государств, может менять и именно трансформационные процессы или сопротивление им создает информационные поводы и, как показало настоящее исследование, наиболее широкое концептуальное поле. Способность СМИ транслировать коллективные представления об идентичности тесно связана с механизмом ее становления, чем пользуются политические элиты. Политика — один из широчайших контекстов, в которых возникает потребность обратиться к феномену идентичности: возможность получения и удержания власти, например через процедуру выборов, зависит от того, насколько избиратели готовы примкнуть к той или иной политической силе. Набирает силу политика идентичности, в том числе на национальном и международном уровне, где национальная идентичность выступает одним из проявлений национального суверенитета. Анализ дискурсивного функционирования концепта национальной идентичности в медиа на примере публикаций международного издания “The Economist” выявил несколько отдельных, но пересекающихся концептуальных полей (территория, политика, изменения). В статье предлагается возможная интерпретация полученных результатов.

Ключевые слова: национальная идентичность, медиа репрезентация, концептуализация, The Economist, дискурс-анализ, национальные интересы, самоидентификация, политика идентичности, манипулирование

Для цитирования: Остроглазова Н.А. Концептуализация национальной идентичности в международных медиа: изучение публикаций “The Economist” // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 2. — С 21–28. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-21-28>

National identity is one of the lines along which the world is unevenly stratified [Gill, 2007: 7], it lies behind a lot of newsworthy events and thus enjoys wide media coverage. Raising awareness of the issue contributes to national identity building [Müller, 2013: 734] and therefore media outlets' reporting strategies generate considerable interest.

Common understanding of national *identity* (etymologically identity meaning sameness) holds that it is a complex term that implies identifying, i.e., recognizing oneself as a part of a certain political or cultural community¹. It is not a quality, but a relation that develops in the course of human interactions and the assimilation of collective social experience, its acceptance [Полякова, 2016: 26] and interiorization. Factors defining unity get fused and intertwined, thus changing their "proportion" in the resulting identity. Oxford Dictionary of Media and Communication gives the following definition of national identity: it is "the public image of an imagined community, projecting an illusion of unity, reflected symbolically, and culturally represented in discourse, narrative-ly constructed and transmitted by social institutions, in particular the educational system and the mass media"².

There are various viewpoints on the powers responsible for blending people into a single nation. The author tends to agree with Oswald Spengler who stated that it is the combined work of ideal and objective factors that unite people into a nation. It is the aim of this paper to investigate how attempts to influence and construct national identity are represented in global analytical media and look for the social contexts in which the concept is embedded.

To begin with, it is absolutely necessary to draw a line between national and ethnic identity. Multinational states show a natural division between these types of identity, whereas in nation states the separation is quite subtle

since a close-knit ethnic group coincides with the civil society [Буайе, 2019: 53]. Yet one's civil status does not impose any national identity. Self-centeredness and common recognition of the group is not natural, and it is the mythic conscience that demands classifying oneself as a member of a community [Oprera и Гассет, 1991: 239]. Coalitional intuition (P. Boyer) is based on cognitive mechanisms mobilizing mutual support network. At the macro level the *in-group* includes compatriots, fellow citizens, bearing the same politonym comes from mutual interests, shared super values and social experience. It is not a matter of the legal implications of the individual's legal status.

In world politics national identity is of fundamental importance to the state's status of a solid, independent actor. Moreover, a nation and even a state need individuals' identification with its symbols in order to exist [McCrone, Bechhofer, 2015: 10]. National identity develops when people voluntary accept the suggested idea of unity, thereafter, producing a strategy and formulating political goals. It can be seen that identity politics and foreign politics are not isolated and create a complex hierarchical social, political and psychological phenomenon of both external and internal origin.

The fracture lines of national identity commonly perceived as resembling geographical state boundaries always have a political dimension. National ideology, visible or implied, is unconsciously recognized by the people and offers them "typing patterns" (P. Berger, T. Luckmann) so as to determine the pragma of everyday lives. It should be noted that as a manipulative tool mass media equals the school both in the scope and effectiveness of instilling a certain ideology³.

Today the topic of identity receives increased attention due to globalization with its economic, political and cultural integration, as well as the shift in the discourse. There have appeared a lot of the so-called "identities with

¹ Степин В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. — 2010. — С. 79.

² Oxford Dictionary of Media and Communication. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — URL: <https://u.to/JJMmGw> (Accessed: 03.03.2021).

³ Van Dijk T.A. Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction. — 2000. — P. 34. — URL: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (Accessed: 03.03.2021).

adjectives” as the concept expanded into various spheres of life, it is context-dependent and dynamic [Wodak, Unger, Hirsch..., 2009: 3]. And yet, national identity remains a key sub-type of identity.

Despite postnational and supranational trends, national identity is a crucial anchor mapping an individual in the world. Hybrid identity culture (sometimes referred to as ‘globalized difference’ [Vico, 2020: 61]) emerging in the wake of globalization and regionalization implies coexistence of groups with different cultural self-identification, but it is not analogous to the culture of universal equality. Global identity overlapping the national sentiment is only one among many other examples of hybrid identities [Силантьева, 2019: 113]. National conscience however subtle tolerates no pressure. Benedict Anderson calls being a nation essentially the most universal legitimate value in the political life today [Андерсон, 2001: 27].

Identity is inseparable from the cultural experience⁴ and as of today, it has acquired new dimensions such as media representation [Saha, 2020: 2360], both domestically and globally, and requires further multidisciplinary research. Media representation means a certain coding of reality that is translated to the audience and thus “the mosaic of the press manages to effect a complex many-leveled function of group-awareness and participation” thus creating a unified outlook “on a centralized pattern” [McLuhan, 2003: 289, 343],

or providing us, as Manuel Castells put it, with “customized cottages globally produced and locally distributed” [Castells, 1996: 341].

Although this study focuses on one media outlet, its insights are not restricted to it. The discursive construction of values has been in the spotlight of academic research for decades. It is clear that distributed content – what is reported and how – is conditional, there are a lot of important considerations and factors at play [Caple, 2015: 439], however an overarching media logic is largely invariant [Magin, 2015: 433].

The analysis of the articles published in the international weekly newspaper *The Economist* in January 2019 – June 2020 (77 editions) revealed that thematization of national identity takes place in three major contexts: regional agenda (in particular China and the European Union); alteration of the status quo (various transformations and conflicts); and identity politics (national, religious and other minorities, migration, nationalism and multiculturalism). Among the articles referring to national identity around 40% were devoted to secessionist sentiment and intra-state tensions in China and the United Kingdom, exposed to particularly strong challenges. The scope of publications on China concerns the identity of Taiwan, Hong Kong and Tibet as opposed to the single mold of mainland China. Similar conflict is observed in the United Kingdom when it comes to the identities of the Northern Ireland, Scotland and Wales, as well as self-identification of UK subjects over Brexit.



Pic. 1 Most frequent words in the analyzed texts (stopwords ignored).

⁴ Степанов Ю.С. Константы : Словарь русской культуры. — Москва : Академический Проект, 2004. — С. 43.

An inseparable feature of all the texts that draw upon national identity issues is territory (most frequent words being *country, state, region, province, city, border, frontier*). As long as territory defines the extent of political power its political borders tend to be seen as stable and sacrosanct [Herb, Kaplan, 1999: 13], however they never cease to be disputed and shifted that points to their artificiality. The researcher of political ethics Herbert Kelman writes that idealization stems from the cultural foundations of the formation of nations and they should not be accidental [Kelman, 1997: 170]. The territory on which a national identity is formed is its 'action field' (*pole deistviya* — the term suggested by Svetlana Lourie) [Лурье, 2002], and people involved are its 'social actors' [Leeuwen, 2008: 23].

The second most frequent theme is politics, especially political partisanship and elections, observed through numerous words referring to power: *government, party, elections, minister* etc. The will of voters appears to be the key factor affecting the formation of an identity agenda by political elites, and the policy itself is concentrated on a targeted influence on public opinion. In the article under the heading "All politics is identity politics" (*The Economist*, November 2018) politics is depicted as a power struggle won through elections and thus determined by voters' identities. This statement is consistently traced throughout the texts of *The Economist* and should be viewed as the editorial stance on the matter.

It had been established that there is little presence of cultural, i.e., relating to enlightenment and the humanities, and even less so of economic factors in the national identity discourse. Moreover, though economic factors are known to partly shape people's sense of identity, economy in general is removed from the conceptual sphere of identity, and even contrasted as a separate domain of competing political interests — and *nation* is the subject of the struggle for rights and freedoms⁵.

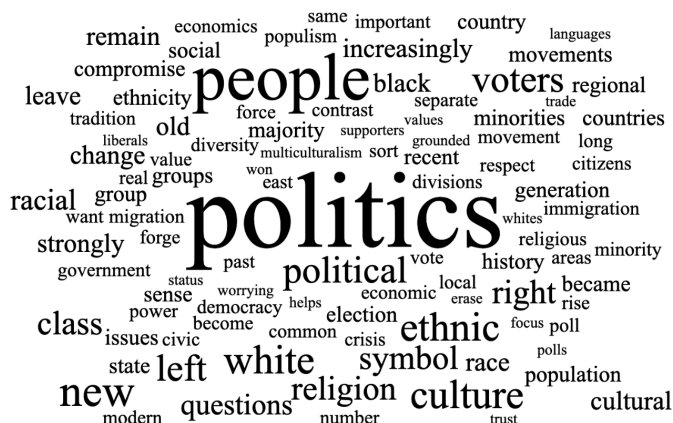
In general, *new / changing* and *challenged* are the key conceptual aspects of national

identity in the media discourse. A premise for this conceptualization is the liquid nature of the modernity (Z. Bauman), today fast-paced world where freedom means a never-ending fluctuation from belonging to being lost and vice versa [Ваттимо, 2003: 18] and Erik Erikson's original theory suggesting continuity of identity gives place to subjective fragmented, atomic intentions that can be voluntarily changed [Полякова, 2016: 38]. Notably youngsters make up a separate party in identity wars: multiple polls show that the young increasingly challenge traditional understanding of national identity imposed through state institution and seek to coin their own definition (exemplified through such words as *deny, define, shape* etc.).

Together with the trend to innovation and transformation, there appears to be a counter drive. The research found out an abundance of words starting with re- or otherwise acknowledging getting back on track (*restore, revitalize, rebuild, resurface, reunify, redraw, reinvent, reappropriate, reinvent* etc.), though very often accompanied by words, idioms and metaphors highlighting impossibility of such hopes. Despite the quest for an unbiased or at least balanced reflection of reality, the language itself provides us with a particular discourse (M. Foucault) complicated by political leanings of the media outlet [Neary, Ringrow, 2018: 9]. In *The Economist* emotional connotations ('mediated' or discursively constructed through media texts [Wahl-Jorgensen, 2019: 8]) are unmistakably negative when it comes to nationalism and direct manipulations.

The findings point out that conceptualization of national identity as represented in the analyzed media outlet over the period 2019-2020 develops around the following blocks: territories (countries, states, regions, cities), voting (elections, polls, referendums), ideology, subjects of self-identification and influencers (individuals, multiple social groups, state institutions and their representatives).

⁵ Краснухина Е.К. Национализм нации и национализм национальности // Нева. — 2019. — №3. — С. 190.



Pic. 2. Words in the near proximity of national identity.

The researched media-discourse has three main conceptual fields:

TERRITORY refers to geographical entities and people who are presumably united by common values of maintaining the land they live in. In the texts it locates the issue on the world map and is usually stated as the pretext for further discussion;

CHANGE — indicates both national identity's susceptibility to external factors and an intense interest of the public to the subject. In the texts serves as the reason behind covering the issue, the focus point, and is mostly expressed through verbs;

POLITICS — reveals a constructivist, and rather cynical, approach to the origins of national identity formed largely through state institutions because of the concern of political elites with retaining their power and ensuring

the outcomes of elections through influencing people's self-identification. In the texts is very explicit through a number of politics-related terms, indicates the driver and the main actor of developments around national identity.

The theoretical findings derive from a detailed analysis of the empirical data. The conclusions of the research need to be viewed with its limitations in mind (a single source and a limited timespan). However, The Economist being a high-profile and influential weekly world media and the number issues included in the study the findings do nevertheless validate the common notion of national identity as presented in the media, highlight most covered topics involving national identity and reinforce its topicality and importance of the further research.

Список литературы:

- Gill R. Gender and the media. — Cambridge: Polity Press, 2007. — VIII, 296 p.
- Müller P. National identity building through patterns of an international third-person perception in news coverage // International Communication Gazette. — 2013. — Vol. 75, № 8. — P. 732–749. — DOI: 10.1177/1748048513482546.
- Полякова Н.Л. "Идентичность" в современной социологической теории // Вестник Московского университета Серия 18 Социология и политология. — 2016. — Т. 22, № 4. — С. 22–42. — DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42.
- Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. — 433 с.
- Ортега-и-Гассет Х. "Дегуманизация искусства" и другие работы. — Москва : Радуга, 1991. — 638, [1] с.
- McCrone D. Understanding national identity / D. McCrone, F. Bechhofer. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015. — X, 226 p.

- Wodak R. The discursive construction of national identity / R. Wodak, J.W. Unger, A.Hirsch, R. Mitten. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. — X, 276 p.
- Vico S. 'Globalized difference': Identity politics on social media // *Journal of Global Diaspora*. — 2020. — Vol. 1, № 1. — P. 55–70. — DOI: 10.1386/gdm_00004_1.
- Силантьева М.В. Парадоксы глобальной идентичности в контексте международных отношений // *Творчество как национальная стихия: общее и особенное в современном социокультурном пространстве. Сборник статей по итогам пятой международной научной конференции. / под ред. Аляева Г.Е., Маслбоевой О.Д.* — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. — С. 112–122.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма. — Москва: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. — 286, [1] с.
- Saha A. The politics of representation in the politics of anti-racism // *Ethnic and Racial Studies*. — 2020. — Vol. 43, № 13. — P. 2357–2362. — DOI: 10.1080/01419870.2020.1784453.
- McLuhan M. Understanding media the extensions of man. — Corte Madera, CA: Gingko Press, 2003. — XXI, 611 p.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1 : The rise of the network society. — Malden, Mass. : Blackwell, 1996. — 556 p.
- Caple H. Rethinking news values: What a discursive approach can tell us about the construction of news discourse and news photography / H. Caple, M. Bednarek // *Journalism*. — 2016. — Vol. 17, № 4. — P. 435–455. — DOI: 10.1177/1464884914568078.
- Magin M. Shades of Mediatization // *The International Journal of Press/Politics*. — 2015. — Vol. 20, № 4. — P. 415–437. — DOI: 10.1177/1940161215595944.
- Herb G.H. Nested identities : nationalism, territory, and scale / G.H. Herb, D.H. Kaplan. — Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 1999. — X, 343 p.
- Kelman H.C. Nationalism, patriotism, and national identity: Social-psychological dimensions // *Patriotism in the life of individuals and nations* / ed. D. Bar-Tal, E. Staub. — Chicago : Nelson-Hall, 1997. — P. 165–189.
- Лурье С.В. В поисках русского национального характера // *Отечественные записки*. — 2002. — № 3. — С. 59–71.
- Leeuwen T. van. Discourse and practice : new tools for critical discourse analysis. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — IX, 172 p.
- Ваттимо Д. Прозрачное общество. — Москва : Логос, 2003. — 124 с.
- Neary C. Media, power and representation / C. Neary, H. Ringrow // *The Routledge Handbook of English Language Studies* / ed. P. Seargeant, A. Hewings, S. Pihlaja. — London : Routledge, 2018. — P. 294–309.
- Wahl-Jorgensen K. Emotions, media and politics. — Cambridge ; Medford: Polity Press, 2019. — VIII, 220 p.

References:

- Gill, R. (2007) *Gender and the media*. Cambridge: Polity Press.
- Müller, P. (2013) 'National identity building through patterns of an international third-person perception in news coverage', *International Communication Gazette*, 75(8), pp. 732–749. doi: 10.1177/1748048513482546.
- Polyakova, N. L. (2016) "'Identity" in Contemporary Sociological Theory', *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 22(4), pp. 22–42. doi: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42. (In Russian).
- Boyer, P. (2018) *Minds Make Societies How Cognition Explains the World Humans Create*. Yale: Yale Univ Pr. (Russ. ed.: (2019) *Anatomiiia chelovecheskikh soobshchestv : kak soznanie opredeliaet nashe bytie*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.).
- Ortega y Gasset, J. (1925) *La deshumanización del arte e ideas sobre la novela*. Madrid: Revista de Occidente. (Russ. ed.: (1991) *Degumanizatsiya iskusstva*. Moscow: Raduga Publ.).

- McCrone, D. and Bechhofer, F. (2015) *Understanding national identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wodak, R. et al. (2009) *The discursive construction of national identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Vico, S. (2020) "'Globalized difference': Identity politics on social media", *Journal of Global Diaspora*, 1(1), pp. 55–70. doi: 10.1386/gdm_00004_1.
- Silantyeva, M. V. (2019) 'Paradoxes of global identity in the context of international relations', in Alyaev, G. E. and Masloboeva, O. D. (eds) *Creativity as a national element: general and special in the modern socio-cultural space : collection of articles*. Saint Petersburg: Publishing House of SPbSUE, pp. 112–122. (In Russian).
- Anderson, B. R. O. (1983) *Imagined communities : reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso. (Russ. ed.: (2001) *Voobrazaemye soobschestva : razmysleniya ob istokach i rasprostraneniі nacionalizma*. Moscow: KANON-Press-C Publ.).
- Saha, A. (2020) 'The politics of representation in the politics of anti-racism', *Ethnic and Racial Studies*, 43(13), pp. 2357–2362. doi: 10.1080/01419870.2020.1784453.
- McLuhan, M. (2003) *Understanding media the extensions of man*. Corte Madera, CA: Gingko Press.
- Castells, M. (1996) *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1 : The rise of the network society*. Malden, Mass.: Blackwell.
- Caple, H. and Bednarek, M. (2016) 'Rethinking news values: What a discursive approach can tell us about the construction of news discourse and news photography', *Journalism*, 17(4), pp. 435–455. doi: 10.1177/1464884914568078.
- Magin, M. (2015) 'Shades of Mediatization', *The International Journal of Press/Politics*, 20(4), pp. 415–437. doi: 10.1177/1940161215595944.
- Herb, G. H. and Kaplan, D. H. (1999) *Nested identities : nationalism, territory, and scale*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.
- Kelman, H. C. (1997) 'Nationalism, patriotism, and national identity: Social-psychological dimensions', in *In D. Bar-Tal & E. Staub (Eds.), Patriotism in the life of individuals and nations*. Chicago: Nelson-Hall, pp. 165–189.
- Lourie, S. V. (2002) 'V poiskakh russkogo natsional'nogo kharaktera [In search of the Russian national character]', *Otechestvennye zapiski*, (3), pp. 59–71. (In Russian).
- Leeuwen, T. van. (2008) *Discourse and practice : new tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press.
- Vattimo, G. (2000) *La societa' trasparente*. Milano: Garzanti. (Russ. ed.: (2003) *Prozrachnoe obshchestvo*. Moscow: Logos Publ.).
- Neary, C. and Ringrow, H. (2018) 'Media, power and representation', in Seargeant, P., Hewings, A., and Pihlaja, S. (eds) *The Routledge Handbook of English Language Studies*. London: Routledge, pp. 294–309.
- Wahl-Jorgensen, K. (2019) *Emotions, media and politics*. Cambridge ; Medford: Polity Press.

Information about the author

Ostroglazova Natalia Alexandrovna — Lecturer of English Department No 6, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Информация об авторе

Остроглазова Наталия Александровна — преподаватель кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.03.2021; одобрена после рецензирования 16.05.2021; принята к публикации 26.05.2021.

The article was submitted 07.03.2021; approved after reviewing 16.05.2021; accepted for publication 26.05.2021.



СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ И ДЕФИЦИТ ПРИСУТСТВИЯ (ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ПАНДЕМИИ COVID-19)

Соловьева Светлана Владимировна¹
Конев Владимир Александрович²

¹ Самарский государственный университет путей сообщений, Самара, Россия

metaphisica2@gmail.com

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

vakonev37@mail.ru



Аннотация. Если пандемия COVID-19 оказалась «рукотворным риском» (Э. Гидденс), т.е. неожиданным для человека следствием его собственного поведения и действий, значит, чтобы избежать подобных роковых неожиданностей, необходимо менять тип поведения и действия, который утвердился в культуре Нового времени. В условиях пандемии люди вынужденно оказались подчинёнными пространственному распорядку. Дистанцирование, самоизоляция, «красная зона» и другие пространственные огра-

ничения заставили человека остро осознать дефицит присутствия, дефицит своего активного самостоятельного участия в жизни. Новый вирус, с одной стороны, возвратил человека к осознанию биологически-природного начала бытия человека, о котором культура (наука) забыла. С другой стороны, практики социального нормирования и ограничения обнажили влияние различных форм отчуждения — социального, политического, экономического, культурного на судьбу каждого индивида. Внедрение бионачала — вируса — в социальное, культурное и политическое пространство кардинально меняет отношение человека и природы. Это заставляет задуматься о смысле культуры, которая с момента своего осмысления в XVIII в., представлялась как не-природа в формуле культура vs натура. Утвердившийся в Новое время культурный идеал действия человека стал причиной отчуждения техногенной цивилизации и социальных форм жизни от природы. Разрушая природу, превращая её в материал для своего разнообразного techne, человек оказался в конфликте с самой своей жизнью. Из культуры исчез внутренний смысл самого присутствия мира и человека, который растворился в различных толкованиях и представлениях. Современная история движется в направлении утверждения культуры присутствия, утверждения права на различие, права на присутствие разнообразия — в природе, в культуре, в политике (борьба за многополярный мир), в личном мире (селфи, блоги, чаты и т.п.).

Ключевые слова: Пандемия COVID-19, рукотворный риск, социальная дистанция, самоизоляция, дефицит присутствия, отчуждение, культура Присутствия, культура Нового Модерна

Для цитирования: Соловьева С.В. Социальное дистанцирование и дефицит присутствия (Опыт философской рефлексии пандемии COVID-19) / С.В., Соловьева, В.А. Конев // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 29–43. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-29-43>

Philosophical essay

SOCIAL DISTANCING AND THE DEFICIT OF PRESENCE (PHILOSOPHICAL REFLECTION ON THE COVID-19 PANDEMIC)

Svetlana V. Solovyova¹
Vladimir A. Konev²

¹ Samara State Transport University, Samara, Russia
metaphisica2@gmail.com

² Samara University, Samara, Russia
vakonev37@mail.ru

Abstract. The paper claims that if the COVID-19 pandemic turned out to be a man-made risk (A. Giddens), i.e. an unforeseen consequence of a person's own behavior and actions, then in order to avoid such fatal contingences that occur so unexpectedly, it is necessary to change the type of behavior and actions that have established in the culture of the Modern Period. During the pandemic people are forced to observe the spatial order. Distancing, self-isolation, the Red Zone and other spatial limitations made people acutely aware of the deficit of presence, the lack of their independent active participation in life. The new virus, on the one hand, returned a person to the awareness of the biological, natural origin of human existence, which has been forgotten by culture (science). On the other hand, the practices of social rationing and restriction revealed the influence of various forms of alienation — social, political, economic, cultural — on the fate of each individual. The introduction of the bioprinciple (the virus) into the social, cultural and political space radically changes the relationship between people and nature. This situation makes one think about the meaning of the notion of culture, which got its definition in the 18th century and is understood as non-nature reflected in the formula culture vs nature. The paper shows that the cultural ideal of human activity, which was established in modern times, became the reason of the alienation of technogenic civilization and social forms of life from nature. By destroying nature, turning it into the material for people's various techne, people found themselves in conflict with their own life. Culture has lost its inner meaning of the presence of the world and of an individual which dissolved in various interpretations and ideas. Contemporary history is moving towards the establishment of a culture of Presence, where the world is viewed not as a mere material to be used, but an area for humans to engage with. What we see today is the assertion of the right to difference and the right to the presence of diversity — in nature, culture, politics (struggle for a multipolar world), in the personal domain (selfies, blogs, chats, etc.).

Keywords: COVID-19 pandemic, man-made risk, social distance, self-isolation, deficit of presence, alienation, culture of the Presence, culture of New Modernity

For citation: Solovyova, S. V., Konev, V. A. (2021) 'Social Distancing and the Deficit of Presence (Philosophical Reflection of the Covid-19 Pandemic)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 29–43. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-29-43>

Введение

Всего за год с момента известия о начале коронавирусной инфекции COVID-19 мир, в котором мы живем, кардинально изменился.

Да, XX век приучил человечество к потрясениям во всех укладах общественной жизни. Но это происходило в результате масштабных социально-политических процессов. Первая мировая война закончилась пролетарской революцией в России, которая вынесла классовое противостояние внутри стран на мировую арену, Вторая — разрушила колониальную систему и создала условия для возникновения глобальных связей и отношений народов и государств на новых основаниях. Пандемия COVID-19, объявленная ВОЗ 11 марта 2020 года, не вызвана какими-то социально-политическими или экономическими процессами, но её влияние на развитие всемирной цивилизации вряд ли будет менее, а скорее всего более, значительно.

Уже сейчас это видно по тому стремлению осмыслить текущую пандемию учеными, специалистами, политиками, общественными деятелями, что отражается как в научных публикациях, так и в откликах в мировой сети. По данным *Demensions* на середину января 2021 г. опубликовано более 150 тысяч статей, препринтов и других материалов, посвящённых COVID-19¹. Первые наукометрические анализы публикаций, посвящённых коронавирусной пандемии, показывают, что основное внимание исследователей, естественно, сосредоточено на медицинских проблемах [Colavizza, Costas, Traag, van Eck..., 2021] и проблемах здравоохранения [Kousha, Thelwall, 2020: 1068–1091]. Однако, как показывают данные *Demensions*, большое количество публикаций посвящено также рассмотрению социальных проблем, которые актуализированы пандемией. Тематический спектр этих публикаций достаточно широк — от

воздействия COVID-19 на характер устойчивого развития общества [Leal Filho, Azul, Wall..., 2021: 85–99] до влияния пандемии COVID-19 на кражи со взломом в Детройте в марте 2020 г. [Felson, Jiang, Xu, 2020: 4–7]. По своей методологии большинство статей этого тематического ряда выполнены в рамках конкретных социологических исследований, либо представляют собою публицистические эссе. Но обрушившаяся на человечество пандемия, вызванная новым вирусом, нуждается не только в описании и характеристике того, что происходит, но и в осмыслении самой природы этого явления. А это требует философского анализа той новой ситуации, в которой оказалась современное общество. Поэтому прав д-р Конрад Шоцик, когда пишет, что понимание пандемии COVID-19 не должно ограничиваться только медицинской точкой зрения, а требует также этического и философского осмысления. Она должна рассматриваться в понятиях глобального катастрофического риска, а не как явление риска экзистенциального [Szocik, 2021: 199]. Как меняются ценности, приоритеты и привычки людей в ходе пандемии — ответы на эти вопросы ищут участники исследовательского проекта «Словарь эпохи пандемии», организованного Еленой Петровской² [Петровская, 2020: 3–4].

Пандемия как «рукотворный риск»

Энтони Гидденс, анализируя общество новейшего типа как «общество риска», впервые описанное Ульрихом Беком в 1986 [Бек, 2000], выделяет два типа рисков, с которыми сталкивается индустриальная цивилизация, — внешние и рукотворные. Внешний риск — это риск, причина которого лежит вне нас самих: она связана с неизменными традициями или законами природы. Рукотворный риск — это риск, обусловленный нашим познанием окружающего мира и нашими активными

¹ См.: COVID-19: Dataset of Global Research by Dimensions // Marketplace. Google Cloud Platform — URL: <https://console.cloud.google.com/marketplace/product/digitalscience-public/covid-19-dataset-dimensions> (Accessed: 14.01.2021).

² Петровская Е. От редактора // Синий диван. Философско-теоретический журнал. — Вып. 24. — Москва : Три квадрата, 2020. — 328 с.

действиями в мире. Сюда, замечает Гидденс, входят большинство экологических рисков, связанных, например, с глобальным потеплением [Гидденс, 2004: 42–44]. Можно согласиться с бразильскими педагогами, которые в статье «Общество риска и естественнонаучное образование» характеризуют возникновение пандемии COVID-19 как рукотворный (искусственный) риск [Pietrocola, Rodrigues, Bercot..., 2020]. Действительно, коронавирус SARS-CoV-2 существовал в природе до начала пандемии, возможно, даже возникали отдельные случаи болезни, вызванные этим вирусом, но именно созданные человеком условия — скопление в одном месте огромного количества людей (Ухань, как известно, — город с десятиллионным населением), урбанистический образ жизни, постоянные и многочисленные контакты между людьми, расширенная инфраструктура организации социальных взаимодействий и т.п. — создали благоприятную среду для патогенеза COVID-19. В статье коллектива американских, английских, французских, итальянских, китайских исследователей прослежено, как повлияла мобильность людей на эпидемию COVID-19 в Китае [Kraemer, Yang, Guitierrez..., 2020]. Антропогенный характер риска возникновения новой пандемии подтверждается и тем, что возможности глобальных контактов, которые создаёт современная цивилизация, благоприятствуют быстрой мутации нового коронавируса, новые штаммы которого могут становиться более «агрессивными» (например, появление в конце 2020 г. штамма B117).

О чем свидетельствует появление таких событий в цивилизационном развитии как рукотворные риски? Э. Гидденс, отвечая на этот вопрос, говорит: «Наше общество существует в эпоху, когда природе пришел конец. Это, конечно, не означает, что физический мир или физические процессы перестали существовать. “Конец природы” означает, что *лишь немногие аспекты* окружающей нас материальной среды *еще не*

подверглись в той или иной форме вмешательству человека»³ [Гидденс, 2004: 43].

Да, британский социолог, несомненно, прав: рукотворные риски свидетельствуют о новом этапе исторического развития, когда природа стала интегрированной в историю цивилизации. Теперь человек смотрит на природу только как на средство утверждения своей социальной, экономической и культурной деятельности. Наконец, кажется, осуществилась установка, высказанная когда-то последовательным просвещенческим позитивистом Базаровым: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Но пандемия COVID-19 заставляет усомниться в справедливости этой установки. Природа не храм, но и не мастерская, миллиарднолетняя история различных геосфер планеты Земля демонстрирует человеку её независимое, самостоятельное существование. Не стала ли пандемия COVID-19 своеобразным напоминанием человечеству, что на этой планете есть ещё *что-то*, с чем оно должно считаться. Это *что-то* — необходимое присутствие везде и всегда сил, физически (пространственно) внешних для человека. Сама физическая природа SARS-CoV-2 как тела, занимающего определённое место в пространстве, заставляет человека обратить внимание на своё присутствие в пространстве. *Присутствие* — ключевое слово, которое сопровождает человека в ковидном пространстве. Оно заставляет человека увидеть пространство и своё место в нём. Присутствие требует рефлексивной позиции и осознания своего места в окружении.

Феноменология ковидного пространства

Нынешняя социальная риторика перегружена пространственной терминологией — дистанцирование, территория распространения, самоизоляция, карантин, «красная зона», посещение, пропуск и допуск и т.п. Пандемия коронавируса со

³ Курсив наш — С.С., В.К.

всей очевидностью высветила физическое существование человека в пространстве и активное внедрение самых разнообразных практик дистанцирования и изоляции. Хотя эти практики всегда были фундаментальной частью организации социальной и политической жизни общества, но никогда до этого момента они не имели столь явного антропологического наполнения. Произошло своеобразное возвращение к пониманию социальной ткани не только как ансамбля социальных отношений, но и как выстроенной системы границ, распределений и различий.

Организация социального пространства всегда интересовала социологию. Неслучайно изобретателем категории «социальная дистанция» признают Г. Зиммеля, который полагал, что процессы дистанцирования и приближения (в пространственной, временной, символической перспективе) являются необходимым основанием для конституирования ценности. Социальное дистанцирование указывает каким образом социальные отношения и социальная дифференциация представлены в физическом и символическом пространстве. Для Г. Зиммеля и других социальных философов социальное дистанцирование определяет порядок и форму организации социального общения. Американский социолог Э.С. Богардус, разработавший шкалу измерения социальной дистанции, указывает, что «основная значимость социальной дистанции заключена в её связи с социальным статусом... Социальная дистанция возникает из поддержания социального статуса, т.е. из статус-кво в социальных отношениях» [Богардус, 2003: 185-186]. Важно отметить, что традиционный философско-социологический взгляд на социальное дистанцирование всегда связывает дистанцирование с формированием социальной структуры общества, т.к. дистанцирование выражает и закрепляет социальные различия между группами. Это знак социального различия и маркер социального статуса.

Причиной же тиражирования современных практик дистанцирования стало стремительное распространение вируса. И хотя слова «вирус» и «вирусный» уже

вошли в ткань нашей повседневной жизни (компьютерные вирусы, вирусный маркетинг, вирусное видео, вирусный контент и т.п.), люди оказались не готовы к природной активности микроорганизмов. Оказалось, что цифровая (искусственная в своей основе) гигиена стала обыденной и соразмерной социальному существованию, а природный мир вирусов оказался чужим и ужасающим. В пандемию произошла своеобразная редукция жизни к её биологическому пониманию, к тем границам, которые нам обозначила природа, где главным пределом жизни выступает смерть. В этом случае социальное дистанцирование, а ещё больше, изоляция/самоизоляция изымают человека из сферы общения, человек оказывается редуцирован до телесной единицы, для которой дистанцирование перестаёт быть показателем *социального* пространства, а становится показателем его положения в пространстве вещей. Разметка пространства перед кассой, перед полками с товаром в супермаркетах квалифицируют индивида как *res extensa*, а не как субъекта социальных отношений, хотя и звучит призыв: «Соблюдайте *социальную* дистанцию!». В каком-то смысле ни философия, ни культурные институты оказались не готовы к такому повороту событий. Новый вирус возвратил человека к вопросу о той стороне бытия человека, о которой культура (наука) забыла — об исходном бытии человека — его биологически-природном начале, которое под сильнейшим напором трансгуманизма, генных технологий, киберкультуры, цифровой реальности фактически «вымывалось» из активного оборота. Это послало философии запрос на новое осмысление оснований человеческого бытия.

Человечество неоднократно переживало ситуации пандемии, которые навязывали человеку тяжелые для него условия изоляции. В современной цивилизации бремя (само)изоляции, казалось, могло бы быть «компенсировано» тотальным внедрением онлайн-коммуникации. IT культура, цифровые технологии как будто должны были бы сгладить выпадение из привычного мира, но оказалось, что они обнаружили ряд таких антропологических феноменов,

которые требуют дополнительного внимания со стороны философии. Пожалуй, главным из них стал феномен дефицита присутствия.

Понятие присутствия становится значимым для онтологии XX в. Можно согласиться с мыслью Жака Деррида, который определил европейскую метафизику в качестве науки о бытии как присутствии. «Присутствие, — как справедливо утверждает Деррида, — всегда было и всегда будет той постоянной формой, в которой, мы можем сказать аподиктически, продуцируется бесконечное многообразие содержаний» [Деррида, 1999а: 15]. М. Хайдеггер придаёт присутствию вполне определённый смысл, присутствовать — значит быть в бытии по типу экзистенции, то есть быть способным понимать своё бытие, понимать своё место в мире. Хайдеггер обозначает такое присутствие как *Dasein*. *Dasein* — это мы сами, бытие этого сущего *всегда моё* [Хайдеггер, 1997: 41]. Деррида, продолжая онтологическую традицию Хайдеггера, ставит на место универсального бытия (предмета «метафизики присутствия») конкретное *ЭТО*. И тогда само присутствие *ЭТОГО* как различия во всей его конкретности (*differance*) обнаруживает недостаток (дефицит) присутствия. «Даже если *differance есть* (я подчеркиваю, — указывает Ж. Деррида, — это перечёркивание «*есть*»), [тогда] то, что делает возможным представление бытия-настоящим, никогда не обнаруживает самое себя»⁴ [Деррида, 1999b: 128].

Дефицит Присутствия в философской рефлексии

Рефлексия «дефицита» как феномена человеческого существования всегда была свойственна философии, которая связывала это явление с большим кругом тем, в основе которых лежало осмысление онтологического основания недостаточности присутствия.

Е.В. Максимова показала, что традиционное для философии представление о че-

ловеке как начале действующем, которое всегда стремится прорвать пределы своего здесь-и-сейчас существования, исходит из признания бытийной недостаточности человека. Анализируя проявление недостаточности в бытии человека, она различила функциональную и онтологическую недостаточность. Первая указывает на нехватку чего-то в тех границах, в которых индивид находится, и которая порождает стремление эти границы расширить. Вторая представляет собой «недоопределённость бытия до целостности, и она не может быть исчерпана в описании никакой нехваткой наличного». В онтологическом смысле недостаточность объявляет о себе в «частичности человеческого бытия», которое требует «связи с целым, которому человек принадлежит» [Максимова, 2019: 6]. Е.В. Максимова показывает, что именно онтологическая недостаточность становится основанием утверждения в культуре религиозного дискурса. Идея онтологической недостаточности человека осмыслялась религией как «своеобразный дефицит жизни» — подлинная жизнь души ущемляется тяготами плотского, земного существования. Нехватка жизненных благ скрывала онтологическую недостаточность человека — дефицит присутствия души. Этот своеобразный «дефицит» присутствия души компенсировался религиозным опытом, который на протяжении многих столетий примирял человека с собственной смертью и наполнял жизнь трансцендентным смыслом. Вымывание религиозного опыта из повседневности, процессы секуляризации культуры привели к значительным потерям в сфере экзистенциальной «обеспеченности» бытия.

Социально-экономическую природу различных форм отчуждения человека раскрывает Карл Маркс в своей ранней работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Общество классического капитализма производит отчуждение наемного рабочего от результатов труда, от его родовой сущности, и наконец, отчужде-

⁴ Взятое в квадратные скобки добавлено нами — С.С., В.К.

ние человека от человека. Труд в условиях частной собственности становится процессом самоотчуждения человека от самого себя. А знаком всеобщего отчуждения становятся деньги, отсутствие (дефицит) которых лишает человека всех человеческих возможностей [Маркс, 1974].

Помимо проблематики онтологической негативности в осмыслении дефицита присутствия для философии была важна экспликация механизмов социального нормирования и практик ограничения. Они были широко исследованы в социальной критике (Бодрийяр, Фуко, Жижек, Агамбен, Нанси и др.). Но пандемия и чрезвычайный характер социального экзистирования уже рассматриваются как «новый вызов» для философии и метафизики, который вносит коррективы в философское понимание войны, смерти, свободы, боли.

Усиление пространственной регламентации в период пандемий было описано М. Фуко. Европейский опыт XVII в. борьбы с чумой, разработанные в то время социальные технологии, оказываются востребованными и сегодня. Фуко сравнивает инструменты социального регулирования в ситуации эпидемии чумы и распространения проказы. Если проказа породила «ритуалы исключения», то чума тиражирует практики дисциплины и порядка. Разный медицинский контекст порождает специфический набор антропологических и политических стратегий, в основе которых лежит либо исключение/изгнание, либо контроль/надзор, прокажённого изгоняют, а больного чумой заключают под домашний арест: «Полное заключение — с одной стороны, выверенная муштра — с другой» [Фуко, 1999: 290]. Так появилась биополитика.

Джорджо Агамбен продолжает критику дисциплинарного «общества паноптикона» Фуко и пишет в марте 2020 г. об «изо-

бретении пандемии», о том, что поднятая социальная истерия в связи с появлением SARS-CoV2 приводит к тотальному ограничению свободы и «милитаризации» власти, а распространение паники через СМИ используется властью для введения чрезвычайного положения «в качестве нормальной парадигмы для правительства»⁵. По мнению итальянского философа, власть под предлогом безопасности насаждает в сознание индивидов страх и коллективную панику, что является не менее тревожным симптомом, чем политика изоляционизма и дистанцирования. Да и сам термин «социальное дистанцирование» Агамбен называет специально созданным эвфемизмом, чтобы заменить им грубый термин «заключение»⁶. Эта постоянная локация как «в заключении» превращает людей в «население», некую безликую «голую жизнь». Но это не та жизнь человека, которой он наделен от природы, это продукт биополитических механизмов. Поэтому и введение «социальной дистанции», по мнению Агамбена, ведёт к тому, что «мы разделили единство нашего жизненного опыта, который всегда нераздельно телесный и духовный, на чисто биологическую сущность, с одной стороны, а с другой — эмоциональную и культурную жизнь»⁷.

Да, пандемия заставила обратить внимание человека на свою изначальную связь с жизнью. Да, во введении изоляции, карантина и других пространственных ограничений политика властей реализовывалась в духе биополитики, о которой говорят Фуко и Агамбен. Но, как отметила социолог из Канады Жужа Барош, отвечая Агамбену, пандемия COVID-19 перевернула отношение *био-* и *политики*. Теперь сама жизнь (вирус как «посланец» *био-*) влияет на политику. Социальная дистанция, внедряемая в общественное тело, является своеобразной «имунной реакцией со

⁵ См.: Агамбен Дж. Изобретение пандемии // Центр политического анализа. — 2020. — 12 мар. — URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii>. (дата обращения: 19.12.2020).

⁶ См.: Агамбен Дж. Социальное дистанцирование // Центр политического анализа. — 2020. — 10 апр. — URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/sotsialnoe-distantsirovanie> (дата обращения: 08.12.2020).

⁷ Gavroche J. Giorgio Agamben : A Question // Autonomies. — 2020. — 23 Apr. — URL: <http://autonomies.org/2020/04/giorgio-agamben-a-question> (Accessed: 31.01.2021).

стороны политического тела на вторгающуюся форму жизни», утверждает социолог Ж. Барош⁸. А отечественный философ П.Д. Тищенко, анализируя медицинскую практику во время пандемии, отмечает, что происходит возвращение к ценностям пациентоцентричной модели врачевания, что заставляет по-новому взглянуть на проявление биовласти [Тищенко, 2020: 31–49] Можно согласиться с этими авторами, что пандемия, порожденная внедрением бионачала — вируса, который как-то «дремал» в природе, — в социальное, культурное и политическое пространство, кардинально меняет отношение не только био- и политики, но вообще отношение человека и природы. А тем самым заставляет задуматься о смысле культуры, которая с момента своего осмысления в XVIII в., представлялась как не-природа в формуле культура vs натура.

Культура и Присутствие

Строго говоря, словосочетание «социальная дистанция» — это противоречие в определении, т.к. социальное — от *socialis* (лат.) = совместное, общее, союзное-связное, а дистанция — от *distare [dis-stare]* (лат.) = отстоять, где приставка *dis-* означает разделение, разъединение. Поэтому социальное дистанцирование по сути своей оказывается разрушением самой основы социальности — её связности, общности. Именно это — главное и всем доступное средство противостояния внедрению био- в социальность — заставляет заново осмысливать основания социальности.

Дистанцирование проявляет себя не только в расстоянии между людьми, но также и в том, что лицо человека скрывается или за прозрачной перегородкой, или за маской. Маска — один из древнейших куль-

турных феноменов. Но надетые людьми защитные маски отличны от театральных и карнавальных масок героев, архетипических образов фольклора и великой литературы. Карнавальная или ритуальная маска, скрывая личность человека, позволяла более полно и открыто проявиться каким-то культурным характеристикам индивида — эротическим, этическим, эстетическим, юмористическим и т.п. Маска в культуре создавала эффект удвоения мира, скрывая лицо, она организовывала пространство карнавала, ритуала, театра, противостоящего рутине повседневности и тяготам труда. Через маску человеку открывалось его культурное лицо. Не случайно название античной театральной маски — *persona* — дало многим европейским языкам слово для обозначения личности человека.

В условиях пандемии маска стала расходным материалом, стирающим лица, унифицирующим их до цветного пятна. Такая антропологическая унификация опасна как социально, так и экзистенциально. Вот почему Дж. Агамбен, настойчиво повторяющий тезис об опасности политики «чрезвычайного положения», вспоминает знаменитый финал книги М. Фуко «Слова и вещи», характеризуя последствия пандемии: «Человек исчезает сегодня, как лицо, начертанное на прибрежном песке»⁹. Мы бы не согласились с тем, как понимает итальянский мыслитель то, что останется в истории после того, как набежавшая волна смывает лицо, начертанное на прибрежном песке — это не «голая, молчаливая жизнь без истории, брошенная на милость расчетов власти и науки»¹⁰. Трагедии и бедствия пандемии порождают стремление осмыслить происшедшее и задуматься о создании «новой нормальности», как выразился Славой Жижек¹¹.

⁸ Барош Ж. Агамбен, вирус и биополитика: ответный ход. // European Journal of Psychoanalysis. (Для стран Восточной Европы и СНГ. Спецвыпуск. Ч. 3. — Киев-Рим. — С. 45–46.

⁹ Агамбен Дж. Когда твой дом горит // Центр политического анализа. — 2020. — 18 окт. — URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/kogda-tvoj-dom-gorit> (дата обращения: 31.01.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ Жижек Сл. Время строить новую нормальность // Центр политического анализа. — 2020. — 10 дек. — URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/vremja-stroit-novuju-normalnost> (дата обращения: 31.01.2021).

Философский ответ вызову пандемического мира состоит в том, чтобы переосмыслить тот опыт жизни, те культурные установки, которые утвердились в новоевропейской культуре. Юлия Кристева в своём интервью в марте 2020 г. говорит о том, что «человечество заново открывает для себя экзистенциальное одиночество, значение ограничений и смертность», что «необходима переоценка жизни в целом, начиная с уязвимости каждого в отношении удовольствия и сексуальности»¹². Эта уязвимость каждого, о которой со знанием дела говорит психоаналитик и философ Юлия Кристева, ещё раз показала, что пандемии обнажила ограниченность жизненных возможностей человека, обнажила дефицит присутствия. Локдауны, прозрачное общество цифрового контроля создают новый ранжир форм цивилизационного отчуждения человека от своей природы.

Всё это ещё и ещё раз заставляет вспомнить разделение Хайдеггером двух различных способов бытия человека — неподлинного и подлинного. Первый — когда «люди существуют способом несамостояния и несобственности», где бытие с другими «обеспокоено заботой о... дистанции», заботой о том, чтобы *сгладить* отличие от других, подтянуться к другим, достичь уравнивания, середины, быть «как люди» [Хайдеггер, 1997: 128, 126]. Заметим, что Хайдеггер наделяет дистанцию, обеспечивающую бытие друг с другом («социальную дистанцию») совсем не тем смыслом, который придала этому выражению пандемия. А вот второй способ бытия человека, когда он поставлен «перед своим бытием как *вот*», открывается ему в ситуации «его брошенности, причем сначала и большей частью способом уклоняющегося отшатывания»¹³, — пишет автор «Бытия и времени» [Хайдеггер, 1997: 134, 136]. В этом «уклоняющемся отшатывании» явно слышатся мотивы нынешнего понимания «социальной дистанции» и «самоизоляции»,

которые ставят человека лицом к лицу с его собственным присутствием в *этом* мире. Выражение «брошенность» призвано отметить, замечает Хайдеггер, «*фактическую врученность*» своему бытию [Хайдеггер, 1997: 135], т.е. вынужденную необходимость самому заняться своим бытием, понять его как дело своих рук. Ситуация пандемии с её обострением дефицита присутствия как раз создаёт такую необходимость обратиться к себе и заняться собой, своим бытием.

Практики социального дистанцирования и ощущение дефицита присутствия обнаруживают себя в ряде антропологических стратегий в контексте пандемического общества. Эти стратегии преодоления нехватки присутствия выражаются в пространственно-временных координатах действия.

Первую антропологическую стратегию выживания в обществе контроля «социальной дистанции» можно назвать «регрессия к телесному». В рамках этой стратегии граница человеческому действию задаётся телом. Сценарный репертуар стратегии огромный и выражает себя, начиная от спортивных тренировок, йоги, гастрономического экспериментирования, заканчивая переизбытком, пьянством и пр. Весь ранжир телесных практик сужает пространство действия человека и характеризуется сжатием ойкумены, жизненного мира до дома-капсулы. Через управление телом в границах домашнего мира выстраивается порядок существования человека.

Как трансформировался домашний мир в ситуации борьбы с ковидом? Наименьший уровень трансформации онтологического порядка обнаружился в традиционном укладе, где локус домашнего мира включал в себя не только собственно дом, но и территорию близ него, которая всегда требует большого внимания и вложения человеческого труда. Первая антропологическая стратегия включения

¹² Кристева Ю. Человечество заново открывает себя экзистенциальное одиночество, значение пределов и смертность. Европейский журнал психоанализа // European Journal of Psychoanalysis. (Для стран Восточной Европы и СНГ. Спецвыпуск. Ч. 3. — Киев-Рим. — С. 19, 21.

¹³ Курсив автора — С.С., В.К.

в пандемический мир связана с привычным воспроизводством жизненного мира. Жить не просто так, как будто ничего не произошло, а выстраивать социальную вселенную внутри собственного *oikos(a)*. Это сила мира Робинзона, который на любой территории может воссоздать прежде усвоенного Левиафана. Прирастающая область виртуального только усилила изменение дома, превратив его в офис, лабораторию, коммутатор, библиотеку, кинозал, спа-центр и пр.

В первой антропологической стратегии с её центрированием на телесности заложен мощный ресурс эстетизации жизненного проекта и мира человеческой повседневности. Именно в этом случае обнаруживает себя то, что Х.У. Гумбрехт назвал производством присутствия [Гумбрехт, 2006]. Изоляция, навязанная пандемическими условиями, заставляет посмотреть на повседневность особыми глазами, создаётся тот «островной» эффект, о котором говорил М.М. Бахтин в связи с карнавальными событиями в средневековой культуре, когда предметы повседневной жизни являют собой разную степень интенсивности. Тогда мы называем их эстетическими. «Эстетическое переживание способно восстановить пространственность и телесность нашего существования; можно надеяться, что эстетическое переживание вернет нам хотя бы чувство бытия-в-мире, чувство, что мы являемся частью физического мира вещей» [Гумбрехт, 2006: 109], — и эти слова Гумбрехта, сказанные ещё в 2003 г., звучат сейчас крайне актуально. Ряд проведенных социологических исследований показывает, как возрастает восприятие значимости эстетических характеристик окружения человека во время пандемии [Grima, Corcoran, Hill-James..., 2020].

Вторая антропологическая стратегия выживания в пандемическом мире (при сжатии пространства) связана с уходом, апатией, с одной стороны, и насилием, скептицизмом, ковид-диссидентством, с другой. Эта стратегия ориентирована на выпадения из социального пространства и времени, уходом из актуальности, непониманием и отрицанием специфичности

ситуации, дефицитом готовности человека к изменениям. Возможно, это самая простая и очевидная реакция человека на стресс. Контекстом конституирования стратегии является постоянный рост депрессии, рутинность домашнего и доступность виртуального насилия, кризис ценностей гуманизма. Причины кроются в издержках модернизации, глобализации и формированием общества риска. Государства ответили на партизанские действия ковид-диссидентства штрафами, арестами, водометами, что стало формой признания личного индивидуального присутствия этой части общества. Жизнь в ситуации постоянного выбора, в ситуации не только экономической, но и ценностной небезопасности перестроить очень трудно, это требует огромных личных и социально-политических вложений, поэтому вторая антропологическая стратегия потенциально радикализирует настроения самых разных социальных групп и сообществ. Вирус представляет собой экзистенциальный вызов культурным границам и субъективности. И, как верно замечает социолог из университета в Нюрнберге д-р Лариса Пфаллер, ситуация пандемии требует признания и укрепления индивидуальной и общественной активности, требует понимания уязвимости экзистенции как антропологического состояния и установления отношений заботы и солидарности [Pfaller, 2020: 821–829].

Вторая антропологическая стратегия осмысляет дефицит присутствия в бинарных оппозициях конфликта (богатство/бедность, свобода/заключение, работа/безработица и пр.), а социальная дистанция рассматривается здесь как инструмент жесткого социального ранжирования. Ковид-отрицатели, нарушая допустимую дистанцию между людьми в 1,5 метра, срывая маски, нарушая нормы, радикализируют отказ от сжатия своего домашнего мира. Они политизируют свои действия, выдвигая социально-политические требования доступа к самым разным публичным пространствам, в том числе и рабочим местам. Поэтому политика государств по мере развития пандемии, как показывает анализ программных документов прави-

тельствственных учреждений 114 стран, постепенно смещает акцент с общественного здравоохранения на более широкий круг социальных вопросов¹⁴.

Заключение

Если пандемия COVID-19 оказалась «рукотворным риском», т.е. неожиданным для человека следствием его собственного поведения и действий, то значит, чтобы подобные роковые неожиданности не повторились, необходимо как-то менять и поведение, и действия. За характер, содержание и направленность всей деятельности человека отвечает культура, которая несет в себе систему ценностей, определяющую тип и направленность человеческого действия.

Утвердившаяся в Новое время культура Просвещения, которую Гумбрехт назвал культурой значения, формирует идеал человека, ориентированного на Истину, освещённую знанием и значимыми прагматическими достижениями. Этот культурный идеал действия человека новоевропейской культуры заложил основу всех достижений мирового цивилизационного развития, но он же стал и причиной отчуждения техногенной цивилизации и социальных форм жизни от природы. Разрушая природу, превращая её в материал для своего разнообразного *techne*, человек оказался в конфликте с самой своей жизнью. Культура, накладывающая на всё печать значения для человека, не брала в расчёт то, что выходило за рамки нужного значения. Так исчезал из культуры внутренний смысл самого *присутствия* мира и человека, растворяясь в различных толкованиях и представлениях. Экологические кризисы, угроза затопления земель и городов в результате всемирного потепления и, наконец, пандемия заставляют культуру признать *значимость присутствия* (теле-

сного, вещественного, пространственно наличного).

Конечно, победа над коронавирусом возможна благодаря цивилизационным достижениям, благодаря созданию таких вакцин как Спутник V и другие, что обеспечила наука культуры *modern age*, но это не гарантирует от опасности иных рукотворных рисков. Кардинальное исключение подобных случаев требует изменения самого типа отношения человека к миру, когда человек смотрит на мир не как на материал или средство своего существования, а как на участие/соучастие в жизни. В этом случае формируется тот тип культуры, который можно назвать культурой присутствия¹⁵.

Культура присутствия утверждает значимость самого присутствия — человека, вещи, действия, ситуации. Наш социальный мир превращается в антропологическую лабораторию, которая ищет способы культивирования присутствия. Напряжённые антропологические поиски должны увенчаться рождением новых стратегий обживания и преодоления дефицита присутствия. Если в первой половине прошлого века культурные поиски творческого авангарда и социально-политические процессы шли в разрез — в творчестве, в его различных формах, всё больше и больше на первый план выходила свобода и оригинальность, а в социальном мире усиливались тоталитарные стремления, которые в политике принимали крайние формы диктатуры политического и идеологического стандарта, в обыденной жизни — стандарта общества потребления и массовой культуры, то вторая половина XX в. отмечена нарастанием процессов дифференциации и стилевого разнообразия как в творчестве, так и в обыденной жизни. Эти процессы получили имя постмодернизма. Однако, всё-таки прав Юрген Хабермас, утверждающий, что проект

¹⁴ Gao J. Quantifying Policy Responses to a Global Emergency: Insights from the COVID-19 Pandemic / J. Gao, Y. Yin B.F., Jones, D. Van // SSRN Electronic Journal. – 2020. Preprint. – DOI: 10.2139/ssrn.3634820

¹⁵ В отличие от Гумбрехта, который относил культуру присутствия к Средневековью, мы исходим из того, что культура присутствия идет на смену культуре значения/представления и характеризует становление культуры нового модерна [См.: Конеv 2018].

модерна вряд ли себя исчерпал, а потому «субъект-центрированный разум сменяется системной рациональностью» [Хабермас, 2003: 390], рациональностью, которая стремится учитывать разнообразие. Современная история движется в направлении утверждения права на различие, права на присутствие разнообразия — в природе (борьба за сохранение биологического разнообразия), в культуре (сохранение локальных культур в эпоху глобализации), в политике (борьба за многополярный мир), в личностном мире (селфи, блоги, чат и т.п.). Культура нового модерна выводит человека из тени *жизни в-округе-пьеDESTала* в область *подиума*, где каждый может показать свои собственные достижения [Конев, 2020]. Культура лабораторий выходит за границы исследовательских центров и университетов и перемещается в повседневные социокультурные практики, ставя человека в ситуацию антропологического поиска. Активное культивирование присутствия включает человека в события и

процессы, имеющие конкретный ситуативный смысл, а не некое универсальное значение. Приобщённость, сопричастность, вовлечённость, которая обнаруживает себя в смыслопорождающем действии человека — вот один из феноменов присутствия. А это — миллионы волонтёров, помогающих людям, пострадавшим от пандемии (#МыВместе).

Множество существующих антропологических стратегий выживания в обществе пандемии направлено на освоение техногенного характера современности. Антропологические ответы могут быть очень разные по содержанию, но их должна объединять установка, высказанная Юлией Кристевой: «Мы готовы к новому умению жить, которое будет не трагичным, а скорее сложным и требовательным»¹⁶. А значит, потребность в проекте новой практической философии, философии ответственного бытия будет ощущаться особенно остро.

Список литературы:

Colavizza G. A scientometric overview of COVID-19 / G. Colavizza, R. Costas, V.A. Traag, N.J. van Eck, T. van Leeuwen, L. Waltman // PLOS ONE. — 2021. — Vol. 16, № 1. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0244839> — DOI: 10.1371/journal.pone.0244839.

Kousha K. COVID-19 publications: Database coverage, citations, readers, tweets, news, Facebook walls, Reddit posts / K. Kousha, M. Thelwall // Quantitative Science Studies. — 2020. — Vol. 1, № 3. — P. 1068–1091. — DOI: 10.1162/qss_a_00066.

Leal Filho W. COVID-19: the impact of a global crisis on sustainable development research / W. Leal Filho, A.M. Azul, T. Wall, et al. // Sustainability Science. — 2021. — Vol. 16, № 1. — P. 85–99. — DOI: 10.1007/s11625-020-00866-y.

Felson M. Routine activity effects of the Covid-19 pandemic on burglary in Detroit, March, 2020 / M. Felson, S. Jiang, Y. Xu // Crime Science. — 2020. — Vol. 9, № 1. — P. 10. — DOI: 10.1186/s40163-020-00120-x.

Szocik K. Conceptual Issues in COVID-19 Pandemic: An Example of Global Catastrophic Risk // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. Cambridge University Press, — 2021. — Vol. 30, № 1. — P. 199–202. — DOI: 10.1017/S0963180120000687.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — Москва : Прогресс-традиция, 2000. — 381 с.

Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь. — Москва : Весь мир, 2004. — 116 с.

Pietrocola M. Risk Society and Science Education / M. Pietrocola, E. Rodrigues, F. Bercot, S. Schnorr // Science & Education. — 2021. — Vol. 30, № 2. — P. 209–233. — DOI: 10.1007/s11191-020-00176-w.

¹⁶ Кристева Ю. Человечество заново открывает себя экзистенциальное одиночество, значение пределов и смертность. Европейский журнал психоанализа // European Journal of Psychoanalysis. (Для стран Восточной Европы и СНГ. Спецвыпуск. Ч. 3. — Киев-Рим. — С. 21.

Kraemer M.U.G. et al. The effect of human mobility and control measures on the COVID-19 epidemic in China // *Science*. — 2020. — Vol. 368, № 6490. — P. 493–497. — DOI: 10.1126/science.abb4218.

Богардус Э.С. Социальная дистанция в городе // *Социальное пространство: Междисциплинарные исследования* : Реферативный сборник. — Москва : Инион РАН, 2003. — С. 179–186.

Деррида Ж. *Differance* // Гурко Е. *Тексты деконструкции* — Томск : Издательство “Водолей,” 1999. — С. 124–160.

Хайдеггер М. *Бытие и время*. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 451 с.

Деррида Ж. *Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля*. — Санкт-Петербург : Алтейя, 1999. — 208 с.

Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. — Т.42. — Изд. 2-ое. — Москва : Политическая литература, 1974. — С. 86–127.

Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. — Москва : Ad Marginem, 1999. — 478 с.

Тищенко П.Д. «Время убивать, и время врачевать»: человек в ситуации пандемии COVID-19 // *Человек*. — 2020. — Т. 31, № 6. — С. 31–41. — DOI: 10.31857/S023620070013081-6.

Гумбрехт Х.У. *Производство присутствия: чего не может передать значение*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 179 с.

Grima N. The importance of urban natural areas and urban ecosystem services during the COVID-19 pandemic / N. Grima, W. Corcoran, C. Hill-James, B. Langton, H. Sommer, B. Fisher // *PLOS ONE*. — 2020. — Vol. 15, № 12. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0243344> — DOI: 10.1371/journal.pone.0243344.

Pfalter L. Theorizing the virus: abjection and the COVID-19 pandemic // *International Journal of Sociology and Social Policy*. — 2020. — Vol. 40, № 9/10. — P. 821–829. — DOI: 10.1108/IJSSP-06-2020-0243.

Конеv В.А. Галактика Цукерберга versus галактика Гутенберга // *Диагностика современности: глобальные вызовы — индивидуальные ответы* : Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Самарская гуманитарная академия, — 2018. — С. 16–27.

Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне* : [Сб. лекций]. — Москва : Весь мир, 2003. — 414 с.

Конеv В.А. *Человек пьедестала и человек подиума* // *Международный журнал исследований культуры*. — 2020. — № 2. — С. 6–17. — DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00018.

References:

Colavizza, G. et al. (2021) 'A scientometric overview of COVID-19', *PLOS ONE*. Edited by C. R. Sugimoto, 16(1), p. e0244839. doi: 10.1371/journal.pone.0244839.

Kousha, K. and Thelwall, M. (2020) 'COVID-19 publications: Database coverage, citations, readers, tweets, news, Facebook walls, Reddit posts', *Quantitative Science Studies*, 1(3), pp. 1068–1091. doi: 10.1162/qss_a_00066.

Leal Filho, W. et al. (2021) 'COVID-19: the impact of a global crisis on sustainable development research', *Sustainability Science*, 16(1), pp. 85–99. doi: 10.1007/s11625-020-00866-y.

Felson, M., Jiang, S. and Xu, Y. (2020) 'Routine activity effects of the Covid-19 pandemic on burglary in Detroit, March, 2020', *Crime Science*, 9(1), p. 10. doi: 10.1186/s40163-020-00120-x.

Szocik, K. (2021) 'Conceptual Issues in COVID-19 Pandemic: An Example of Global Catastrophic Risk', *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, 30(1), pp. 199–202. doi: 10.1017/S0963180120000687.

Beck, U. (1994) *Riskante Freiheiten Individualisierung in modernen Gesellschaften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (Russ.ed.: (2000) *Obschestvo riska na puti k drugomu modernu*. Moscow: Progress-tradiciya Publ.).

Giddens, A. (1999) *Runaway World*. London: Profile. (Russ.ed.: (2004) *Uskol'zaiushchii mir : kak globalizatsiya meniaet nashu zhizn'*. Moscow: Ves' mir Publ.).

Pietrocola, M. et al. (2021) 'Risk Society and Science Education', *Science & Education*, 30(2), pp. 209–233. doi: 10.1007/s11191-020-00176-w.

Kraemer, M. U. G. et al. (2020) 'The effect of human mobility and control measures on the COVID-19 epidemic in China', *Science*, 368(6490), pp. 493–497. doi: 10.1126/science.abb4218.

Bogardus, E. S. (1926) 'Social distance in the city', in *The urban community: Selected papers from The Proceedings of the American Sociological Society*, 1925. Chicago: The Univ. of Chicago Press, pp. 48–54. (Russ. ed.: (2003) 'Social'naja distancija v gorode', in *Sotsialnoe prostranstvo : mezhdistsiplinarnye issledovaniia : referativnyi sbornik*. Moscow: INION RAN, pp. 179–186.).

Derrida, J. (1972) *Marges de la philosophie*. Paris: Les Editions de Minuit. (Russ.ed.: (1999) 'Differance', in Gurko, E. (ed.) *Teksty dekonstrukcii*. Tomsk: Vodolej Publ., pp. 124–160.).

Heidegger, M. (1927) *Sein und Zeit*. Halle: Max Niemeyer. (Russ.ed.: (1997) *Bytie i vremja*. Moscow: Ad Marginem Publ.).

Derrida, J. (1967) *La voix et le phénomène : introd. au problème du signe dans la phénoménologie de Husserl*. Paris: Presses universitaires de France. (Russ.ed.: (1999) *Golos i fenomen : i drugie raboty po teorii znaka Gusserlia*. Saint Petersburg: Aleteiia Publ.).

Marx, K. (1970) *Ökonomisch- Philosophische Manuskripte : Geschrieben von April bis August 1844 nach der Handschrift*. Leipzig: Philipp Reclam. (Russ.ed.: (1974) 'Jekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda', in Marx K., Engels F. *Sochinenija. T.42. Izd. 2-oe*. Moscow: Politicheskaja literatura, pp. 86–127.).

Foucault, M. (1975) *Surveiller et punir*. Paris: Gallimard. (Russ.ed.: (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'* : rozdenie tjurmy. Moscow: Ad Marginem Publ.).

Tishchenko, P. D. (2020) "'Time to Kill, and Time to Heal": The Human Being in a COVID-19 Pandemic', *Chelovek*, (6), p. 31. doi: 10.31857/S023620070013081-6. (In Russian).

Gumbrecht, H. U. (2004) 'Production of presence what meaning cannot convey'. Stanford, Calif.: Stanford University Press, pp. xvii, 180. (Russ.ed.: (2006) *Proizvodstvo prisutstva : chego ne mozhet peredat znachenie*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).

Grima, N. et al. (2020) 'The importance of urban natural areas and urban ecosystem services during the COVID-19 pandemic', *PLOS ONE*. Edited by F. X. Aguilar, 15(12), p. e0243344. doi: 10.1371/journal.pone.0243344.

Pfaller, L. (2020) 'Theorizing the virus: abjection and the COVID-19 pandemic', *International Journal of Sociology and Social Policy*, 40(9/10), pp. 821–829. doi: 10.1108/IJSSP-06-2020-0243.

Konev, V. A. (2018) 'The Galaxie of Zuckerberg versus the Galaxie of Gutenberg', in *Diagnostics of Modernity: Global Challenges - Individual Answers & Conference Proceedings*. Samara: Samarskaja humanitarnaja akademija Publ., pp. 16–27. (In Russian).

Habermas, J. (1985) *Der philosophische Diskurs der Moderne : zwölf Vorlesungen*. Frankfurt: Suhrkamp. (Russ.ed.: (2003) *Filosofskij diskurs o moderne*. Moscow: Ves' mir Publ.).

Konev, V. A. (2020) 'Pedestal Person and Podium Person', *International Journal of Cultural Research*, (2), pp. 6–17. doi: 10.24411/2079-1100-2020-00018.

Информация об авторах

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории науки Самарского государственного университета путей сообщений.

443011, Самара, пер. Парковый, 5.

Конев Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

443010, Самара, ул. Ново-Садовая, 29 (Россия).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Svetlana V. Solovyova — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and History of Science, Samara State Transport University, 5, per. Parkovy, Samara, Russia, 443011 (Russia).

Vladimir A. Konev — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Samara University, 29, st. Novo-Sadovaya, Samara, Russia, 443010 (Russia).

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 26.02.2021; одобрена после рецензирования 07.04.2021; принята к публикации 26.05.2021.

The article was submitted 26.02.2021; approved after reviewing 07.04.2021; accepted for publication 26.05.2021.

POLITICS AND CULTURE AFTER THE PLAGUE

Adrian Pabst

University of Kent, Canterbury, UK

A.Pabst@kent.ac.uk

<https://orcid.org/0000-0002-3153-1598>



Abstract. The troubled times we so unexpectedly found ourselves in urge us to reconsider the path we have been choosing for decades. In the present essay on the post-pandemic world, the plague metaphor serves to emphasize parallels between our collective history and our collective present and helps to shed light on the emergence of a new world. The philosophical approach offers a unique perspective on contemporary values and their practical realization in relation to today's global trends and tasks. The fragility of our condition should be acknowledged and addressed with solid principles. Coping with insecurity requires a shared sense of purpose. Human decency is a prerequisite to defeat Covid-19 in a world plagued by fragmented economies and societies and in need of stability. To provide adequate solutions to end the pandemic, politics must remember what is to be a human. We need to distinguish between the economic and the social, the impassive and the compassionate, the autonomous and the cooperative. It is through acts of service that people, not machines or impersonal institutions, exercise their agency to give much-needed relief to their communities. Policy- and decision-makers have to ensure that economic sectors and civil institutions allow for interpersonal action. The crisis has sped up the trends many refused to acknowledge, and it is our hope that seeing the ongoing processes for what they are and acting bona fide with true liberality in mind will bring us back to the steering wheel of change to address multiple social, political, and economic questions. Consciousness and agency, despite (or due to) technology and democracy, are unequally distributed. With the rise of identity politics, it is once again obvious that power feeds on inequality. Beneficiaries of inescapable surveillance are far from being ordinary citizens. The newly found understanding of sovereignty by nation-states challenges political and social equilibrium worldwide. Economic or political utilitarian considerations alone leave little space to manoeuvre contested reality safely. Navigating the troubled waters of the virus-shaken world to a sustainable order means a certain injection of humanity and purpose to the predominant ideology. When we look closely and thoughtfully at the contested reality of today, there appear several possible iterations of liberalism: contemporary liberalism, antiliberalism, and postliberalism. Humble understanding of the true value and worth comes at a price, the plague has deflated our arrogance and the misleading sense of invincibility at the cost of economic and healthcare collapse, thousands of lives taken or broken. Thinking through what we had to endure coupled with the limitations we discovered might result in re-establishing the principles worth striving for – tolerance and pluralism.

Keywords: global politics, liberalism, Covid-19, contemporary values, fragmentation, rethinking policy, renewal of ideology, national sovereignty

For citation: Pabst, A. (2021) 'Politics and Culture after the Plague', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 5(2), pp. 44–51. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-44-51>

Философское эссе

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПОСЛЕ ЧУМЫ

Адриан Пабст

Кентский университет, Кентербери, Великобритания

A.Pabst@kent.ac.uk

<https://orcid.org/0000-0002-3153-1598>

Аннотация. Непокойное время, заставшее человечество врасплох, вынуждает нас пересмотреть путь, которому мы упорно следовали на протяжении последних десятилетий. Метафора чумы, представленная в настоящем эссе о мире после пандемии, позволяет провести параллели между нашей общей историей и нашим общим настоящим, помогает пролить свет на становление нового мира. Философский подход предлагает уникальный ракурс рассмотрения современных ценностей, даёт возможность проследить, как эти ценности и их практическая реализация соотносятся с существующими глобальными тенденциями и задачами. Нужно признать хрупкость нашего положения и вооружиться твёрдыми принципами. Чтобы справиться с незащищённостью и неустойчивостью, необходимо общее понимание цели. Человеческая порядочность – важнейшее условие для победы над Covid-19 в беспокойном, нестабильном мире, страдающем от фрагментированности экономики и раздробленности общества. Чтобы найти решения и остановить пандемию, политика должна быть человеческой. Нам нужно различать экономическое и социальное, бесстрастное и сострадательное, автономное и совместное. Именно через акты служения люди, а не машины и безликие институты, проявляют свою субъектность и оказывают реальную и столь необходимую помощь своим сообществам. Проводимая политика должна обеспечить возможность межличностного взаимодействия в разных секторах экономики и гражданских институтах. Кризис ускорил развитие тенденций, которые многие отказывались признавать, но мы надеемся, что объективный взгляд на происходящее и добросовестные, по-настоящему либеральные действия вернут нам контроль над глобальными процессами, чтобы решить множество социальных, политических и экономических проблем. Несмотря на распространённость технологий и демократии (или, возможно, именно из-за этого), сознательность и субъектность распределены неравномерно. Усиление политики идентичности в очередной раз подтверждает, что власть основана на неравенстве. Тотальная слежка выгодна отнюдь не простым гражданам. Недавно обретенное национальными государствами понимание суверенитета может пошатнуть политическое и социальное равновесие во всем мире. Если руководствоваться исключительно утилитарными экономическими и политическими соображениями, едва ли удастся безопасно пройти через времена бурных перемен. Чтобы выбраться из беспокойных вод пандемии и прийти к устойчивому порядку, нужно сделать господствующую идеологию человечнее. Если мы внимательно и вдумчиво посмотрим на то, что сегодня происходит в мире, то обнаружим несколько итераций либерализма: современный либерализм, антилиберализм и постлиберализм. За смиренное понимание того, что по-настоящему ценно и важно, нужно платить: чума сбила с нас спесь и показала нашу уязвимость, только когда разрушила экономики и системы здравоохранения, отняла и сломала тысячи жизней. Обретенное понимание того, что мы не всемогущи, должно способствовать возвращению по-настоящему достойных принципов терпимости и плюрализма.

Ключевые слова: глобальная политика, либерализм, Covid-19, современные ценности, фрагментированность, пересмотр политики, обновление идеологии, национальный суверенитет

Для цитирования: Пабст А. Политика и культура после чумы // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 2. — С 44–51. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-44-51>

In his novel *The Plague (La peste)*, Albert Camus captures the meaning of the Covid-19 pandemic in our times: “There were no longer any individual destinies, but a collective history that was the plague, and feelings shared by all. The greatest of these were feelings of separation and exile, with all that that involved of fear and rebellion” [Camus, Buss, 2001: 129]. This metaphor for the Covid-19 pandemic offers a well-rounded cultural interpretation of the ongoing developments in the global society. The coronavirus pestilence demands a particular sacrifice: solidarity through separation. We are not just reminded of our vulnerability and mutual dependence, but also required to abandon our workplace, suspend our social life and stay at home in order to save lives. Paradoxically, ‘we are all in this together’ by staying apart. The new-found community rests on ‘social distancing’ for fear of contagion. Covid-19 has affected all of us, everywhere and at the same time, attacking our pre-existing weaknesses and disrupting ways of life. That is not the same as the bubonic plagues in the Middle Ages that decimated Europe’s population or the European viruses during the Age of Discovery that ravaged Latin America. Both those killed people in their millions and left civilizations fundamentally transformed. Black Death ended serfdom and revalued human labour, whereas Iberian-imported diseases wiped out indigenous people and ushered in centuries of Western colonialism. The coronavirus does not mark the end of the West and the rise of ‘the rest’, though it might accelerate Western self-erosion and China’s ascendancy. The communitarian consensus that was manifest during the first lock-

down could also renew the West’s best traditions.

HUMAN DECENCY

What the present plague certainly does is to reveal the fragility of our human and social condition. It works on the body politic in the same way as on our physical bodies, probing our immune system and preying upon underlying co-morbidities, as the political thinker (and member of the UK House of Lords) Maurice Glasman has argued.¹ The pandemic has laid bare the erosion of our everyday economy, stripped down to ‘just-in-time’ delivery and dependent on foreign powers we cannot trust. Covid-19 has also shone a light on the hollowing out of society, built on an atrophied polity and anaemic civic institutions. For decades, state and market concentrated wealth, power and status. Now the coronavirus crisis amplifies the unravelling of our structures. Entire countries need debt-based life support and people are forced into protective isolation. Vulnerability has been shown to be the fundamental reality of our lives. Yet frailty is also what makes us human.

Unlike his erstwhile friend Jean-Paul Sartre, Camus was no follower of atheist Marxism. One of the thinkers who influenced him most on the question of human weakness was St Augustine. Camus’ literary *œuvre* is a long reflection on this and other existential questions: our mortality, our humanity, the hopes and fears of our earthly existence. Without being a confessing Christian, he was sympathetic to a broad Christian humanist vision, which he viewed as standing apart from both reactionary cleri-

¹ Glasman M. As globalisation fractures, the West must champion internationalism in the face of China // *New Statesman*. — 2020. — 3 Jul. — URL: <https://www.newstatesman.com/world/asia/2020/07/globalisation-fractures-west-must-champion-internationalism-face-china> (Accessed: 25.05.2021).

calism and scientific atheism. Camus rejected Marxist and liberal ideologies alike, opposing at once the apologists of the Soviet Union for equating oppression with liberation and liberals for abandoning a common ethical outlook in favour of individual greed and selfishness.

Contemporary liberals seem unable to defend freedom as a form of ethical restraint that respects the limits of life. Liberty is instead reduced either to a utilitarian pursuit of pleasure and prosperity or else to absolute legal injunction. For this reason, advocates of ultraliberalism are the first ones to fall victim to a plague: “They considered themselves free”, Camus writes, “and no one will ever be free as long as there is plague, pestilence and famine” [Camus, Buss, 2001: 31]. Human existence is about frailty as much as freedom. During the Covid-19 pandemic, the deep desire for community has been palpable. Whereas liberals oscillate between free choice and total lockdown, communities want greater state protection combined with more social solidarity.

The ultraliberal longing for limitless liberty is what Camus would call absurd because it is meaningless. Untrammelled freedom dehumanizes us, replacing our contingent condition with a determinism that robs us of our own agency. Nor are we humans immortal or invincible — forms of hubris that come with conceit, the pursuit of possessions and striving for status, a lack of joy and an absence of gratitude. Camus’ sceptical humanism is a call against ancient pagan heroism as much as modern self-assertion. Missing from these two conceptions of ethics are basic moral sentiments that define our humanity. This is reflected in the words of Dr Rieux, the central character in Camus’ novel, who believes the plague brings into sharp relief the nature of our human condition: “[T]his whole thing is not about heroism, it is about decency [*hon-nêteté*]. It may seem a ridiculous idea, but the only way to fight the plague is with decency” [Camus, Buss, 2001: 125].

THE DIGNITY OF LIFE AND LABOUR

When asked what decency is, he replies: “In general, I can’t say, but in my case I know that it consists in doing my job [*métier*]” [Camus, Buss, 2001: 125]. Camus links this to uncertainty: “Rieux shook himself. This was certainty: everyday work. The rest hang by threads and imperceptible movements; one could not dwell on it. The main thing was to do one’s job well” [Camus, Buss, 2001: 33]. Trying to do one’s job well is to be a hero of the everyday. During the Covid-19 pandemic, doctors on the intensive care units of countless hospitals across the world have worked heroically to save the lives of thousands. Yet, as Edward Docx’s extraordinary essay in the *New Statesman* on the experience of an intensive care consultant shows, “[T]he truth is that the people who watch the patients are the nurses. Hour after hour into the night — an unceasing vigil”². For a brief period, the weekly clapping for carers in the UK united people in moments of spontaneous solidarity around a shared gratitude for the sacrifice and service of key workers.

After decades of being told that the new knowledge economy is driven by the professional-managerial class largely composed of bankers and lawyers, we now realize who the essential workers are. Lorry drivers and warehouse workers. Delivery staff and shelf-stackers. Shop assistants and cashiers. Police officers and firefighters. Doctors and nurses. Hospital cleaners and home carers. “Labour”, writes Glasman, “is something you can’t do from home. It requires real physical presence, leaving home and doing something, usually involving your hands, for other people. Far from being replaced by machines, key workers require skill, empathy and compassion to fulfil their vocation”³. The Covid-19 pandemic has created the conditions for restoring the meaning and dignity of labour. The labour value has been revealed as central to the economy and society. It is through work that we find fulfil-

² Docx E. The peak: inside the mind of Dr Jim Down, a leading intensive care consultant, on the night of the peak number of deaths from Covid-19 in hospitals // *New Statesman*. — 2020. — 27 May. — URL: <https://www.newstatesman.com/politics/health/2020/05/peak> (Accessed: 25.05.2021).

³ Glasman M. The coronavirus crisis has sounded the death knell for liberal globalization // *New Statesman*. — 2020. — 12 Apr. — URL: <https://www.newstatesman.com/politics/economy/2020/04/coronavirus-crisis-has-sounded-death-knell-liberal-globalisation> (Accessed: 25.05.2021).

ment and become more human [Cruddas, 2021].

Frailty, decency, sacrifice, service and the dignity of labour are some of the building blocks for a post-pandemic politics that is guided by an ethical compass. It is a re-moralized politics that transcends the pursuit of power or wealth by helping people to live rewarding lives for themselves and others. The vocation of politics is not to endorse a single conception of the good life or to impose moralistic values. Rather, it is to enable people to live both in security, free from fear or want, and in dignity. Like the idea of the good life, dignity is not reducible to one thing. Sometimes, it is painfully expressed in grief when we experience dispossession or the loss of loved ones. At other times, it is celebrated joyously when we can exercise agency and shape the world around us. In each case, dignity concerns both one's own intrinsic worth and the worth of others. It is about earning esteem and recognizing contribution [Goodhart, 2020; Sandel, 2020].

Security and dignity frame questions of justice, which exceed individual rights or collective utility. Justice is about relations within society and how they should be organized so that people can live fulfilling lives. Covid-19 has brought this to the fore. The initial response to the pandemic was to privilege health and well-being over economic growth. As we recognize the need to move from 'just-in-time' supply chains to 'just-in-case' safety nets, so too we must replace 'business as usual' with ethical firms and new ways of value creation. For now, austerity has been consigned to the dustbin of history (though libertarians and Thatcherites are itching to bring it back). The size and role of the state in the economy will continue to grow over the next few years. A space is opening up for novel economic and political arrangements anchored in the public good. That means reconciling estranged interests between capital, labour and the state. It also involves infusing greater social and ecological purpose into both business and the public sector.

CHANGE OF ERA

As Pope Francis remarked, we are witnessing not an era of change but a change of era.

The virus speeds up long-standing developments that have been decades in the making: the fragmentation of free-market globalization and the resurgence of the protective state; a greater emphasis on borders and national sovereignty; the need for greater investment in our public services and the importance of civic community; the urgency for science and technology to serve human needs in a manner that favours ecological balance; a yearning for stability and mass participation in big ways and small to take care of others.

Each of these developments is consistent with principles of liberality like pluralism, tolerance and generosity, and yet none of them are reflected in contemporary liberalism. All of these developments involve some respect for authority within bounded polities — respect for law and order as well as for the inheritance of customs and traditions. Yet none of them are honoured by authoritarianism with its antiliberal attack on certain rights and institutions, including the free press or the independent judiciary. Potentially, these developments represent a new reality that is postliberal — fusing greater economic justice with social stability and ecological purpose. But each development and the wider world that might take shape after the viral emergency can go one of three ways: either reverting to the well-trodden path of liberalism, or sliding towards the cliff-edge of antiliberalism, or taking the road of postliberalism.

The first development is the fragmenting of the global economy. Before the outbreak of the Covid-19 crisis, the pace of economic globalization was slowing down. Since 2015, the rate has flattened as cross-border financial flows first stagnated and then fell. The US-China trade spat has the potential to disrupt global commerce. Outsourcing labour and offshoring production will continue to cost corporations as the post-pandemic emphasis shifts towards national resilience and more local supply chains. Ruchir Sharma, a writer and economist at Morgan Stanley, argues that these developments are a corrective of free-market globalism. Far from being temporary setbacks, they have the potential to transform the world economy in the direction of what he calls de-globalization [Sharma, 2016]. But at a time when the post-1989 era of neoliberal tri-

umph has ended, global capitalism is not about to collapse.

Paradoxically, antiliberal protectionism may save the current economic order from some of its own worst excesses that have stymied national development. De-globalizing tendencies are not by themselves a harbinger of postliberal times. That would involve a balancing of greater national economic autonomy with more international cooperation to secure the status of workers and enable them to resist the dehumanizing exploitation of contemporary capitalism by building new forms of democratic association — starting with trade unions in the big tech and gig economies (especially Amazon) and allowing worker self-organization in state capitalist countries like China.

The second development is the resurgence of the protective state, which is similar to what happened seventy-five years ago. Then the shared experience of mass participation in the Second World War was key to the birth of the post-war social settlement based on state intervention in the economy and welfare support from ‘cradle to grave’. Prior to the pandemic, the nation-state was already re-emerging as a bulwark against the global market. Now the post-viral era has the potential to bring about a new settlement in which the protective state not only saves the economy but also strives more, at least in appearance, to serve the common good of society – beginning with greater national resilience concerning food, water, energy, medical supplies, manufacture and transportation.

But increased government intervention alone provides little more than a sticking plaster that leaves us vulnerable to the pandemics, ecological threats and social crises of the future. The reverse face of an expanded government role in the economy may be continued state support for the forces of unfettered capitalism and instrumental technology that already dominate and distort our daily lives. So far, tech platforms like Amazon, Google or China’s Alibaba are the main winners of the impending economic depression, besides other corporate oligarchs that include newcomer Zoom. A system of bio-surveillance is taking shape with the power to monitor and manipulate the behaviour of whole populations. A postliberal protective state has to combine pluralist democracy with a corporatist concili-

ation of estranged interests and strong institutions to devolve power to people.

The third development is a stronger emphasis on bounded polities and national sovereignty. Free movement of capital has weakened the power of labour while the free movement of people without national economic development has put pressures on wages and hit workers. Bordered polities are an important condition for politicians to have the capacity to protect community and country. Nations represented democratically within sovereign states provide a vital source of legitimacy for government. But left unchecked, state sovereignty tends to slide into authoritarianism at home and anarchy abroad — as is prefigured in the works of Jean Bodin and Thomas Hobbes [Milbank, Pabst, 2016: 13–67]. That is why a post-liberal politics seeks to hold in balance not just the central state and intermediary institutions but also patriotism and internationalism.

The fourth development is greater investment in public services and the role of civic community. Austerity with its decimation of local government has eroded the social fabric of Western countries, leaving them exposed to economic shocks and pandemics. The private sector is vital for prosperity based on investment and innovation, but it cannot replace the public provision of public goods that are irreducible to profit. That includes the need for strong civic institutions to uphold the ties of trust and cooperation. As the post-pandemic recovery unfolds, state and market risk reverting to the status quo ante — concentrating wealth and power in old elites or new classes who benefit from their preferred policy mix: technocratic ‘global governance’ that overrides democratic polities; cultural libertarianism that corrodes community and tradition; mass immigration and unfettered free trade that erode national industry, economic development and the social fabric. The postliberal alternative is to embed power and wealth in democratically governed institutions and strong social relations based on reciprocal obligations – the duties we owe one another.

WHAT WE ARE UP AGAINST

What are the forces that a postliberal politics will have to contend with after the pan-

demic? Besides hostile foreign powers and tech totalitarianism, there are the forces of hyper-capitalism and extreme identity politics that disrupt the lives we assumed were solid. The plague exposes the frailty of human existence. This brings us back to Camus, who published *La peste* in 1947. One hundred years earlier, Karl Marx and Friedrich Engels wrote similarly about unprecedented disruption to settled ways of life: "All that is solid melts into air, all that is holy is profaned, and man is at last compelled to face with sober senses his real conditions of life, and his relations with his kind" [Marx, Engels, 1848].

The authors of the *Communist Manifesto* anticipated the coming age of modern globalization, with its first wave in the late nineteenth century, driven by a rapacious form of capitalism that recreated the world in its own image of relentless expansion: "The need of a constantly expanding market for its products chases the bourgeoisie over the entire surface of the globe. It must nestle everywhere, settle everywhere, establish connexions everywhere" [Marx, Engels, 1848]. Marx and Engels opposed the emerging capitalist world, but they welcomed the destruction of the old order. Not unlike latter-day liberals, they assumed that reason, science and cosmopolitan values would fulfil the Enlightenment promise of progress.

Yet today hyper-capitalism has fused with extreme identity politics — whether the so-called 'Great Awakening' on the left or the alt-right that champions market nativism.⁴ Together they erode trust, undermine institutions and trash our precious natural environment, destroying the basis of a common life shared across ages and classes. The Covid-19 pandemic could intensify these tendencies further, or it could inaugurate something more hopeful.

For Marxists, like liberals, historical progress is the ultimate morality that determines

politics. Both are utopian visions with dystopian consequences — with all hope resting on human will, the forces of techno-science and the economy. Camus, by contrast, was keenly aware of the limits of determinism and utilitarian schemes of striving for the 'greatest happiness of the greatest number'. In Covid-19 times of utilitarian calculations about herd immunity, his words continue to serve as a cautionary note: "[E]veryone has it inside himself, this plague, because no one in the world, no one, is immune" [Camus, Buss, 2001: 195]. It is a reminder about our fundamental vulnerability. Much of modern ideology turned abstract ideas into idols and sacrificed millions in the attempt to serve them. Going forward, politics has to start with our human and social condition of frailty — with people as they are in their families, localities and workplaces.

CONCLUSION

Thinking through *The Plague* by Albert Camus in relation to the current moment helps us to identify the looming dangers of anti-human progress in the name of humanity and to recognize the alternatives we still have. The pandemic has triggered re-thinking and re-moralizing of our most basic values: liberty, decency, security and justice. In the framework of both politics and culture, collective social experiences are inextricable from policy considerations, the institutions and relations of power that enable or hinder our agency. The Covid crisis hit hard, disrupted the processes we had learnt to deem normal, and when it is over, we are yet to see for ourselves if the choices we make to fight the outbreak of the deadly disease will empower us and balance conflicting interests or lock us down in a pseudo-liberal system with all its ambiguities and insecurities.

⁴ Yglesias M. The Great Awakening // Vox. — 2019. — 1 Apr. — URL: <https://www.vox.com/2019/3/22/18259865/great-awakening-white-liberals-race-polling-trump-2020> (Accessed: 25.05.2021).

Список источников:

- Camus A. *The plague* / A. Camus, R. Buss. — London : Penguin Books, 2001. — 237 p.
- Cruddas J. *The dignity of labour*. — Medford : Polity Press, 2021. — 216 p.
- Sandel M.J. *The tyranny of merit : what's become of the common good?* — New York : Farrar, Straus and Giroux, 2020. — URL: <https://excerpts.cdn.overdrive.com/FormatType-425/1493-1/5275223-TheTyrannyOfMerit.mp3>
- Goodhart D. *Head hand heart : the struggle for dignity and status in the 21st century*. — London : Penguin Books, 2020. — URL: <https://www.overdrive.com/search?q=BBDEC76F-5585-4AD1-AF4E-64EBCF6F7B2D>
- Sharma R. *The rise and fall of nations : forces of change in the post-crisis world*. — New York ; London : W.W. Norton & Company, 2016. — XII-466 p.
- Milbank J., Pabst A. *The Politics of Virtue: Post-liberalism and the Human Future* / J. Milbank, A. Pabst. — London ; New York : Rowman & Littlefield, 2016. — X, 407 p.
- Marx K., Engels F. *Manifesto of the Communist Party* / K. Marx, F. Engels. — 1848. — URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1848/communist-manifesto/>

References:

- Camus, A. and Buss, R. (2001) *The plague*. London, Eng.: Penguin Books.
- Cruddas, J. (2021) *The dignity of labour*. Medford: Polity Press.
- Sandel, M. J. (2020) 'The tyranny of merit : what's become of the common good?' New York: Farrar, Straus and Giroux. Available at: <https://excerpts.cdn.overdrive.com/FormatType-425/1493-1/5275223-TheTyrannyOfMerit.mp3>
- Goodhart, D. (2020) 'Head hand heart : the struggle for dignity and status in the 21st century'. London: Penguin Books. Available at: <https://www.overdrive.com/search?q=BBDEC76F-5585-4AD1-AF4E-64EBCF6F-7B2D>
- Sharma, R. (2016) *The rise and fall of nations : forces of change in the post-crisis world*. New York; London: W.W. Norton & Company.
- Milbank, J. and Pabst, A. (2016) *The Politics of Virtue: Post-liberalism and the Human Future*. London, New York: Rowman & Littlefield.
- Marx, K. and Engels, F. (1848) *Manifesto of the Communist Party*. Available at: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1848/communist-manifesto/>

Information about the authors

Adrian Pabst — Professor of Politics, School of Politics and International Relations at the University of Kent, Canterbury, Kent, CT2 7NZ (UK).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Информация об авторах

Адриан Пабст — профессор политологии Школы политики и международных отношений Кентского университета, Кентербери, Кент, CT2 7NZ (Великобритания).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 12.02.2021; approved after reviewing 23.05.2021; accepted for publication 26.05.2021.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021; одобрена после рецензирования 23.05.2021; принята к публикации 26.05.2021.



ЭЛЕМЕНТЫ АНТИМИРА В ИГРОВОЙ ВСЕЛЕННОЙ «ВЕДЬМАК»

Владимир Михайлович Овчинников¹

Пауль Йозеф Паулюс²

¹ Смоленский областной институт развития образования, Смоленск, Россия

Benkey1985@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-0008-100X>

² Независимый исследователь, Москва, Россия

89096265833@mail.ru



Аннотация. Актуальность изучения философских аспектов создания «новой игровой вселенной» в рамках ролевой компьютерной игры (англ. role-playing game=RPG) определяется популярностью данного вида виртуальных развлечений. В статье представлен анализ ключевого для RPG концепта «антимир» на примере RPG-проекта «Ведьмак» (его основу составляют романы польского писателя А. Сапковского). Данный кейс позволяет проследить закономерности формирования пространства «игровой

вселенной» как момент становления нового культурного ландшафта виртуальных развлечений. RPG в этом случае можно рассматривать в качестве социокультурной практики глобального информационного общества и/или одного из вариантов «общества спектакля». Методологической основой исследования является компаративный анализ, подразумевающий выявление заимствований в процессе развития культуры виртуальных развлечений. Это требует изучения базовых культурных кодов и архетипических конструкций, характерных для RPG. В результате выявлена специфика новой формы образности, свойственной игровой вселенной «Ведьмака». Созданный здесь культурный ландшафт включает элементы средневековой смеховой культуры, интегрированные в оригинальную систему динамично развивающихся образов и смыслов, функционирующих по аналогии с «устоявшейся» культурно-символической реальностью. Действие эффекта «двойной символической аналогии» обусловлено творческим характером игры, участники которой являются одновременно её создателями. Внедрение игровых образов в язык и мышление игроков обуславливает появление новых форм диалектов, фиксирующих особенности восприятия группой (социолект) и индивидом (идиолект) как «первичной», так и «вторичной» реальности. Эти диалекты географически локализованны и вместе с тем мультикультурны. В статье обоснован вывод, что инструментализация «общества спектакля» происходит за счёт активного использования гротескного символизма, который в силу своей архетипической природы обеспечивает формирование новой социальной мифологии, «открывающей» Восточную Европу миру. Таким образом «антимир» новой вселенной превращается в неотъемлемую часть современного информационного пространства.

© Овчинников В.М., Паулюс П.Й., 2021

Ключевые слова: игровые вселенные, «Ведьмак», антимир, общество спектакля, инструментализация, архитипические конструкции, новая мифология

Для цитирования: Овчинников В.М. Элементы антимира в игровой вселенной «Ведьмак» / В.М. Овчинников, П.И. Паулюс // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 52–62. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-52-62>

Research article

ELEMENTS OF ANTI-WORLD IN THE GAME UNIVERSE *THE WITCHER*

Vladimir M. Ovchinnikov¹
Paul J. Paulus²

¹ Smolensk Regional Institute Development Education, Smolensk, Russia
Benkey1985@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-0008-100X>

² Independent researcher, Moscow, Russia
89096265833@mail.ru

Abstract. The significance of the study of philosophic aspects of building a new game universe in an RPG, abbreviation for a role-playing game, stems from the popularity of this type of virtual reality entertainment. The paper gives an analysis of the *anti-world*, a key concept of role-playing gaming, basing on the RPG project *The Witcher* (*Ved'mak*). The game is founded on the original series of works under the same title created by Polish fantasy writer Andrzej Sapkowski. The case under consideration serves as a good example for looking into the patterns of forming the space of the game universe that can be equally regarded as a moment when a cultural landscape of virtual entertainment is formed. In this case, RPG can be considered as a socio-cultural practice of the global information society and/or one of the variants of the *performance society*. The methodological basis of the study is comparative analysis, which implies the identification of borrowings in the process of developing a culture of virtual entertainment and requires learning about basic cultural codes and archetypal designs that are specific to RPG. As a result of the research, the specificity of the new imagery form inherent in the game universe of *The Witcher* was revealed. The cultural landscape created in the game includes elements of the medieval *laughter culture* integrated into the unique system of dynamic images and meanings, constantly evolving and functioning in a way analogous with the established cultural and symbolic reality. The effect of the *double symbolic analogy* is determined by the creative nature of the game, in which players in addition to participating in the gaming process also contribute to the creation of the game. The introduction of game images into the language and thinking of the players causes the emergence of new forms of dialects, fixing the peculiarities of perception by the group (*sociolect*) and the individual (*idiolect*) of both *primary* and *secondary* reality. These dialects are geographically localized and at the same time multicultural. The article substantiates the conclusion that the instrumentalization of the *performance society* occurs due to the active use of grotesque symbolism, which, due to its archetypal nature, ensures the formation of a new social mythology that enables the *discovery* of Eastern Europe by the rest of the world. Thus, the anti-world of the new universe turns into an integral part of the modern information space.

Keywords: game universes, The Witcher, anti-world, performance society, instrumentalization, archetypal constructions, new mythology

For citation: Ovchinnikov, V. M., Paulus, P. J. (2021) 'Elements of anti-world in the game universe *The Witcher*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 52–62. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-52-62>

В условиях «смены универсального носителя информации» одним из наиболее заметных проявлений принципа карнавализации сознания становятся культурные практики, организованные по типу «общества спектакля». Среди них выделяются виртуальные развлечения, опирающиеся на идеи альтернативной истории и концепт «антимира». Это явление в полной мере соответствует тезису М.М. Бахтина, согласно которому «наиболее напряжённая и продуктивная жизнь культуры проходит на границах отдельных областей её, а не там и не тогда, когда эти области замыкаются в своей специфике» [Бахтин, 1979: 329–330]. Интерес к категории «антимир» в контексте изучения литературных произведений и религиозных феноменов проявляют сегодня многие российские учёные [Литвинцева, 2014; Жукова, 2009; Жиндеева, Четвергова, 2012; Лушникова, Чемезова, 2016; Козлов, 2018], вслед за французскими философами-постмодернистами представляя антимир в качестве «области, оппозиционной миру порядка и иерархически фиксированных связей», миру «освоенному, как «перевёрнутость» в отношении устойчивых семиотических и поведенческих норм» [Юрков, 2001].

Разграничение бытия по линии, противопоставляющей мир «нормы» и антимир, требует признания «прав» иррационального начала, не поддающегося расшифровке посредством традиционных объяснительных процедур. Концепт «антимира» находит отражение в целом комплексе эффектов, объединяемых за счёт своей обращённости к иррациональному началу, — карнавализации, концентрации на маргинальной составляющей социального бытия, постоянном взаимодействии с потусторонним и т.д. Признаваемые и призываемые иррациональные силы, властвуя над индивидом и социумом, отсылают человека в сферу неосвоенного («чужого»), в пределе абсурдного (то есть лишённого смысла) и даже и противоречащего реальности.

В свою очередь, мировоззренческий ракурс концепта «игры» привлекает внимание современных авторов прежде все-

го в контексте идеи Й. Хейзинги о культурообразующей роли игры. Выделение игрового модуса общественного и индивидуального самоопределения в рамках постмодернизма трактует игру (и соотносимое с ней понятие игрового пространства) как многомерное явление, значение которого возрастет по мере увеличения разрыва между образностью искусства и смысловыми коннотациями, вписывающими эти образы в целостную систему культурных символов. Уместная в игре равнозначность реального и виртуального также задаёт вектор философских интерпретаций социокультурных практик, связанных с игровой деятельностью.

Особое место среди таких интерпретаций занимает теория «языковых игр» Л. Витгенштейна, в которой формулируется положение о существовании бесконечного числа (или же стремящихся к бесконечному числу) форм языковых игр как «форм существования» [Витгенштейн, 1994: 90]. На этот «плюрализм» обращают внимание современные исследователи философского творчества Л. Витгенштейна, подчёркивая, что такая множественность связана с неопределённостью («невозможность дать точное определение значению того или иного предложения» даже в рамках метаязыковой системы) [Котелевский, 2014: 36]. Новая теория значения, созданная Л. Витгенштейном, определила таким образом новые возможности интерпретаций; а замена требования семиотически корректной однозначности на уважение к множественности возможных значений развернула интерес философии в сторону мифа.

Компьютерная индустрия, представляя игровое повествование в качестве особой формы текста, также возвращает мифу его социокультурную значимость. Онтологизируя иллюзию становления «нового мира» как «новой реальности», миф позволяет участнику игры почувствовать себя «частицей бытия Демиурга». Игра позволяет индивиду идентифицировать себя в качестве участника глобального процесса, «марионетки», впитавшей в себя мистическую образность первобытных верований. Становление новой «социальной мифоло-

гии»¹, включающей в себя элементы мифологизации мышления, по мысли Й. Хейзинги составляет особенность «человека играющего» [Хейзинга, 2011], постулируя желание и потребность грезить.

В современных реалиях культуры соответствующее явление реализуется в том числе посредством инструментализации или же прямого заимствования базовых компонентов «карнавальной» и «смеховой» культуры. При этом глобализация игрового пространства заставляет пересмотреть отношение к теории «плавленного котла», утратившей свою популярность в последние десятилетия [Чертина, 2000].

Виртуальные развлечения вообще и компьютерные игры в частности получили в наши дни широкий инструментарий визуализации, ранее им недоступный. Репрезентацию «представленного» можно обнаружить в целом ряде современных игровых проектов, предстающих в качестве новаций культурной сферы [Fine, 1983; Jahn-Sudmann, Stockmann, 2008; Fromme, Unger, 2008]. Особое место среди таких проектов по нашему мнению занимает «игровая вселенная», основанная на романах А. Сапковского «Ведьмак». Её популярность связана на наш взгляд в первую очередь с исключительной для разработчиков игровых проектов скрупулёзностью проработки игрового пространства, что в полной мере соответствует вводимому Ж. Бодрийяром концепту гиперреальности [Бодрийяр, 2000: 243]. Как справедливо отмечает Г.Ю. Литвинцева, создатель теории «общества спектакля» Ги Дебор «предвосхитил» [Литвинцева, 2011: 44] теорию симуляции Ж. Бодрийяра, указав, что спектакль — «краеугольный камень нереальности реального мира» [Дебор, 2000: 25].

Описываемый нами процесс воплощения «новой социальной мифологии» в продукции игровой индустрии уместно рассмотреть как часть широкого спектра

изменений социокультурной сферы, объединённых трендом *рационализированной мифологизации культуры*. Данный тренд прослеживается в использовании стратегии воплощения антимира и инструментализации составных элементов карнавальной культуры. Здесь нельзя не вспомнить тезис уже упомянутого М.М. Бахтина об исключительной яркости протекания процесса жизни культуры в рамках изломов, изменений на границах эпох, обеспечивающих трансформацию психологических основ культуры и её материальной составляющей [Бахтин, 1979].

Современные «изломы» влекут за собой оформление нового культурного ландшафта, в рамках которого миф очередной раз становится неотъемлемой стороной социальной организации. Он превращается в новую систему связей и отношений, стимулирует развитие разнообразных средств визуализации информации в рамках «экранной культуры». Комплекс виртуальных визуализированных развлечений, эксплуатирующих систему устойчивых стереотипов массового сознания, стремится к статусу культурной универсалии своей эпохи. Вместе с тем, эти стереотипы сложным образом связаны с системой архетипических символов, функционирующих в том числе как форма упорядочивания иррационального. Оказавшись включёнными в процесс коммерциализации карнавального инстинкта, эти стереотипы порождают феномен «общества спектакля», концептуальное рассмотрение которого связано с теориями «общества потребления» и «всемирной глобальной деревни» [Бодрийяр, 2006; Мак-Люэн, 2003].

На рубеже XX–XXI вв. комплекс визуальных искусств становится своеобразным отражением мифотворчества эпохи информационной революции, подобно тому, как монументальная пропаганда была в своё время своеобразным манифестом «римского мифа»². Элементы народной религии

¹ Иванов А.Г. Социальная мифология и её роль в развитии общества. Дис. на соиск. уч. ст. доктора филос.наук. 09.00.11 — социальная философия. — Липецк, 2017. — 334 с.

² Колобов А. В. Этапы развития «римского мифа» // История Древнего Рима. — 2000. — URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1280142572> (Дата обращения: 02.05.2019).

(«язычество»), связанные с фатализмом (и его христианизированной формой — провиденциализмом) оказываются строительным материалом «нового культурного пространства», фундированного «информационным мифом». В свою очередь, в основе этого «информационного мифа» лежит мультикультурализм, имеющий ярко выраженные философские коннотации. Мифологическая альтернатива мифологизированной христианской цивилизации, стоявшей на идеях превращения жизненного мира в ойкумену, обретает в рамках игровой индустрии самостоятельные пространственно-временные характеристики. Новое виртуальное пространство игры воплощает код карнавальной культуры. Эффект погружения в эту *дивную новую реальность* достигается за счёт действия механизмов, моделирующих «культурный ландшафт». Примерами соответствующих механизмов в рамках игровой вселенной являются: динамическая смена дня и ночи, возможность ознакомления с особенностями окружающего игрока пространства, внесение разнообразия в коммуникацию за счёт использования просторечий, жаргонизмов и обценной лексики и т.д. Мир игры стремится шокировать игрока, заставляя тем самым идентифицировать себя преимущественно в качестве героя, обитающего в этой новой реальности. Здесь, наряду с характерными для древнего мира, средневековья и Ренессанса фатализмом и провиденциализмом, присутствует языческая интерпретация свободы воли. Причём последняя находит отражение не только в действиях игрока, но и в реакциях окружающего мира на его действия. Игровые эффекты демонстрируются на экране в качестве карнавального хаотического процесса. Создающая его «живая материя» (интерпретируемая в мистическом духе как триада единства вещества, энергии и информации) раскрывается через эксплуатацию символических конструкций, «привязанных» к культурам различных периодов, эпох и территорий. Стоит обратить внимание, что в рамках многочисленных RPG (в отечественной традиции — «РПГ») проектов в игровой вселенной реализуется эффект «нивелиро-

вания двоичных противоречий», присущий комической образности. Он представляет собой вариант синтеза «идеализма» и комплекса «тёмных образов», формирующих гротескный конструкт, характерный для городской культуры эпохи «коммунальной революции». В скобках заметим: к «тёмным образам» относятся многочисленные «прорывы» бессознательного, представляющие на экране в символическом виде. Такие образы не являются особенностью какой-либо серии игр; они входят в число базовых элементов семантики визуального в индустрии компьютерных развлечений. Это касается, в частности, ролевых игр.

Образ героя в пределах игровой вселенной предстаёт в качестве эмоционального и интеллектуального пространства отдельно взятого персонажа, который воплощает феномен «карнавального человека» — личности, находящейся в непрерывном становлении. Персонаж по своей сути — антагонист, чья задача состоит в «правильном» синтезе профанной и сакральной реальности, то есть соединении элементов «новой» социокультурной реальности и комплекса своих собственных архетипических представлений.

Соответственно «мир сакрального», равно как и «мир балагана», требуют принятия определённой бытийной данности. «Классические» формы веры и познания отодвигаются на второй план; главным становится погружение в новую реальность. Её «личный синтез» как особая форма осознания игровых эффектов становится одним из базовых принципов взаимодействия игровой вселенной и индивида.

Важно иметь в виду, что игровая реальность, как и карнавальная культура эпохи Средневековья [Бахтин, 1990; Рюмина, 2008; Аверинцев, 1992: 8; Карасёв, 1996: 17–23], обеспечивает доступ человека к разного рода запретам и табу, блокируемым официальной культурой (в основе которой продолжает доминировать культ стыда), и их беспрепятственному использованию. В этом контексте игровой проект представляет собой хронотоп, наглядно демонстрирующий феномен «псевдоци-

кличности времени»³. Тем самым формируется «смеховой парадокс»: человека как частицу «общества спектакля» в рамках игровой вселенной окружает хаотично существующее пространство «тотальной карнавализации», своего рода «непрерывный и зловещий карнавал», дополняя тем самым его собственное восприятие реальности обилием виртуальных элементов (в том числе, элементов антимира). Иными словами, первичная реальность синтезируется с вторичной.

В развитии игровой вселенной «Ведьмака» можно обнаружить значительное количество примеров использования элементов антимира как концентрированного выражения смеховой и карнавальной культуры, вплетенных в текст повествования⁴, что обеспечивает отсылку к широкому спектру архетипических символизаций. Главный герой этого повествования, Геральт из Ривии, именуемый ведьмаком, — своего рода «гомункул», который во многом воплощает постулаты трансгуманизма. При этом авторами игрового проекта используются принципы ренессансного антропоцентризма, основанные на выделении исключительной роли каждого из персонажей повествования: каждый из них являет феномен микрокосма, комплексно обеспечивающий становление устойчивого культурного ландшафта.

Особое значение имеет также принцип активного окружения, применяемый в игровой индустрии на протяжении уже более чем пятнадцати лет. Своеобразными пионерами этого направления были Piranha bytes с их знаменитой серией «Готика». Нельзя не признать, что механики, используемые авторами рассматриваемого нами игрового продукта, были несколько усовершенствованы. Это проявляется в первую очередь в стремлении создать «максимально живые формы коммуникации», формирующие особый «дух эпохи».

Благодаря этому духу существуют и взаимодействуют многочисленные персонажи, обладающие противоречивыми характеристиками. Они попадают в комические и трагические ситуации, которые оттеняют размеренное течение жизни в пространстве, где находится протагонист. Который — как марионетка — «обретает жизнь» путём погружения сознания в иллюзию присутствия.

Концентрируя внимание на приёмах выразительности, направленных на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик, мы можем видеть, что в рамках игрового проекта «Ведьмак» она проявляется (в том числе) в использовании (причем весьма активном) обценной лексики⁵. Вероятно, по мнению авторов проекта именно эта лексика создаёт «эффект живого мира». Её применение в данном случае может рассматриваться как одна из творческих находок компании CD Project Red, которая смогла более или менее чётко обозначить ментальные и социальные особенности различных индивидуумов, придав им личностные характеристики за счёт конкретизации их принадлежности к различным социальным и профессиональным группам.

Наряду с непрерывным исследованием игроками «нового мира» (здесь создателями воплощён концепт «путешествия»), в повествование вплетаются любовные истории, имеющие ярко выраженные философские коннотации. Особо выделяется любовный треугольник Трисс — Геральд — Йенифер). Эти истории затрагивают актуальные вопросы межрасового и межполового взаимодействия, урбанизма и глобализма; заставляют задуматься над глобальными вопросами бытия современной информационной цивилизации. Дополнения к игре, выпущенные за последнее время (если считать только официальные версии, на данный момент таких дополнений два: «Кровь и вино» и «Камен-

³ Псевдоцикличность времени игровой вселенной находит отражение в имитации линейного развития социума в рамках исторического процесса, воспроизводя в игровой реальности природные, трудовые и повседневные циклы жизнедеятельности и тем самым «мягко» интегрируя игрока в новое для него пространство.

⁴ В данном случае мы трактуем игровое повествование в духе семиотики — как форму текста.

⁵ Будь то речь Золтана Хивая, главного героя — ведьмака Геральта, кровавого Барона или же реплики многочисленных персонажей окружения

ные сердца»), углубляют идею репрезентации в игровой вселенной «Ведьмака» разного рода архетипических символов, демонстрирующих антиномию противостояния света и тьмы.

Нельзя не заметить, что в проекте реализован принцип «демонстративного потребления» [Веблен, 1984] как занятия «праздного класса». Это выражается как в прямом участии игроков в театральных постановках и азартных играх, так и в целом комплексе мелких и незаметных действий, формирующих единое пространство «иллюзорного бытия», обеспечивающее полное погружение в созданную разработчиками вселенную.

Кроме того, игроку выделяется определённое поле для творческой интерпретации общего игрового пространства, перерабатывающего многочисленные элементы «культурного ландшафта». Здесь нет директив, но есть исходные рамки развития персонажей, что позволяет каждому игроку (и самостоятельно, и в коллаборации) выстраивать разнообразные логические цепочки, структурирующие событийный ряд и влияющие на векторы развития генерализованного сюжета игры. Если наложить эти «неопределённые» сюжетные линии на систему объективированных социокультурных взаимодействий, можно обнаружить существование во «вселенной Ведьмака» несколько упрощённого аналога мультикультурного общества. Закреплённые в сюжете и активно генерируемые «проходные» образы активно синтезируются в контексте, заданном сюжетом А. Сапковского. Их общей рамкой остаётся проект «антимира», который воплощает «сферу непредсказуемого», являясь, если воспользоваться выражением Ю. Лотмана, «смысловым динамическим резервуаром в любых процессах развития» [Лотман, 2000: 75], который хранит и трансформирует воображаемое пространство этой вселенной.

Хаотичность происходящего заостряет внимание не только на её внутренней, но и на внешней альтернативности, сопряжённой с гротескной образностью. В полной мере этот эффект «растворения» иррациональных элементов внутри определённого культурного символа демонстрирует

богатейший бестиарий, репрезентующий сосуществование диссипативных и нестационарных структур, маркирующих фазы развития культуры: «Гротескный образ характеризует явление в состоянии его изменения, незавершённой ещё метаморфозы, в стадии смерти, рождения и роста, становления, ещё одна его черта — амбивалентность: в ней в той или иной форме даны оба полюса изменения» [Бахтин, 1990: 35].

В действиях многочисленных персонажей игры наряду с «нормативной составляющей» проявляются элементы *антиповедения* как основы антимира. Мы полагаем, что в рассматриваемом игровом проекте представленный концепт фигурирует в целом ряде интерпретаций:

- как мир нелепостей, теневой мир в комическом и пародийном виде, квинтэссенцией чего является образ шпиона (Талера или же Бернарда Дуката), позиционируемого в качестве философа и шута, познающего бытие через его парадоксы (аллегория пещеры, где происходит борьба с идолом через его абсолютизацию: шпион обучает пещерных троллей — воплощение антимира — языку того же антимира, обшечной лексике);

- как форма пограничного состояния, затрагивающая глобальную проблему сосуществования добра и зла (антиномия порядка и хаоса, представленная в мотиве противостояния смертного языческому символу «Дикой Охоты» [Ebbe, 2008; Schmitt, 1999; Grimm, 1882; Grimm, 1883], где главный герой и его соратники предстают в качестве микрокосмов. Они воплощают в себе образ культуры, определяющей одновременно механизмы организации и дезорганизации социума).

Композиционно антиповедение, наблюдаемое в игровой вселенной как один из ключевых элементов, связано с антагонизмом Космоса и Хаоса. В описаниях А. Сапковского эта линия воплощена в образе «вечно ищущий и обретающий себя» принцессы Цириллы, символизирующей приход Мессии и начало Апокалипсиса. В образе Цириллы преобладает хаотическое начало — темнота, ужас, враждебность. При этом хаос предстаёт в пространстве игровой вселенной как в виде «проформы

мира», его добытийного состояния; так и в качестве особого состояния бытия культуры. Антиповедение предстаёт в проекте в особой стилистике, сфере развлечений, проецируемых на самого игрока.

Подведём итог. В рассмотренном нами игровом проекте применяется комплексная интерпретация феномена антимира, сочетающая в себе описанные выше характеристики. Демонстрация хаотизации социальных явлений, общая карнавализация сознания на фоне становления «новой мифологии» во многом определяют этот процесс, что ведёт к соединению высоких философских сентенций и бытовых подробностей, актуализации теневой стороны возвышенных идей и акцентированию антиномии осуждения/восхваления потребления.

На основании комплексного анализа философских аспектов создания RPG и на примере кейса игровой вселенной «Ведьмака» как версии антимира можно сделать следующие выводы:

1. Одной из особенностей развития современной игровой индустрии является активная эксплуатация концепта «антимира», что наиболее ярко проявляется в развитии жанра «РПГ», эталонным образцом которого является игровая вселенная «Ведьмака».

2. Элементами антимира выступают сознательное применение хаотизации, реализуемой через «тёмные образы» (включая бестиарий), неопределённость интерпретации и «антиповедение».

3. Конструируемые сегменты игры активно используют элементы карнавальной культуры и разнообразные архетипические символы, которые служат для усиления эффекта «погружения в игровую вселенную».

4. Описываемый феномен является отражением характерного для массовой культуры процесса «карнализации сознания», создающего как новую «сакральность», так и новый «смех», что определя-

ет новейшую трансформацию «общества спектакля».

5. Игровая индустрия включает в себя элементы морализаторства, не мешающего при этом «переживанию иллюзорного», уводя от эффекта «иллюзорного переживания реальности».

6. Формирование реальности через имитацию социальных трансформаций «всеобъемлющего» исторического процесса, предлагаемое игровой индустрией, воздействует на чувство самости индивида в условиях потери значимости индивидуальности в современной культуре. Игровые проекты, как столетия назад литературное и философское творчество, публицистика, приобщают обывателя к творческим формам самовыражения. Тем самым продукция игровой индустрии, выступает в качестве особой формы текста. Она даёт человеческому сознанию возможность выйти за пределы сугубой развлекательности массовой культуры в сферу конструирования новой «социальной мифологии».

7. Игровые вселенные демонстрируют ставшую общепринятой практику применения новых визуализированных способов кодирования информации, превращая виртуальную реальность в универсальный носитель информации, интегрирующий новые виртуальные ландшафты как «настоящие» обжитые пространства коммуникации.

8. Популярность «Ведьмака» основана на авторской интерпретации архетипических образов антимира через раскрытие элементов народной религии, классической и неклассической философии. Игра сочетает творческую работу автора художественных текстов серии, А. Сапковского; создателей компьютерной игры и каждого из игроков. Её распространение за пределы Польши позволяет поставить вопрос о дальнейшем изучении «РПГ» как одного из востребованных сегментов информационного пространства, открывающего Восточную Европу миру.

Список литературы:

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.
- Литвинцева Г.Ю. Смеховая культура Средневековья и антимир российского постмодернизма // Обсерватория культуры. — 2014. — № 4. — С. 42-49. — DOI: 10.25281/2072-3156-2014-0-4-42-49.
- Жукова Е.А. Антимир как способ воплощения смехового начала в рассказе Е.И. Замятина «О том, как исцелен был инок Еразм» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — № 7(75). — С. 323–328.
- Жиндеева Е.А. Художественное воплощение хронотопа «двоемирие» в рассказах Ю.В. Мамлеева / Е. А. Жиндеева, С. С. Четвергова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2012. — Т. 14. — № 2–6. — С. 1513–1517.
- Лушникова Г.И. Поэтика антимира в прозе Ч. Паланика / Г. И. Лушникова, Е. Р. Чемезова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405. — С. 30–37. — DOI: 10.17223/15617793/405/4.
- Козлов М.Н. Антимир в языческом представлении восточных славян // Причерноморье. История, политика, культура. — 2018. — № 26. — С. 118-126. — DOI 10.5281/zenodo.1433517.
- Юрков С.Е. Постмодернизм: приближение к антимиру // Серия "Symposium", Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Выпуск 16 / Материалы научной конференции 10 октября 2001 г. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 85–88.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. — Москва : Гнозис, 1994. — 612 с.
- Котелевский Д.В. Понятие «языковой игры» в философии Л. Витгенштейна / Д. В. Котелевский // Эпистемы : Сборник научных статей. — Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2014. — С. 35–42.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — Москва : Добросвет, 2000. — 387 с.
- Литвинцева Г.Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 2(7). — С. 43–54.
- Дебор Г. Общество спектакля. — Москва : Логос, 2000. — 184 с.
- Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 409 с.
- Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2000. — 164 с.
- Fine G.A. Shared fantasy : role-played games as social worlds. Chicago; London: University of Chicago Press, 1983. — XIV, 283 p.
- Jahn-Sudmann A. Computer games as a sociocultural phenomenon : games without frontiers, war without tears / A. Jahn-Sudmann, R. Stockmann. — Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2008. — XIX, 229 p.
- Fromme J. Computer Games and New Media Cultures : A Handbook of Digital Games Studies / J. Fromme, A. Unger. — New York : Springer, 2012. — VIII, 710 p.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления : его мифы и структуры. — Москва : Культурная революция; Республика, 2006. — 269 с.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. — Москва : Акад. Проект : Фонд «Мир», 2005. — 495 с.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.
- Рюмина М. О мирозерцательных смыслах карнавальной культуры // Человек смеющийся: Сборник научных статей. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — 78–106.
- Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. — Москва : Наука, 1992. — С. 7-19.
- Карасев Л.В. Философия смеха. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1996. — 221 с.
- Веблен Т.Б. Теория праздного класса — Москва : Прогресс, 1984. — 367 с.

- Лотман Ю.М. Семиосфера. — Санкт-Петербург: «Искусство—СПб», 2000. — 704 с.
- Ebbe S. Asa-Tors hammare : gudar och jättar i tro tradition. — Stockholm : Hjalmarson & Högberg, 2008. — 265 p.
- Schmitt J.-C. Ghosts in the Middle Ages : the living and the dead in medieval society. — Chicago ; Chichester : University of Chicago Press ; Wiley, 1999. — XIV, 290 p.
- Grimm J. Teutonic mythology : in 4 vol. Vol. 1. — London : Bell, 1882. — 437 p.
- Grimm J. Teutonic mythology : in 4 vol. Vol. 3. — London : Bell, 1883. — 456 p.

References:

- Bakhtin, M. M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Art]*. Moscow: Iskustvo Publ. (In Russian).
- Litvintseva, G. Y. (2014) 'Medieval Laughter Culture and the AntiWorld of Russian Postmodernism', *Observatory of Culture*, (4), pp. 42–49. doi: 10.25281/2072-3156-2014-0-4-42-49. (In Russian).
- Zhukova, E. A. (2009) 'Antiworld as the Way of Embodiment of the Humorous Beginning in E.I. Zamjatin's Story *How Enoch Erazm Has Been Cured*', *Tambov University Review. Series: Humanities*, (7), pp. 323–328. (In Russian).
- Zhindeeva, E. A. and Četvergova, S. S. (2012) 'The Artistic Embodiment of Chronotope "Binary World" in the Stories Y.V.Mamleev', *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 14(2–6), pp. 1513–1517. (In Russian).
- Lushnikova, G. I. and Chemezova, E. R. (2016) 'Poetics of the anti-world in prose by Ch. Palahniuk', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (405), pp. 30–37. doi: 10.17223/15617793/405/4. (In Russian).
- Kozlov, M. N. (2018) 'Antiworld in the Pagan Representation of the Eastern Slavs', *Pričernomor'e*, (26), pp. 118–126. doi: 10.5281/zenodo.1433517. (In Russian).
- Wittgenstein, L. (1953) *Philosophische Untersuchungen*. Oxford: Basil Blackwell. (Russ. ed.: (1994) *Filosofskie raboty. Chast' I*. Moscow: Gnozis Publ.).
- Baudrillard, J. (1976) *L'échange symbolique et la mort*. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: (2000) *Simvolicheskiĭ obmen i smert'*. Moscow: Dobrosvet).
- Lytvintseva, G. Y. (2011) 'Hyperreality in the Postmodern Epoch', *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, (2), pp. 43–54. (In Russian).
- Debord, G. (1969) *La Société du Spectacle*. Paris: Gallimard (Russ.ed.: (2000) *Obshchestvo spektaklia*. Moscow: Logos).
- Huizinga, J. (1938) *Homo ludens*. Haarlem: Tjeenk Willink. (Russ.ed.: (2011) *Homo ludens. Chelovek igrayushchij*. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha Publ.).
- Chertina, Z. S. (2000) *Plavil'nyĭ kotel? Paradigmy etnicheskogo razvitiia SShA [Melting Pot? Paradigms of US ethnic development]*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ. (In Russian).
- Fine, G. A. (1983) *Shared fantasy : role-played games as social worlds*. Chicago; London: University of Chicago Press. (In Russian).
- Jahn-Sudmann, A. and Stockmann, R. (2008) *Computer games as a sociocultural phenomenon : games without frontiers, war without tears*. Basingstoke [England]; New York: Palgrave Macmillan.
- Fromme, J. and Unger, A. (2012) *Computer Games and New Media Cultures : A Handbook of Digital Games Studies*. New York: Springer
- Baudrillard, J. (1970) *La société de consommation : ses mythes, ses structures*. Paris: Folio. (Russ.ed.: (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika.)
- McLuhan, M. (1962) *The Gutenberg galaxy : the making of typographic man*. Toronto: University of Toronto Press. (Russ.ed.: (2005) *Galaktika Gutenberga stanovlenie cheloveka pechataiushchego*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.)

- Bakhtin, M. M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]*. Moscow: Khudozhestvennaia lit-ra Publ. (In Russian).
- Ryumina, M. (2008) 'O mirosozercatel'nyh smyslah karnaval'noj kul'tury [On the world-contemplative meanings of carnival culture]', in *Chelovek smeyushchisya [Laughing man]*. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora Publ., pp. 78–106. (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1992) 'Bahtin, smekh, hristianskaya kul'tura [Bakhtin, laughter, Christian culture]', in *M. M. Bahtin kak filosof [M. M. Bakhtin as a philosopher]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 7–19. (In Russian).
- Karasev, L. V (1996) *Filosofija smecha [The philosophy of laughter]*. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ. (In Russian).
- Veblen, T. (1899) 'The Theory of the Leisure Class.' Auckland: Floating Press. (Russ.ed.: (1984) *Teoriya prazdnogo klassa*. Moscow: Progress Publ.)
- Lotman, J. M. (2000) *Semiosfera [On the semiosphere]*. Saint Petersburg: Iskusstvo Publ. (In Russian).
- Ebbe, S. (2008) *Asa-Tors hammare : gudar och jättar i tro tradition*. Stockholm: Hjalmarson & Högberg.
- Schmitt, J.-C. (1999) *Ghosts in the Middle Ages : the living and the dead in medieval society*. Chicago, Ill.; Chichester: University of Chicago Press ; Wiley.
- Grimm, J. (1882) *Teutonic mythology : in 4 vol. Vol. 1*. London: Bell.
- Grimm, J. (1883) *Teutonic mythology : in 4 vol. Vol. 3*. London: Bell.

Информация об авторах

Владимир Михайлович Овчинников — к.и.н., доцент кафедры методики преподавания предметов основного и среднего образования ГАУ ДПО СОИРО, Россия, 214000, Смоленск, ул. Октябрьской Революции, 20А. Научная специализация: особенности и механизмы развития феномена игровых вселенных, военная и политическая история Франции эпохи раннего нового времени (Россия).

Пауль Йозеф Паулюс — независимый исследователь. Научная специализация: культурология, киноведение (Россия).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Vladimir M. Ovchinnikov — PhD in History, Associate Professor of the Department of Methods of teaching subjects of basic and secondary education, SOIRO, 20A, ul. Oktyabrskoy Revolutsii, Smolensk, Russia, 214000 (Russia).

Paul J. Paulus — independent researcher. Areas of scientific interests: cultural studies and film studies (Russia).

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 07.11.2020; одобрена после рецензирования 25.03.2021; принята к публикации 02.06.2021.

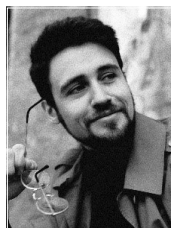
The article was submitted 07.11.2020; approved after reviewing 25.03.2021; accepted for publication 02.06.2021.



ОБРАЗ СОВРЕЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Владимир Дмитриевич Коваленко

СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
vl.workvl@yandex.ru



Аннотация. Цель данной работы — анализ процесса медиатизации религии и современного образа православного фундаменталистского дискурса, явления, находящегося на стыке политической идеологии и религиозной системы. Православный фундаментализм рассматривается как новое явление, возникшее в качестве ответа на массовые изменения модерна XX и XXI вв. Несмотря на то, что технологический прогресс и цифровизация влияют на уже существующую религиозность, интегрируя новые механизмы в функционирование религиозных организаций, общественных движений и идеологий, само понятие «медиатизация» является относительно новым для науки и до сих пор находится в процессе осмысления. Религиозные институты в России продолжают свое становление в качестве полноценных общественных институтов после продолжительного периода государственного атеизма в СССР. В работе указывается на форматы и формы взаимодействия в медиа как официальных религиозных институтов и организаций, так и неофициальных и маргинальных объединений. Выделен специфический характер новых религиозных медиа и религии в медиаполе. Основой эмпирической части исследования выступает качественный и количественный контент-анализы четырех православных медиа, направленный на классификацию и кластеризацию основных видов контента и тематических блоков, публикуемых в анализируемых медиа. Дискурс выбранных четырех медиа обладает частичными фундаменталистскими тенденциями, что позволяет анализировать и сравнивать их между собой. Основными переменными исследования стали объём аудитории, количество опубликованных записей, отметок «мне нравится», репостов из группы за указанный период, самые популярные записи по просмотрам, самые популярные темы по оценкам, наиболее популярные хештеги. Также в работе описываются и концептуализируются основные понятия, свойственные конфликту в медиа по поводу взаимоотношения религиозных и светских ценностей. Обоснован вывод о том, что для православных фундаменталистских медиа наиболее важной частью является не религиозная, а общественно-политическая деятельность.

Ключевые слова: религия, медиатизация, православный фундаментализм, конфликт, медиа, контент-анализ, религиозный дискурс, религиозные ценности

Для цитирования: Коваленко В.Д. Образ современного православного фундаментализма в социальных медиа // В.Д. Коваленко // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 63–79. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-63-79>

Research article

THE IMAGE OF MODERN ORTHODOX FUNDAMENTALISM IN SOCIAL MEDIA

Vladimir D. Kovalenko

North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy, Saint-Petersburg (Russia)
vl.workvl@yandex.ru

Abstract. The purpose of the research is to analyze the correlation between the process of mediatization of religion and the modern Orthodox fundamentalist discourse, which is a specific phenomenon in-between political ideology and the religious system. In the article, Orthodox fundamentalism is considered as a new phenomenon that emerged as a response to the massive changes in modernity in 20th and 21st centuries. The technological progress and digitalization processes bring new aspects to everyday life and cause change in the existing religiosity. The novelties result in the integration of new mechanisms into the traditional functioning of religious organizations, social movements and ideologies. However, the very concept of *mediatization* is relatively new to science and has not been fully formed yet. At this stage religious institutions in Russia continue their development as full-fledged public institutions after the long period of state atheism in the USSR. The author points out the formats and forms of interaction in the media of official religious institutions and organizations, as well as informal and marginal associations. Special attention is paid to the unique nature of the new religious media and functioning of religion in the media. The empirical part of this study is based on the qualitative and quantitative content analysis of the four Orthodox media outlets. This analysis is aimed at classifying and clustering the main types of content and thematic blocks in the analyzed media. This approach has a number of advantages, because it allows us to understand the attitude of people to certain topics, images or events. The discourse of the selected four media has partial fundamentalist tendencies. The main variables of the study are such variables as the volume of the audience, the number of published posts, "like" marks, reposts from the group for the specified period, the most popular posts by views, the most popular topics by ratings. The author also describes and conceptualizes the basic concepts inherent in the religious conflict in the media about religious values, their relationship with secular ones. Orthodox religious media in Russia vary in their media outreach and identification of their core audience. It is concluded that for Orthodox fundamentalist media, the most important part is not religious, but socio-political.

Keywords: religion, mediatization, Orthodox fundamentalism, conflict, media, content analysis, religious discourse, religious values

For citation: Kovalenko, V. D. 'The Image of Modern Orthodox Fundamentalism in Social Media', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 63–79. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-63-79>

Введение

В июне 1988 г. в СССР прошли празднования дня 1000-летия крещения Руси. Событие, задумывающееся несколько лет назад исключительно как внутрицерковный праздник, получило широчайшую государственную поддержку и общественную огласку, что ознаменовало резкие изменения и новый этап в государственно-религиозных отношениях и в истории самой РПЦ. За короткий период случился ряд событий, которые ещё несколько лет назад были невообразимы — иерархи получили правительственные награды, со стороны государства был запущен процесс передачи храмов, вырос уровень интереса мировой прессы к православию. Изменения были столь внезапными, что поставили перед Церковью ряд сложнейших вопросов, связанных не только с пересмотром внутреннего устройства; вместе с переосмыслением религиозного учения и путей функционирования в новых условиях, актуализировался процесс возвращения Церкви в публичное пространство, идущий за руку с проблематикой политизации религии.

Уже через пять лет Патриарх Московский и всея Руси Алексей II выступит посредником в конфликте между двумя расколотыми полюсами светской власти — парламентом и президентом, подтверждая новый статус Русской Православной Церкви, однако, процесс стремительной политизации вместе с возвращением в общественное поле закономерно привел к маргинальным отклонениям, вольным интерпретациям, появлению политических движений под видом православных. Появление политических организаций, идентифицирующих себя с православием, стало новой обширной проблематикой, ведь вопрос радикализации, видоизменения и новых интерпретаций социально-политической деятельности православных сообществ серьезно не стоял перед общественной наукой, если не считать историографические феномены некоторых деструктивных, раскольничьих сект. Однако именно в конце XX в. появились такие группы как «Союз православных граждан»,

общество «Радонеж», «Союз православных братств», «Русский вестник», «Русский дом», «Русь православная», «Русская линия» и многие другие.

Возникновение и распространение подобных политико-религиозных групп и связанных с ними учений совпали по времени с информационной трансформацией, изменением медиасферы, активным внедрением мобильных коммуникационных технологий и появлением на постсоветском пространстве сети Интернет. Технологический прогресс привнес новые условия в уже существующую религиозность, интегрируя в функционирование религиозных организаций, общественных движений и идеологем новые механизмы. Подобный феномен получил название «медиатизация религии». Соответствующая ему научная категория до сих пор находится в процессе осмысления и поиска собственной дефиниции [Островская, 2019].

Повторно православный фундаментализм стал актуальным феноменом после 2014 г., продемонстрировав, что православное христианство в России не утратило потенциал к политизации. Тенденция зафиксировалась на фоне общей политизации религий во время локальных конфликтов (например, войны на Украине и в Сирии). Особенно интерес к православному фундаментализму возрос после выступлений и акций, направленных против показа фильма «Матильда», в котором императора Николая II, причисленного к лику святых в Русской Православной Церкви, демонстрировали в оскорбительном для протестующих (по их же мнению) свете. Всплеск псевдорелигиозного акционизма, представители которого ассоциируют себя с традиционным православием и выступают от имени христианских православных сообществ заставили переместить фокус общественных наук на осмысление феномена «религиозного фундаментализма» и возможность исследовать связь данного феномена с православием.

Научная разработанность темы. Понятие «религиозный фундаментализм» возникло в русле американского протестантизма в начале XX в. [Костюк, 2000], именно тогда в ряде консервативных пре-

свитерианских, баптистских и методистских групп сложилось движение в защиту религиозных доктрин протестантизма от исторического критицизма. Общим местом в современной гуманитарной науке является посылка, что православный фундаментализм несёт в себе элементы радикального противостояния остальному миру и претензии на тотальность, на единственно возможное объяснение мира, что является общей чертой фундаментализма как такового. Об этом говорят многие исследователи фундаментализма не только в России, но и в мире. Например, в одном из наиболее значимых проектов по изучению религиозного фундаментализма, осуществлённом в 1990-ых гг. под редакцией М. Марти и Р.С. Эпплби, механизмы функционирования фундаментализма в разных религиях выводились из кризисной ситуации вокруг и внутри религиозной сферы, её правил и идеалов. В то же время противостояние фундаменталистов современному им обществу интерпретировалось многими исследователями не как политика в её светском понимании, а как Вселенское противостояние «света» с «силами зла» [Fundamentalisms and the state..., 1993].

Историк религии К. Армстронг в обширном анализе фундаменталистских явлений в трех авраамических религиях — исламе, иудаизме и христианстве (конкретно — протестантизме) под названием «Битва за Бога: история фундаментализма» развивает комплексный междисциплинарный подход, применяя к исследуемому предмету историко-культурный анализ. В ходе исследования автор приходит к выводу, что фундаменталистские явления присущи многим религиозным течениям и являются формой адаптации к изменяющемуся миру [Армстронг, 2018].

Ряд исследователей связывают православные радикальные интенции с крайне правыми политическими течениями националистического, фашистского или монархического толков. Например, У. Лакёр в своем труде «Черная сотня. Происхождение русского фашизма» отдает православному фактору важную, но второстепенную роль в становлении правых идеологий в России 90-ых гг. [Лакёр, 1994]. В. Шнирель-

ман в труде «Колено Даново. Эсхатология и антисемитизм в современной России» исходит в своем анализе радикализма в православии из апокалиптических мотивов христианства, раскрывая особое радикальное понимание мессианской роли народа [Шнирельман, 2017]. А.М. Верховинский в работе «Политическое православие. Русские православные фундаменталисты и националисты, 1995-2001 гг.» рассматривают данное явление сквозь призму термина «православные националисты», который понимается как условное обозначение определённого круга групп и их идей, которые характеризуются не только сочетанием православия и национализма, но приматом первого перед вторым [Верховинский, 2003].

И. Виноградов определяет православное фундаменталистское течение как «... всего лишь псевдорелигиозная разновидность куда более широкого явления нашего века, обнимающего собой весь круг современных тоталитарных движений вообще. А потому и подлинные его истоки следует искать в куда более универсальных, отнюдь не религиозных энергиях, которые движут теми, кто реально организует и направляет ту или иную фундаменталистскую стихию» [Виноградов, 2011].

Д.А. Головушкин определяет данную категорию как «православный псевдофундаментализм [...] — это специфическая форма общественно-политической активности, основанная на псевдорелигиозном дискурсе идеациональности, эсхатологизма и пуританизма (симулякр фундаментализма)» [Головушкин, 2018: 5]. Данный подход описывает наполнение явления современных радикальных религиозных движений, направленных на переработку религиозного учения и создание новых конструкций.

В целом православный фундаментализм можно определить как радикальную идеологию лишь с элементами православного учения, и как набор социальных практик, с элементами православной атрибутики, направленных на преобразование политической реальности в соответствии с воззрениями разделяющих данную идеологию и практики людей. В случае с прак-

тиками подобных «псевдоправославных» общностей можно наблюдать независимость от церковных канонов или вольное и самостоятельное понимание данных канонов участниками группы.

Современный православный фундаментализм подвергается влиянию современных технологий, которые меняют логику и структуру его функционирования. Процесс изменений религиозных организаций и религиозных учений под влиянием современных медиа называется «медиатизация религии». Этот термин зародился в европейском и североамериканском академическом дискурсе и применялся к постиндустриальным этапам развития обществ, поэтому его использование необходимо уточнять в каждом конкретном случае. Мы не имеем возможности пересказать или проинтерпретировать на данных страницах все возможные подходы и определения, из-за чего придется ограничиться лишь некоторыми.

Наиболее крупным изданием, стремящимся осмыслить природу нового явления, выступает сборник «*Mediatization of Communication*» под редакцией норвежского исследователя К. Лундби. Здесь представлены основные подходы к пониманию феномена медиатизации, однако сборник не представляет собой единого понятийного и концептуального пространства: его авторы лишь предоставляют различные фокусы исследуемого объекта. Редактор в свою очередь характеризует медиатизацию религии как метапроцесс, поднимая вопросы его этического измерения и заостряя внимание на «позитивно-негативных» сторонах связанных с ним изменений в обществе [*Mediatization of communication*, 2014].

Нельзя также не вспомнить подход С. Хьярварда, который акцентирует тезис о значении современных медиа для религиозных институтов: медиа меняют саму логику их функционирования, изменяя

общественные представления о религии и привнося в современные религиозные процессы неисследованные и не до конца определённые элементы [Hjarvard, 2008]. Критик концепции С. Хьярварда, М. Ловхайм, фокусирует внимание на недостатках его теории. Вместе с тем он подчеркивает, что религия и медиа являются социальными феноменами, производными от общественных отношений. Поэтому медиа не могут быть внешней для общества силой, обладающей собственной логикой. С точки зрения М. Ловхайма описываемый Хьярвардом процесс банализации религии является лишь одной из сторон процесса. Другой стороной выступает высокая активность религиозных акторов в сети, которые вырабатывают собственную логику и язык поведения, что говорит о двунаправленности процесса медиатизации [Lövhheim, 2011].

Современный конфликт вокруг медиапрактик православного фундаментализма имеет давнюю историческую природу и связан с общей спецификой религиозной истории в России. Россия, несмотря на нахождение внутри общемирового контекста, имеет определённые особенности. К числу таких особенностей принадлежит проявившееся после развала СССР стремление религиозных организаций оформиться в качестве полноценных общественных институтов и занять место в сфере публичного пространства. Политика такого рода может трактоваться как миссионерская, направленная не на «захват» медиа пространства, а на увеличение христианского, в этом случае, православного дискурса в СМИ. Так, выступая на Архиерейском соборе 2 февраля 2011 г., Патриарх Кирилл отметил: «Если мы будем бездействовать, то журналисты самостоятельно, по своему разумению сформируют для общества образ Церкви. Без нашего участия этот образ может оказаться однобоким, а в худшем случае — уродливым и лживым»¹.

¹ Предстоятель Русской Православной Церкви: Основная задача информационной деятельности Церкви — проповедь о Христе / Информационная служба Архиерейского Собора // официальный сайт Русской Православной Церкви. — 2011. — 2 фев. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399650.html> (дата обращения: 19.07.2020).

Данный тезис подтверждается результатами многих независимых исследований. Например, проведенное в 2018 г. В.М. Хрулем исследование 25 российских СМИ показало специфический характер темы с весьма высоким конфликтогенным потенциалом. В десятой части публикаций журналисты не потрудились объяснить специальную религиозную лексику, которую употребляют, а в большинстве случаев (77,2%) тексты практически не содержат религиозной лексики и терминов².

Методология исследования. Исследуемый нами предмет, а именно, образ православного фундаментализма в современных отечественных медиа, может быть проанализирован с помощью качественного и количественного контент-анализа. Реализация такого подхода в изучении имеет некоторые особенности при применении его к современным медиа. Такой подход обладает рядом преимуществ, потому что позволяет понять отношение людей к тем или иным темам, образам или событиям. Он также обладает характерными особенностями классического контент-анализа, чьими чертами являются поиск наиболее значимых тематик или символов, кодировка языковых единиц и т.п. Однако характер современных медиа привносит новые черты в процесс выполнения классического контент-анализа.

А. Вик выделены основные нетипичные черты контент-анализа в социальных сетях:

- отсутствие организации исследуемого массива данных, то есть большая дискретность записей и комментариев в отличие от классической работы с текстами, что обуславливает необходимость жесткого ограничения исследуемого материала по тематикам и временным периодам;
- большое разнообразие форматов и форм контента, которые могут представлять из себя не только текстовые, но и ау-

диальные, визуальные, иллюстративные и прочие форматы;

- огромное количество «шумов», то есть лишней для исследователя информации, например, нетематических комментариев, видео и аудиообразов, рекламных записей, что актуализирует важность качественного отбора данных;
- при анализе медиа практически невозможно получить достоверные данные о контексте исследуемого высказывания³.

Необходимо учитывать особенность влияния современной медиа-сферы на религиозность и изменение уровня и форматов влияния религиозных агентов на общество, которые всё сильнее зависят от репрезентации соответствующей религии в медийном дискурсе [Лебедев, Рыбакова, 2014].

При изучении медиатизации православного фундаментализма, необходимо учитывать характер самих медиа. В статье «Язык медиа: от-клик перформативности» А.Р. Лопытова описывает современный характер поведения пользователей в сети, указывая на диктуемые самой экосистемой медиаобраз поведения — экономию времени, потоковое восприятие информации, «кликловость» действий и динамичность поступков [Медиафилософия IX. Язык медиафилософии, 2013]. Такой характер поведения определяет и образ православного фундаментализма, состоящий из поведения участников социальных групп, символов и текста в широком смысле (как колоссальный код социального явления).

Отталкиваясь от упомянутых предположений, для дальнейшей характеристики образа православного фундаментализма, воспроизведения логики его функционирования и вскрытия механизмов работы, необходимо сконцентрироваться на анализе медиа подобного толка. Для этого необходимо проанализировать медиапростран-

² Хруль В.М. Религия в текстах массовой коммуникации: структурно-семантические, функциональные и этические аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.10 ; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2018. — 417 с.

³ Veeck A. Analyzing the content of social media data // Quirks media. — 2013. — Oct. — URL: <https://www.quirks.com/articles/analyzing-the-content-of-social-media-data> (дата обращения: 29.01.2021).

ство сообществ и групп социальных сетей, которые мы можем характеризовать как дискурсивно относящиеся к православному фундаментализму. Такое определение не несёт негативной оценки и означает наличие фундаменталистских коннотаций в публикуемых материалах сообществ.

Поводом для характеристики того или иного виртуального сообщества как православно-фундаменталистского послужила система сведённых воедино критериев, выделенных на основании изучения работ других исследователей:

- Мания идентичности — понятие, связанное со «временем большой длительности» и трансформацией идентичности от традиционного общества к новым формам идентификации [Степанова, 2008];
- Утопизм — убеждённость в реальной возможности постройки идеального общества [Товбин, 2014];
- Антизападничество — идея превосходства всего православного, русского или евразийского над католическим, протестантским, либеральным или над «западным ценностям» [Костюк, 2000];
- Мессианство — возвышение конкретных идей, образов и целей, при параллельном полном нивелировании других [Кудряшева, 2013];
- Политизация религии — примат политического и общественного над религиозным [Верховский, 2003];
- Тотальный запрос религиозно-идеологического учения группы, а именно, экстраполяция этого учения на остальное общество [Верховский, 2003];
- Мифологичность (конспирологичность) сознания и конструируемых в фундаменталистской среде социальных образов и символов, которые становятся отделены не только от научного понимания, но и от религиозного [Товбин, 2014].

Не все выбранные нами группы и сообщества имеют полноту указанных признаков, но совокупность исследуемых объектов обладает ими всеми. Современный медиа сегмент православного фундамента-

лизма не един и представляет множество групп и сообществ самых разных размеров аудитории, форматов и направленностей. В фокус нашего исследования попали только сообщества в социальной сети «ВКонтакте» — ввиду её наибольшей популярности и распространённости в России. Безусловно, существуют закрытые или локальные сообщества в сети и на других платформах, однако, они могут являться объектом исследований с применением более локальных подходов и методов.

Объектом исследования являлись публикации в выбранных сообществах за период с 31.01.2019. по 31.01.2020. Выборка исследования составила четыре медиа, которые мы могли отнести к православному фундаментализму. Выборка учитывает сообщества из разных категорий и включает в себя как крупные, официальные, имеющие долгую историю деятельности сообщества, так и небольшие, относительно новые группы:

- «Движение Сорок Сороков» — организация, созданная в 2013 г. Андреем Кормухиным и Владимиром Носовым. Само движение позиционирует себя как православная платформа консервативного толка, занимающаяся как массовыми оффлайновыми акциями (вроде молитвенного стояния или крестных ходов), так и интернет-агитацией. Наиболее известными выступлениями данной группы были акции, связанные с парком на Торфянке и прокатом фильма «Матильда». Часто общественная активность «Сорока сороков» встречает отрицательную оценку со стороны общественных организаций⁴;
- «Русская Народная Линия» — значимое для всего консервативного православного круга издание, созданное ещё в 1998 г. Сергеем Григорьевым и Анатолием Степановым при поддержке Константина Душенова — пресс-секретаря Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Константин Душенев также был создателем газеты (а позже портала) «Русь Православная», деятельность

⁴ Туровский Д. Строители офлайн-государства // Meduza. — 2015. — 22 сен. — URL: <https://meduza.io/feature/2015/09/22/stroiteli-oflayn-gosudarstva> (дата обращения: 03.02.2020).

которой осудил Патриарх Алексий II в 2004 году⁵. РНЛ (аббревиатура от «Русская Народная Линия») является одним из самых популярных и авторитетных изданий среди консервативно настроенной православной аудитории, публикуя в основном аналитические материалы, весьма высокого качества, посвященные политике, культуре и истории;

- «Имперский Легион» — сообщество, посвященное боевой группе, принимавшей участие в конфликтах на юго-востоке Украины и на территории Ближнего Востока⁶. Аккаунт публикует в основном записи военно-патриотической тематики с интенциями православия и эстетики дореволюционной России. К наиболее важным общественным выступлениям можно отнести провокационную акцию на Крестном ходе в честь перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского 12 сентября 2017 г. в Санкт-Петербурге⁷;
- «Православные против восьмого Вселенского собора» — интернет-сообщество яркой антизападнической и антиэкуменистской тематики, направленное на критику западных ценностей, ЛГБТ, католичества и протестантизма.

Процесс формирования выборки в качественных исследованиях отличается от такого процесса в исследованиях количественных. В данном случае нами был выбран метод интенсивной выборки, который подразумевал отбор наиболее информационно полных объектов, которые могут предоставить больше данных об исследуемом явлении.

Само исследование проводилось методом качественного контент-анализа, данные собирались с помощью платформы Popsters⁸, позволяющей собирать информацию о сообществах в социальных сетях, а после обрабатывались вручную.

Единицами анализа являлись объем аудитории, количество и тематика публикаций в группе, количество отметок «мне нравится», количество репостов, формат публикуемого контента, тематики хештегов.

Операционализация концептуальных понятий. Эмпирическими индикаторами первостепенного внимания, уделяемого объектам, являлись:

- Объем аудитории;
- Количество опубликованных записей;
- Количество отметок «мне нравится»;
- Количество репостов из группы за указанный период;

Эмпирическими индикаторами первостепенного внимания, уделяемого теме, являлись:

- Наличие в группе администратора в священническом сане;
- Суммарное количество публикаций с тем или иным видом контента;
- Темы 10 самых популярных записей по просмотрам за указанный период;
- Темы 10 самых популярных записей по отметкам «мне нравится» за выбранный период
- 8 самых популярных хештегов;

В исследовании применялось манифестное кодирование. Оно проходило в один этап, на нём происходило заполнение таблиц с указанием объема аудитории, количества опубликованных записей за указанный период, суммарного количества публикаций с различными видами контента, количество отметок «мне нравится» и репостов за указанный период, а также, наличие священнического сана у администратора группы.

Латентное кодирование использовалось для тематик 10 самых популярных

⁵ Патриарх Алексий II высказался против газеты «Русь Православная» // Информационный портал Лениздат.ру. — 2004. — 7 окт. — URL: <https://lenizdat.ru/articles/1025702/> (дата обращения: 03.02.2020).

⁶ Координатор тренировочной базы ополченцев: Ни один наш боец не видел ни одного представителя Интербригад // ЗакС.ру — 2015. — 30 янв. — URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/135459> (дата обращения: 04.02.2020).

⁷ На крестном ходе Россию объявили последней надеждой бога на Земле // Московский Комсомолец. — 2017. — 12 сен. — URL: <https://www.mk.ru/social/2017/09/12/na-krestnom-khode-rossiyu-obyavili-posledney-nadezhday-boga-na-zemle.html> (дата обращения: 03.02.2020).

⁸ Popsters: веб-сервис аналитики контента / ООО «Хайя» — Москва, 2013. — URL: <https://popsters.ru> (дата обращения: 03.02.2020). — Режим доступа: по подписке.

записей по просмотрам за указанный период, тематик 10 самых популярных записей по отметкам «мне нравится» за выбранный период, 8 самых популярных хештегов. Основной массив кодирования был направлен на характеристику наиболее популярных записей в группах, однако, ввиду разной направленности указанных сообществ выработать единый код для всех объектов выборки было невозможно. Поэтому кодирование проводилось для каждого сообщества отдельно по тематикам и хештегам. Мы концентрируем внимание на хештегах ввиду того, что они являются ключевыми словами при поиске

и ориентации в социальных сетях и могут коротко характеризовать основной смысл контента в группе.

Основная гипотеза: современные представленные в медиа сообщества православного фундаментализма ориентируются в большей степени на общественно-политические вопросы, нежели на религиозные.

Исследование: Основная часть. Изначально необходимо проанализировать основные эмпирические характеристики субъектов, для чего мы прибегнем к концептуальному анализу данных (таблица №1).

Таблица 1. Распределение общих данных по критериям
Table 1. The distribution of the total data by criteria

Название группы/ Характеристики	Движение Сорок Сороков	Русская Народная Линия	Имперский Легион	Православные против восьмого вселенского собора
Объём аудитории	28 316	11 544	3 890	6 049
Администратором группы является священник	Нет	Нет	Нет	Нет
Половая идентификация аккаунтов участников	Мужчины — 13 829 Женщины — 10 734 Не указано — 3 573	Мужчины — 4 257 Женщины — 5 473 Не указано — 1 814	Мужчины — 2 810 Женщины — 308 Не указано — 772	Мужчины — 2 176 Женщины — 2 717 Не указано — 1 156
Количество отметок «нравится» за выбранный период»	531 868	28 736	2 648	29 534
Количество репостов из группы за выбранный период	76 632	6 718	356	10 088
Количество записей за указанный период	2 906	2 200	72	2 700
Суммарное количество публикаций с тем или иным видом контента	Фото — 2890 Текст — 2 193 Ссылка — 1 058 Видео — 905	Фото — 2119 Ссылки — 2136 Текст — 1114 Видео — 28	Фото — 71 Текст — 52 Видео — 17 Ссылка — 11	Фото — 2126 Текст — 899 Видео — 1410 Ссылка — 1216

Объём аудитории каждой группы нельзя в полной мере назвать крупным. Ни одна из групп не может сравниться по объёму аудитории с большими православными порталами или медиа. Однако, количество записей в каждом издании находится в диапазоне от 2200 до 2900 тысяч (то есть

в среднем 6-7 публикации в сутки), что свидетельствует о весьма плотной и насыщенной публикационной динамике и постоянном информационном контакте с аудиторией. Подобная картина прослеживается во всех исследуемых группах, за исключением сообщества Имперский

Легион, в котором публикаций за выбранный период было всего 72, что говорит о локальном характере данного медиа и его ориентации не на поддержку информационного потока, а на информационное освещение жизни сообщества.

Большинство публикуемого контента во всех проанализированных группах составляют фотографии. Текстовый контент занимает второе место во всех группах, кроме РНЛ, в которой вторым типом по популярности является ссылка (ввиду наличия у сообщества основного сайта с аналитическими материалами). Видео и ссылки предстают наименее популярными форматами публикуемых материалов, что напрямую связано с указанным нами ранее тезисом А.Р. Лопытовой о современном характере поведения пользователей в сети; экономия времени, потоковое восприятие информации, «кликость» действий и динамичность поступков, что обеспечивают исключительно короткие тексты и фото. Видео требуют большего, нежели текст или изображение, времени, а ссылки обычно адресуют на сторонние ресурсы, разрушая тем самым единый информационный фрейм медиа.

Аудитория приведённых сообществ весьма разнообразна по количеству подписчиков. Священник не является администратором ни в одной из групп, что свидетельствует о непричастности официального духовенства напрямую к деятельности анализируемых сообществ, и, как следствие даёт нам повод фиксировать отсутствие прямой институциональной встроенности медиа в медиасферу современной Русской Православной Церкви.

Важным выступает также аспект половой принадлежности, ведь в общественном сознании фундаменталистские интенции крепко связаны с образом силы, мускулинности и брутальности (во многом благодаря расхожести образа исламского фундаментализма). Учитывать половое разделение при анализе аккаунтов подписчиков возможно исключительно через анализ идентификации аккаунтов, однако мы вынуждены прибегнуть к этому шагу ввиду отсутствия других возможностей подсчёта.

Половое разделение составляет:

- «Движение Сорок Сороков» — мужчины — 48,84%, женщины — 37,91%, не указано — 12,62%;
- «Русская Народная Линия» — мужчины — 36,88%, женщины — 47,41%, не указано — 15,71%;
- «Имперский легион» — мужчины — 72,24%, женщины — 7,92%, не указано — 19,85%;
- «Православные против восьмого Вселенского собора» — мужчины — 35,97%, женщины — 45,08%, не указано — 19,11%.

В сообществах «Русская Народная Линия» и «Православные против восьмого Вселенского собора» большую часть аудитории составляют аккаунты, идентифицирующие себя с женским полом, однако с разницей около 10%. Мужская часть аудитории группы «Движение Сорок Сороков» наоборот превышает женскую также примерно на 10%. Подавляющее количество мужской аудитории присутствует только в сообществе «Имперский легион». Почти состоявшийся половой паритет в аудиториях трёх указанных групп может быть объяснён широким перечнем публикуемых тематик и превалированием религиозной и консервативно-традиционалистских общественных тем. Кейс «Имперского легиона» объясняется военной направленностью сообщества и ультимативностью публикуемых материалов. Приведённая выше интерпретация не даёт нам права говорить о «женском лице» фундаментализма, но даёт право усомниться в его исключительно мужской природе.

Переходя к анализу индикаторов первостепенного внимания, уделяемого теме, мы должны обозначить, что выработать единую латентную кодировку для всех материалов выборки (чей характер можно описать как «интенсивный») невозможно, так как конкретные локальные смыслы нерелевантны для всей совокупности, однако, объединены указанными нами ранее критериями отбора, церковно-православной и общественной тематиками. Поэтому нами было решено выработать кодировку для каждого субъекта и сравнить именно смысловые коннотации наиболее популярных записей в группах. В таблицах

указаны тематики наиболее популярных записей по количеству отметок и просмо-

тров. Пересекающиеся темы выделены текстуально.

Таблица 2. Информация о наиболее популярных материалах в сообществе ДСС
Table 2. Information about the most popular materials in the «DSS» community

По отметкам	По репостам
Призыв к молитве за болеющего	Отрицательное освещение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»
Призыв к молитве за болеющего известного священника РПЦ Дмитрий Смирнова	Призыв к молитве за болеющего
Призыв к участию в молитвенном стоянии	Призыв к участию в молитвенном стоянии
Некролог известного священника Всеволода Чаплина	Призыв к участию в общественной акции
Новостная сводка об убийстве в уличной драке чемпиона по борьбе	Призыв к молитве за болеющего известного священника РПЦ Дмитрий Смирнова
Призыв к поддержке выступления ректора УрГЭУ против ЛГБТ	Призыв к поддержке выступления ректора УрГЭУ против ЛГБТ
Призыв к поддержке известного священника Дмитрия Смирнова	Призыв к поддержке известного священника Дмитрия Смирнова
Цитата положительного высказывания министра печати Чеченской Республики о России и русских	Призыв к борьбе против закона «О профилактике семейного насилия»
Отрицательное освещение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»	Новостная сводка об убийстве в уличной драке чемпиона по борьбе
Исторический очерк о событии в Беслане	Очерк о «воскрешении» старца Николая Гурьянова

Наиболее популярные записи в группе «Движение Сорок Сороков» ориентированы скорее на общественную повестку, нежели исключительно на религиозную, и связаны с акциями вне медиа, и национальной принадлежностью в качестве идеологической основой деятельности движения. Распространены также и выступления против ЛГБТ-сообщества, связанные с темой сохранения семейных ценностей, сильны манифестации традиционалистских и консервативных идей в контексте событий недавней истории России. В рамках наиболее востребованных тем прослеживается

поддержка и сочувствие консервативно-настроенной части духовенства Русской Православной Церкви, а также неприятие реформ, связанных с законопроектом «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Несмотря на то, что сам законопроект являлся одной из наиболее значимых тем в информационном и общественном поле Российской Федерации, ему уделено не так много внимания. Общая идентичность участников выстраивается на антитезах и идентификации «свой/чужой», а общая информационная стратегия строится на единых основах.

Таблица 3. Информация о наиболее популярных материалах в сообществе РНЛ
Table 3. Information about the most popular materials in the RNL community

По отметкам	По репостам
Очерк об успешном путешествии Николая Конюхова	Очерк об успешном путешествии Николая Конюхова
Отрицательное освещение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»	Отрицательное освещение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»
Новостная сводка о польском подростке, выступившем против ЛГБТ парада	Призыв против мигрантов

По отметкам	По репостам
Призыв против мигрантов	Цитата протоиерея Александра Шаргунова в день памяти новых мучеников и исповедников Церкви Русской
Новостная сводка об аварии подводной лодки в Баренцевом море	Отрывок из литературного произведения
Некролог космонавта Алексея Леонова	Освещение судебного процесса над Николаем Коклюевым
Новостная сводка об установке памятной доски архимандриту Кириллу (Павлову)	Отрицательное освещение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»
Отрицательное освещение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»	Отрицательный отзыв о ювенальной юстиции
Отрицательное освещение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»	Новостная сводка о польском подростке, выступившем против ЛГБТ парада
Некролог православного актера Сергея Юрского	Призыв к сплочению

Кейс «Русской Народной Линии», ввиду присутствия основного электронного политико-общественного журнала-сайта, отличен от предыдущего кейса «Движения Сорока Сороков» и по структуре меди-апространства, и по публикуемым темам. Как нами уже упоминалось, самым популярным видом контента в группе является текст и ссылка на основной ресурс — сайт издательства. Наиболее популярные материалы сообщества представляют из себя новостные и аналитические материалы консервативного политического толка с ориентацией на международную повестку. Важной частью медиастратегии выступает также частое упоминание в негативном

ключе ЛГБТ. Среди наиболее популярных записей тематика православия присутствует косвенно, являясь цементирующей идеей манифестируемого консерватизма. В данном случае идентификация пользователей строится не только на антитезе, но и на созидательной основе, в которой присутствуют материалы просветительского, исторического и культурного характера. Медиа РНЛ нельзя характеризовать в полной мере как фундаменталистское, организованное по принципу СМИ с множеством сторонних авторов: православный фундаменталистский дискурс присутствует в некоторых публикациях, но не в полной их совокупности.

Таблица 4. Информация о наиболее популярных материалах в сообществе «Имперский легион»

Table 4. Information about the most popular materials in the «Imperial Legion» community»

По отметкам	По репостам
Описание собственных воззрений в связи с выборами на Украине (православный характер идентификации)	Описание собственных воззрений в связи с выборами на Украине (православный характер идентификации)
Описание собственных воззрений в связи с боевыми действиями (православный характер идентификации)	Описание собственных воззрений в связи с боевыми действиями (православный характер идентификации)
Информационная сводка о погибших участниках организации	Информационная сводка о погибших участниках организации
Информационная сводка о погибших участниках организации	Описание собственных воззрений относительно коммунистической идеологии (православный характер идентификации)
Описание собственных воззрений относительно коммунистической идеологии (православный характер идентификации)	Отрывок из книги «Имперский легион в Новороссии»

По отметкам	По репостам
Отрывок из книги «Имперский легион в Новороссии»	Информационная сводка о погибших участниках организации
Заметка о боевых действиях	Информационная сводка о погибших участниках организации
Информационная сводка о погибших участниках организации	Информационная сводка об участниках организации, привлечённых к уголовной ответственности
Информационная сводка о погибших участниках организации	Выступление капеллана Имперского Легиона на митинге, посвящённом трагедии 2 мая
Информационная сводка об участниках организации, привлечённых к уголовной ответственности	Историческая справка о Древнем Риме

К наиболее популярным тематикам группы «Имперский Легион» в основном можно отнести сводки о боевых действиях, некрологи погибших участников оных и описание идеологических установок данного сообщества, связанных с боевыми действиями, апокалиптическими воззрениями и имперскими, антикоммунистическими воззрениями. Однако, несмотря на неправославный характер записей, в большинстве материалов группы присутствуют обоснования собственной деятельности, исходящие из дореволюционного идеала

православия и монархии. Православная идентичность является для данного сообщества определённым «цементом», то есть обладает ключевой, хотя не ярко выраженной ролью, что говорит о её связи с политической идентичностью. Среди публикуемых статей также присутствует ориентация на международную тематику. Отличительной особенностью сообщества является его ориентация на уже сложенную общность. В отличие от прочих групп, данное медиа не вырабатывает информационный продукт, а информирует о жизни сообщества.

Таблица 5. Информация о наиболее популярных материалах в сообществе «Православные против Восьмого Вселенского собора»
Table 5. Information about the most popular materials in the community «Orthodox against the Eighth Ecumenical Council»

По отметкам	По просмотрам
Информационная сводка о прикрытии пожарами незаконных вырубок лесов	Информационная сводка о прикрытии пожарами незаконных вырубок лесов
Выступление против номеров	Ссылка на разоблачающее видео
Информационная сводка о погибших участниках	Ссылка на разоблачающее видео
Выступление против номеров	
Призыв к поддержке посаженного в тюрьму Иерусалимского патриарха	Ссылка на разоблачающее видео
Выступление против номеров	Открытое письмо прихожанина своему приходскому пастырю
Призыв к непоминанию имени Патриарха Московского и Всея Руси во время литургии	Выступление против номеров
Обвинение Троице-Сергиевской Лавры в экуменизме	Из книги о Равноапостольном Косме Этолийском
Выступление против номеров	Ссылка на разоблачающее видео
Выступление против номеров	Выступление против номеров
Разоблачающая заметка о пожарах в Сибири и некомпетентности пожарных	Обращение к Патриарху Кириллу по поводу экуменизма

Характер наиболее популярных в группе «Православные против Восьмого Вселенского собора» материалов в основном можно обозначить как конспирологиче-

ский или новостной. Основным направлением популярных записей является скандальное позиционирование и борьба против цифровизации, присвоения но-

меров (СНИЛС, ИНН, ОМС и т.д.) и разоблачение существующей системы РПЦ, обличение экуменизма, публикация разоблачающих записей, призывы к непоминанию имени Патриарха (что по церковным догматам означает раскол). Большинство публикаций также можно скорее отнести к общественным темам, — например, выступления против номеров или записи о пожарах в Сибири. Образ православия является здесь скорее образом «добра», под эгидой которого проходит раскрытие заговоров. Весьма крупная часть записей приводится в формате видео и говорит о предпочтении аудитории подобного формата, что заметно по сравнению с остальными объектами выборки. Возможно, именно видео позволяют полнее раскрыть сложную си-

стему конспирологических измышлений. Несмотря на позиционирование сообщества как ориентированного на борьбу с негативными последствиями цифровизации, оно активно использует методы вирусного распространения информации.

При исследовании хэштегов мы столкнулись с проблемой того, что сообщество «Имперский Легион» практически не пользуется хештегами, а отобранного материала оказалось крайне мало для анализа. Поэтому мы делаем заключение, что не все фундаменталистские православные сообщества пользуются хештегами. В остальных же случаях выбор хештегов ограничен 8 единицами, после данной отметки их упоминаемость остаётся на одном уровне и не даёт пространства для сравнения.

Таблица 6. Наиболее популярные хештеги
Table 6. The most popular hashtags

Движение Сорок Сороков	Русская Народная Линия	Имперский Легион	Православные против Восьмого Вселенского Собора
СорокСороков ЗаСемью ДСС Православие ДвижениеСорокСороков Церковь Засемью Верасильных	Украина Путин Россия Автокефалия ПЦУ США РНЛ Раскол	-	Новости Происшествия news События Последние новости Сегодня Новостисегодня Путин

Исходя из анализа хештегов, можно подтвердить выявленные ранее закономерности, а именно:

Ориентация «Движения Сорок Сороков» на общественные вопросы, в большей мере, внутри российского контекста — сохранение традиций, семейные ценности. Важной составляющей является позиционирование силовых аспектов;

Ориентация группы «Русской Народной Линии» на вопросы внешнеполитической повестки и политико-общественных вопросов;

Ориентация сообщества «Православные против восьмого Вселенского собора» на эксцентричные, скандальные и спорные

материалы, в основном, информационного характера.

Заключение и выводы. Аудитория современных православных фундаменталистских сообществ не является значительной по масштабу, уступая аудитории крупных православных официальных сообществ (например, официальный журнал «Фома» — 115 384⁹). С точки зрения медиа образа, современные православные фундаменталистские сообщества представляют из себя локальные общности, объединённые каким-либо вектором информационной политики и типом публикуемого контента. Несмотря на схожесть некоторых тем, а именно, общую право-

⁹ Православный журнал «Фома» // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/foma_magazine (дата обращения: 10.02.2020).

славную атрибутивность, негативное отношение к ЛГБТ-сообществу и т.д., медиаобразы исследуемых сообществ весьма сильно различаются акцентами на те или иные аспекты политического процесса — от внешнеполитических до локальных и исторических.

Вопреки устоявшемуся в обществе представлению, весьма большая часть аудитории представлены аккаунтами с женской половой идентификацией. Ни в одном из сообществ администратор не является человеком в священническом сане, что может говорить о нецерковной направленности деятельности сообществ, хотя священники периодически публикуются или принимают участие в деятельности сообществ.

Можно заключить, что образ современного православного фундаментализма является в большей мере общественно-ориентированным, нежели религиозным. Большинство наиболее популярных записей в исследуемых сообществах нацелены

на постулирование политико-социальных идей или на критику существующих процессов, образов и авторитетов. Вместе с этим, существует поддержка наиболее авторитетных деятелей консервативного и традиционалистского круга в среде Русской Православной Церкви или общественного поля.

Самыми значимыми ценностями исследуемых групп являются семья, государственно-национальные интересы, русско-православная групповая идентичность, символы политики памяти. Всё это является антитезой «дискретному» («постмодернистскому», «глобалистскому», «западному» и т.д. в интерпретации участников сообществ) пониманию мира. Однако формат контента, представленного в медиа, показывает, что большинство потребляемых публикаций отвечает темпам высокой динамики медиа, дискретности повествования и в основном отвечают концепции современного медийного «кликерного поведения».

Список литературы:

- Островская Е.А. Медиатизация православия — это возможно? // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2019. — № 5. — С. 300–319. — DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.14.
- Костюк К.Н. Православный фундаментализм // Полис Политические исследования. — 2000. — № 5. — С. 133–154.
- Fundamentalisms and the state : remaking politics, economies and militance / ed. by M.E. Marty., R.S. Appleby, J. H. Garvey [et al.]. — Chicago ; London : University of Chicago Press, 1993. — 665 p.
- Армстронг К. Битва за Бога : история фундаментализма. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. — 502 с.
- Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. — Москва : Текст, 1994. — 432 с.
- Шнирельман В. Колена Даново : эсхатология и антисемитизм в современной России. — Москва : Изд-во ББИ, 2017. — 617 с.
- Верховский А.М. Политическое православие : Рус. православ. националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. — Москва : Центр “Сова”, 2003. — 316 с.
- Виноградов И. «Православный» фундаментализм — или смерть? // Континент. — 2011. — № 149. — URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2011/149/pravoslavnyj-fundamentalizm-8212-ili-smert.html>.
- Головешкин Д.А. Современный православный фундаментализм or псевдофундаментализм? // Известия Иркутского государственного университета Серия Политология Религиоведение. — 2018. — Т. 25. — С. 92–102. — DOI: 10.26516/2073-3380.2018.25.92.
- Mediatization of communication / ed. Lundby K. — Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2014. — xiv, 738 p.
- Hjarvard S. The Mediatization of Society // Nordicom Review. — 2008. — Vol. 29, № 2. — P. 105–134.

Lövheim M. Mediatization of religion: A critical appraisal // *Culture and Religion*. — 2011. — Vol. 12, № 2. — P. 153–166. — DOI: 10.1080/14755610.2011.579738.

Лебедев С.Д. Репрезентация православного христианства в российских средствах массовой информации нач. XXI в. / С.Д. Лебедев, В.В. Рыбакова // *Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Международная научно-практическая конференция: Сборник научных работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева*. — Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2014. — С. 351–355.

Медиафилософия. Т. 9: Язык медиафилософии / ed. Савчук В.В. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское филос. о-во, 2013. — 296 с.

Степанова Е.А. Фундаментализм и мания идентичности // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. — 2008. — № 8. — С. 94–116.

Товбин К.М. Против Модерна: компаративный анализ антимодернистских концепций // *Вестник МГТУ*. — 2014. — Т. 17, № 4. — С. 783–789.

Кудряшова И.В. Фундаментализм и «Фундаментализмы» // *Политическая наука*. — 2013. — № 4. — С. 92–105.

References

Ostrovskaya, E. (2019) 'Is the mediatization of the Orthodoxy possible?', *The monitoring of public opinion economic&social changes*, (5), pp. 300–319. doi: 10.14515/monitoring.2019.5.14. (In Russian).

Kostyuk, K. N. (2000) 'Orthodox Fundamentalism', *Polis. Political Studies*, (5), pp. 133–154. (In Russian).

Marty, M. E. and Appleby, R. S. (ed.) (1993) *Fundamentalisms and the state : remaking polities, economies and militance*. Chicago ; London: University of Chicago Press (Fundamentalism project ; v.3).

Armstrong, K. (2000) *History of fundamentalism*. New York: Ballantine. (Russ. ed.: (2018) *Bitva za Boga : istoriya fundamentalizma*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.).

Laqueur, W. (1993) *Black hundred : the rise of the extreme right in Russia*. New York: Harper Perennial. . (Russ. ed.: (1994) *Chernaia sotnia. Proiskhozhdenie russkogo fashizma*. Moscow: Text Publ.).

Shnirelman, V. A. (2017) *Koleno Danovo : eschatologija i antisemitizm v sovremennoj Rossii [The Tribe Of Dan. Eschatology and Anti-Semitism in Modern Russia]*. Moscow: BBI Publ. (In Russian).

Verkhovsky, A. M. (2003) *Politicheskoe pravoslavie: Russkie pravoslavnye natsionalisty i fundamentalisty, 1995–2001 [Political Orthodoxy : Russian Orthodox Nationalists and Fundamentalists, 1995–2001]*. Moscow: Tsrntr 'Sova' Publ. (In Russian).

Vinogradov, I. (2011) '«Pravoslavnyj» fundamentalizm – ili smert'? [Orthodox «fundamentalism - or death?]', *Continent*, (149). Available at: <https://magazines.gorky.media/continent/2011/149/pravoslavnyj-fundamentalizm-8212-ili-smert.html>. (In Russian).

Golovushkin, D. A. (2018) 'Modern Orthodox Fundamentalism or Pseudo-Fundamentalism?', *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 25, pp. 92–102. doi: 10.26516/2073-3380.2018.25.92. (In Russian).

Lundby, K. (ed.) (2014) *Mediatization of communication*. Berlin ; Boston: De Gruyter Mouton.

Hjarvard, S. (2008) 'The Mediatization of Society', *Nordicom Review*, 29(2), pp. 105–134.

Lövheim, M. (2011) 'Mediatization of religion: A critical appraisal', *Culture and Religion*, 12(2), pp. 153–166. doi: 10.1080/14755610.2011.579738.

Lebedev, S. D. and Rybakova, V. V. (2014) 'Representatsiia pravoslavnogo khristianstva v rossiiskikh sredstvakh massovoi informatsii nach. XXI v. [Representation of Orthodox Christianity in the Russian mass media early. XXI century]', in *Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education. I International Scientific and Practical Conference Proceedings*. Belgorod: Belgorod National Research University Publ., pp. 351–355. (In Russian).

Медиафилософия. Т.9 лзык медиафилософии [Media philosophy. Vol. 9: The language of media philosophy]. (2013). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filos. o-vo Publ. (In Russian).

Stepanova, E. A. (2008) 'Fundamentalism and Identity Mania', *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, (8), pp. 94–116. (In Russian).

Tovbin, K. M. (2014) 'Against Modern: Comparative analysis of anti-modernist concepts', *Vestnik of MSTU*, 17(4), pp. 783–789. (In Russian).

Kudryashova, I. V. (2013) 'Fundamentalism and Other "Fundamentalisms"', *Political Science (RU)*, (4), pp. 92–105. (In Russian).

Информация об авторе

Владимир Дмитриевич Коваленко — старший преподаватель СЗИУ РАНХиГС, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57 (Россия), аспирант факультета Социологии СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Vladimir D. Kovalenko — Senior Lecturer of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy. 57, Sredny Prospect V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199034 ; Postgraduate Student of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University. 7/9. Nab. Universitetskaya, Saint-Petersburg, Russia, 199034 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.02.2021; одобрена после рецензирования 22.05.2021; принята к публикации 03.06.2021.

The article was submitted 10.02.2021; approved after reviewing 22.05.2021; accepted for publication 03.06.2021.



СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И ЖУРНАЛИСТЫ В ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ О РЕЖИМЕ Б. МУССОЛИНИ

Сергей Сергеевич Макулов

МГИМО МИД России, Москва, Россия

makulov.s.s@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8895-5044>



Аннотация. Цель данного исследования — введение в научный оборот материалов, публиковавшихся советскими журналистами и дипломатами по итогам их пребывания в фашистской Италии. Тема приобретает особую актуальность в связи с необходимостью деконструкции расхожих стереотипов о процессах, имевших место в культурах двух стран. Особый отпечаток на изучаемые материалы накладывало идеологическое противостояние Рима и Москвы в 1920 – 1930-х гг. Очерки и репортажи, чьё содержание является предметом исследования, написаны непосредственными свидетелями событий, происходивших на Апеннинах в указанный период, что делает их важными источниками по истории Италии и советско-итальянских отношений. Выдающимся документом могли бы стать мемуары, задуманные первым полпредом Советской России в Италии В. Воровским, однако его преждевременная гибель сорвала эти планы. Первой журнальной публикацией, вышедшей в свет по итогам посещения советским корреспондентом Италии, стал репортаж о визите эсминцев «Незаможник» и «Петровский» в Неаполь в 1925 г. В «Журналисте» в 1926 г. выходит очерк Б. Зильперта об итальянской печати, написанный на основании бесед с коллегами в Риме. Значительную ценность представляют также материалы А. Кина, Д. Илимского, и И. Робина, посвящённые различным аспектам итальянского фашизма; С. Игнатьев описывает положение дел в итальянской колонии — Эритрее. В 1920-е гг. отечественная пресса активно сотрудничала с некоторыми итальянскими журналистами (Г. Джого, К. Росси). Практически во всех материалах советской печати подчёркивалась чуждость фашистского режима национальному характеру итальянского народа. Внимание акцентировалось на попрании фашистами гражданских прав и свобод, насаждении милитаризма, преследованиях коммунистов. В подобном ключе писались материалы иностранной прессы, переводы которых размещал на своих страницах журнал «За рубежом». Однако, критикуя фашистский режим, авторы публикаций нередко изображали итальянский народ его жертвой. Автор статьи обосновывает вывод, согласно которому режим Б. Муссолини критиковался в советской печати с гуманистических позиций.

Ключевые слова: Италия, СССР, фашизм, печать, советско-итальянские отношения, Б. Муссолини, В. Воровский, Г. Сандомирский, Б. Зильперт, И. Робин

Для цитирования: Макулов С.С. Советские дипломаты и журналисты в фашистской Италии: впечатления о режиме Б. Муссолини // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 80–88. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-80-88>

Research article

SOVIET DIPLOMATS AND JOURNALISTS IN FASCIST ITALY: IMPRESSIONS ABOUT B. MUSSOLINI'S REGIME

Sergey S. Makulov

MGIMO University, Moscow, Russia
makulov.s.s@my.mgimo.ru
ORCID 0000-0001-8895-5044

Abstract. The author sees the purpose of this study in introducing to the scientific circulation the materials published by Soviet journalists and diplomats based on the results of their stay in fascist Italy. This topic is of particular relevance due to the fact that modern people's ideas about the cultures of other countries are often superficial and are influenced by stereotypes. The ideological confrontation between Rome and Moscow of the time left a special imprint on these texts: criticizing the fascist regime, the authors of the publications portrayed the Italian people as their victims. The essays and reports considered in the text of the work were written by direct witnesses of the events that took place on the Apennines in the 1920-1930s, which makes them important sources of information regarding the history of Italy and Soviet-Italian relations. The memoirs conceived by the First Plenipotentiary of Soviet Russia in Italy V. Vorovsky, could have been an outstanding historical document, but his premature death thwarted these plans. The first journal publication following a visit by the Soviet correspondent to Italy was a report on the visit of the destroyers *Nezamozhnik* and *Petrovsky* to Naples in 1925. Boris Zilpert's essay on the Italian press was published in the «Journalist» in 1926. It was written based on the conversations in Rome with colleagues. The materials of A. Keen, D. Ilmsky, I. Robin are of considerable value for the purposes of historic and cultural studies. S. Ignatiev in his writings was able to illuminate the situation in the Italian colony of Eritrea. In the 1920s Soviet domestic press also actively collaborated with Italian journalists (G. Giogo, C. Rossi). Almost all materials of the Soviet press of the period under review emphasized the alienness of the fascist regime to the national character of the Italian people. Authors focused their attention on the Nazis' violation of civil rights and freedoms, the imposition of militarism, and the persecution of communists. The *Za rubezhom* magazine posted translations of the materials of the foreign press that were written in the similar vein. The author comes to the conclusion that the fascist regime of Benito Mussolini was criticized in the Soviet press from humanistic positions.

Keywords: Italy, USSR, fascism, press, Soviet-Italian relations, B. Mussolini, V. Vorovsky, G. Sandomirsky, B. Zilpert, I. Robin

For citation: Makulov, S. S. (2021) 'Soviet Diplomats and Journalists in Fascist Italy: Impressions about B. Mussolini Regime', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 80–88. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-80-88>

Введение.

Публикации в периодической печати являются ценным источником для изучения международных отношений и формирования «образа другого» в той или иной стране. Особенности советско-итальянских отношений в 1920 – 1930-е гг. (взаимная критика политических режимов при отсутствии серьёзных стратегических, экономических и культурных противоречий) делают свидетельства отечественных дипломатов и журналистов, работавших в Италии в эпоху Муссолини, весьма интересными для историков, специалистов по международным отношениям и культурологов. Тема данного исследования представляется актуальной ещё и потому, что его основные положения и выводы могут быть использованы в современном межгосударственном и межкультурном диалоге.

В основу исследования легли материалы советской печати рассматриваемого периода. Так как отечественный журналист 1920 – 1930-х гг. был вынужден следовать в своих публикациях партийной линии, то его очерки и репортажи достаточно развёрнуто иллюстрируют позицию советского руководства по различным вопросам. Цель работы — выявить общие отличительные особенности текстов отечественных авторов, побывавших в Италии тех лет. Важно иметь в виду: в 1920 – 1930-е гг. в СССР было издано довольно большое количество научной литературы и публицистики, посвящённой итальянскому фашизму, однако далеко не все их авторы имели возможность собирать материал на месте. Автор делает вывод, что отрицательное отношение к фашистскому режиму не распространялось у отечественных журналистов на итальянский народ, — он изображался жертвой своих правящих кругов.

Теоретические основания исследования. Работа может быть отнесена к области имагологии — изучения «образа другого». Как отмечает С.В. Чугров, «изучение реальной картины невозможно без учета поправок на действие стереотипов» [Чугров, 1993: 48]. Анализ текстов рассматриваемого периода произведён в контексте большевистско-фашистского идеологического противостояния (которое, однако, не сопровождалось до конца 1930-х гг. прямыми столкновениями СССР и Италии на международной арене). Стоит отметить, что за последние годы появился ряд новых исследований по данной теме. Так, В.К. Коломиец также анализирует впечатления первых советских дипломатов в Италии, но на основании других источников [Коломиец, 2014: 105], О.В. Дубровина изучает восприятие образа СССР в фашистской Италии¹. Отдельные аспекты пребывания соотечественников в Италии рассматривает И.Е. Эман [Эман, 2016]. Современным общемировым тенденциям в исследовании итальянского фашизма посвящена статья Д.С. Моисеева [Моисеев, 2016: 194]. В контексте изучаемой темы большое значение имеют классические исследования процессов межкультурной коммуникации [Hall, 1976; Dodd, 1998]. Из отечественных научных публикаций в этой области нужно отметить работы Н.В. Черняк [Черняк, 2016а; 2016б]. Более подробный обзор отечественной историографии итальянского фашизма проведён в моей кандидатской диссертации².

Результаты исследования. Советская печать рассматриваемого периода содержит большое количество публикаций на международные темы, которые до сих пор не были введены в научный оборот. Среди этих материалов особую роль играет публицистика (очерки, заметки, репортажи, опубликованные в различных советских изданиях 1920-х – 1930-х гг.), которая пред-

¹ Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России/СССР в фашистской Италии : 1922-1943 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00, 07.00.03 / Дубровина Ольга Владимировна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. — Москва, 2017. — 305 с.

² Макулов С.С. Проблемы восприятия итальянского фашизма в советской печати 1922-1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Макулов Сергей Сергеевич; науч. рук. Л.Г. Ивашов ; МГИМО МИД России. — Москва, 2019. — С. 11.

ставляет широкой советской общественности свидетельства очевидцев.

Несмотря на относительно небольшое количество материалов, опубликованных советскими журналистами и дипломатами по итогам их пребывания в фашистской Италии, они охватывают широкий круг вопросов: отношение рядовых итальянцев к советским гражданам и стране в целом, внутреннюю политику режима Б. Муссолини, деятельность итальянской компартии. Отдельно стоит отметить несомненные литературные достоинства, свойственные ряду текстов.

Обсуждение результатов. «Понять её [Италию] на расстоянии, не изучив на месте, трудно ещё и потому, что вокруг неё создано — на протяжении веков — бесконечное число нелепейших легенд» [Сандомирский, 1926: 8] — писал один из виднейших отечественных исследователей итальянского фашизма. Большинство советских журналистов, писавших об Италии и советско-итальянских отношениях, не имело возможности ознакомиться с режимом Б. Муссолини «вживую», поэтому свидетельства побывавших в Италии репортеров и дипломатов столь важны для современного исследователя.

Чрезвычайно значимым источником по истории советско-итальянских отношений могли бы стать мемуары первого посла РСФСР в Италии В.В. Воровского. О том, что он задумывал их написать «на старости лет», свидетельствуют воспоминания первого секретаря советского посольства в Риме Я.Я. Страуяна, опубликованные в журнале «Прожектор» в 1934 г. По словам Страуяна, Воровский успел глубоко изучить итальянскую действительность задолго до своего назначения в Рим. Он владел итальянским языком на таком уровне, что мог переводить произведения Габриэле Д'Аннунцио. Воровский был очень хорошо знаком с музеями Ватикана; как отмечает Страуян, особенно он любил стоять перед статуей Моисея Микеланджело в церкви San Pietro in Vincoli. Во время марша фаши-

стов на Рим в октябре 1922 г. Воровский на предложение уйти с балкона советского представительства ответил: «На то мы революционеры, чтобы не бояться смерти»³. Гибель Воровского в Лозанне лишила нас возможности ознакомиться с его воспоминаниями, а Страуян в 1938 г. пал жертвой политических репрессий. Однако тот факт, что посол любил сравнивать древнеримское государство с современной ему Италией, говорит о глубоком понимании страны, где ему пришлось работать.

По всей видимости, первым описанием контактов итальянцев и рядовых советских граждан стал репортаж о посещениях эсминцами «Петровский» и «Незаможник» Неаполя, вышедший в 1925 г. в журнале «Прожектор». В нём сообщалось, что местное население встретило моряков в порту доброжелательно, а один из неаполитанцев просил военмора подарить ему красную звезду с рукава. Однако, как сообщает корреспондент, после выхода с территории порта полиция задержала участников встречи. Итальянский официоз «Il Popolo d'Italia» объяснил это тем, что в Неаполь приехало много коммунистов.

В том же 1925 г. в «Огоньке» появляется очерк сотрудничавшего с журналом итальянца Г. Джого «Кризис фашизма в Италии». Он интересен уже своим заголовком — с самого прихода Б. Муссолини к власти его режиму сулили скорый крах. Это была одна из главных ошибок советской прессы тех лет в оценке итальянской действительности. Джого утверждает, что режим Муссолини стоит на насилии и называет фашистов «шестьдесят тысяч головорезов, готовых на все»⁴. Подчеркивается, что карабинеры относятся к чернорубашечникам с опаской. Но «серб и молот пестрит на всех заборах Рима» — пишет Джого. Переоценка силы итальянской компартии — а ещё одна ошибка, допускавшаяся в советской печати.

Другим интересным материалом, написанным итальянцем для советской печати, можно считать «В царстве чёрной

³ Страуян Я.Я. Воровский в Италии // Прожектор. — 1934. — № 9. — С. 23.

⁴ Джого Г. Кризис фашизма в Италии // Огонёк. — 1925. — № 7. — С. 12.

рубашки» Карло Росси. Он был напечатан в № 1 «Красной нови» за 1930 г. и содержит много информации об экономическом положении Италии, советско-итальянских отношениях, притеснении фашистами идеологических противников. Подавление режимом Муссолини политических свобод стало одной из главных мишеней для критики. Побывавший в 1925 г. в Неаполе журналист «Огонька» Г. Гольц отметил, что предвыборная агитация фашистов была гораздо более мощной, чем у их оппонентов. Эта тенденция заметна и в подборе переводных материалов об Италии, публиковавшихся в 1930-е гг. в журнале «За рубежом». Основными объектами для критики в них становилась агрессивная внешняя политика фашистского режима, борьба с инакомыслием, снижение уровня жизни простых итальянцев и попытки Муссолини милитаризовать общество. Кроме того, с 1938 г. постоянно подчёркивалось, что Рим в своих решениях становится зависим от Берлина.

Первым развернутым очерком о жизни в фашистской Италии, написанным советским репортёром, можно считать публикацию Б. М. Зильперта в № 4 «Журналиста» за 1926 г. Автор подмечает большое количество мелких деталей, и это насыщает материал фактической информацией. Собеседниками Зильперта становятся его коллеги. Так, журналист, которого он называет «К.», после прихода к власти Муссолини вернулся в Италию из САСШ и ударил камнем по голове батрака-революционера. Другой, «Г.», также участвовал в «охоте на красных». Однако упоминается и журнал «Москва — Рим», созданный фашистами для улучшения советско-итальянских отношений. «Рабочие Италии любят Москву и Ленина»⁵, — утверждает Зильперт. Факт тесного общения авторов с представителями разных слоёв местного населения важен тем, что, как показывают многие исследования, показатели межкультурной

компетенции (умение понимать и чувствовать представителя иной культуры) растут при погружении в среду [Черняк, 2016а : 33].

Значительную ценность представляет богато иллюстрированный материал советского писателя и журналиста А. Кина (Виктор Павлович Суворкин) «Вожди чернорубашечников»⁶, вышедший в № 39 «Красной панорамы» за 1926 г. Кратко охарактеризовав стереотипы об Италии, сложившиеся на тот момент, А. Кин отмечает, что рядом со старой Италией родилась новая, фашистская, и они сосуществуют: «...в праздник улица в их руках»⁷, — пишет он о фашистах. «Забитость и запуганность трудящихся масс в Италии <...> меня поразили» [Сандомирский, 1923: 7], — восклицает после возвращения на родину Г. Сандомирский. А. Кин не очень высокого мнения и о новых властителях Рим; прежде всего бросается в глаза, что у фашистской партии нет чёткой программы. «Муссолини — человек-стандарт, умеющий пользоваться момент, умеющий поддерживать и раздувать свою популярность в массах. Всё остальное, борющееся за посты при нём, уже неизменно мелко»⁸, — подчёркивает А. Кин, фиксируя внимание на внешнем отличии фашистов от обычной итальянской толпы.

Оказавшийся в 1933 г. в составе советской делегации на встрече Б. Муссолини и М.М. Литвинова карикатурист Борис Ефимов приписал дуче «дешёвую провинциальную помпу» [Молодяков, 2010: 167]. Однако «культурного шока», который известный исследователь К. Додд [Dodd, 1998: 217] приписывает многим оказавшимся в чужой среде иностранцам, отечественные дипломаты и журналисты, вероятно, не испытывали. Их критике подвергаются явления, которые вызвали бы отторжение и у представителей других культур. Следует также заметить, что личностно авторы рассматриваемых публикаций сложились ещё в досоветский период,

⁵ Зильперт Б.М. Из жизни мировых редакций // Журналист. — 1926. — № 4. — С. 16.

⁶ Материал подписан «А. Кин».

⁷ Кин А. Вожди чернорубашечников // Красная панорама. — 1926. — № 39. — С. 12.

⁸ Кин А. Вожди чернорубашечников // Красная панорама. — 1926. — № 39. — С. 12.

поэтому оценка наблюдаемых ими явлений могла отличаться от официальной позиции советского руководства.

В 1927 г. в издательстве ВЦСПС выходит брошюра Д. Илимского «Италия в руках фашистов». Однако интерес представляет не столько эта брошюра, сколько разгромная рецензия на неё А. Визнера, напечатанная в партийном журнале «Большевик». Первую главу, посвящённую личным впечатлениям Илимского о пребывании в Италии, Визнер называет «хаотической мелкобуржуазной болтовней журналиста, наблюдавшего Италию из окна вагона»⁹. Высмеиваются суждения автора о «пресловутой итальянской вспыльчивости и горячности», которые являются ничем иным, «как особой формой всеобщей истерии на фоне хронического недоедания». Истинные причины гнева Визнера становятся ясны позднее: Илимский уделил в брошюре слишком малое внимание деятельности итальянской компартии и подверг критике пролетариат. «...ему надо доказать, что итальянские рабочие, это — совсем бессознательный народ», — пишет рецензент.

В очерке «Венеция», опубликованном в 1931 г. в «Красной нови» автором под псевдонимом «Ибрагим», подчёркивается строгость итальянских пограничников, запрещавших провозить на территорию Италии «литературу» и иностранные газеты. Однако материал интересен нетипичной для тогдашней печати критикой рядовых итальянцев и их сравнением с русскими. «Итальянцы и русские любят пафос», «мои соотечественники и итальянцы — первоклассные в мире артисты и карманники»¹⁰, — заявляет автор. Неоднократно упоминается незнание итальянцами иностранных языков. Наблюдения отечественных журналистов и дипломатов подтверждают правоту одного из создателей теории межкультурной коммуникации Э. Холла [Hall, 1976: 189], относившего русскую и итальянскую культуру к высококонтексту-

альным, в которых большое значение придаётся невербальным способам передачи информации и воздействия на собеседника.

Культурная жизнь фашистской Италии также не оставалась без внимания советских журналистов. В 1935 г. в журнале «Красная новь» выходит очерк И. Робина «По итальянским уголкам», первая часть которого посвящена рассказу о посещении виллы «Витториале», где жил в те годы Габриэле Д'Аннунцио. Автору долго не удаётся попасть внутрь охраняемого жандармами этого сооружения, увенчанного башней в честь подвигов писателя-милитариста. Оказавшись наконец внутри, Робин обращает внимание на предметы военного происхождения — трофейные австрийские знамена, детали крыльев аэроплана, с которого Д'Аннунцио бомбил Вену, стрелковое оружие. «Его воодушевляют только шум бомбовозов и грохот двенадцатидюймовых орудий»¹¹, — говорит Робин о писателе. Во второй части очерка рассказывается о посещении коммуны, принадлежавшей графу Грациано Висконти. Последний изображается как надменный и высокомерный человек, гордящийся своей принадлежностью к древнему роду. Вероятно, очерк Робина — единственный случай в советской печати, когда критике подвергся не фашистский режим, а старая итальянская аристократия, сохранившая своё влияние при Муссолини.

В поле зрения советских авторов также попадала жизнь в итальянских колониях. В 1936 г. на фоне итало-абиссинской войны в «Красной нови» появляется очерк С. Игнатьева о пребывании до начала боевых действий в соседней с Абиссинией Эритрее¹². В нём подчёркивается нежелание итальянцев переселяться на колонизированные территории, культ денег и чинов, дискриминация метисов. Материал сопровождается большим количеством фотографий, имеющих в настоящее время большую

⁹ Визнер А. Италия в руках фашистов (рецензия) // Прожектор. — 1928. — № 5. — С. 89.

¹⁰ Ибрагим. Венеция // Красная новь. — 1931. — № 5-6. — С. 165.

¹¹ Робин И. По итальянским уголкам // Красная новь. — 1935. — № 7. — С. 155.

¹² Игнатьев С. В столице Абиссинии // Красная новь. — 1936. — № 7. — С. 191.

историческую ценность. Перед началом военных действий Игнатьев побывал и в Абиссинии.

Изучение материалов исследования приводит к выводу о частичном влиянии на их авторов ряда стереотипов, сложившихся под влиянием советской пропаганды. Например, видятся недостаточно обоснованными утверждения о кризисе фашизма, нарастании мощи итальянского рабочего движения и упрочении положения итальянской коммунистической партии. Не представляется возможным однозначно определить: является ли следование подобным стереотипам и/или идеологическим установкам данью времени (ведь по понятным причинам при отсутствии хотя бы минимального количества «политкорректных» суждений представленные тексты вряд ли были бы опубликованы), или же авторы заметок и очерков искренне разделяли те или иные идеологические положения.

В то же время нельзя не отметить, что, оказавшись в фашистской Италии в качестве очевидцев укрепления позиций итальянского фашизма, российские дипломаты и журналисты проявили завидную наблюдательность. Их материалы фокусируют внимание читателей на росте милитаризма и проявлениях репрессивной политики фашистского режима; обсуждают тему угнетения рядовых граждан, выделяют особенности взаимодействия различных социальных слоёв внутри итальянского общества, анализируют колониальную политику режима Б. Муссолини, — то есть позволяют независимому наблюдателю составить мозаичную и вместе с тем

целостную картину жизни итальянского общества. Изучение новых источников, введённых в оборот в данной работе, в очередной раз подтверждает: опыт реального общения со страной, с её рядовыми жителями (причём как сторонниками, так и противниками фашистов) способствовал более глубокому пониманию советскими авторами социокультурной действительности Италии в период укрепления режима Б. Муссолини. В свою очередь, изучение оставленных ими свидетельств способствует созданию более развёрнутой, детализированной и научно обоснованной картины жизни Италии тех лет, а также может послужить основанием деконструкции ряда стереотипов о взаимодействии культур России и Италии в указанный период.

Заключение. Итак, исследование показывает, что многие из рассмотренных материалов имеют не меньшую историческую ценность, чем архивные материалы и научные труды. Публикации советских дипломатов и журналистов — не только значимые историко-культурные свидетельства конкретных событий. Они передают атмосферу эпохи — фиксируют бытующие стереотипы и идеологические установки, закрепляющие в общественном сознании «образ Другого»; описывают динамику политико-дипломатических ожиданий; выражают личные и профессиональные интересы. Обращение к подобным публикациям представляется перспективным направлением дальнейшей работы историков, культурологов, филологов, а также специалистов по международным отношениям на материале других периодов и регионов.

Список литературы:

Чугров С.В. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. — 1993. — № 1. — С. 41–53.

Коломиец В.К. Путешествующие по казенной надобности. Советская номенклатура первого послеоктябрьского десятилетия об Италии // Путешествие в Италию — путешествие в Россию. Сборник статей по материалам итало-российских исторических конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. Крупенина Е.В. — Москва : ООО «Типография ВП-принт», 2014. — С. 105–109.

Эман И.Е. 2016.01.021-022. Европейские страны в восприятии русского путешественника: на примере Италии и Англии (сводный реферат). // Социальные и гуманитарные науки Отечественная и зарубежная литература Серия 5: История Реферативный журнал. — 2016. — № 1. — С. 146–159.

Моисеев Д.С. Интеллектуальная история итальянского фашизма современные подходы // Диалог со временем. — 2016. — № 55. — С. 194–207.

Hall E.T. *Beyond culture*. — New York : Anchor Press, 1976. — 256 p.

Dodd C.H. *Dynamics of intercultural communication*. — Boston : McGraw Hill, 1998. — XIII, 289 p.

Черняк Н.В. Межкультурная компетенция: история исследования, определение, модели и методы контроля. — Москва : ФЛИНТА, 2016а. — 260 с.

Черняк Н.В. История становления научной концепции межкультурной компетенции в отечественной и зарубежной педагогике // Педагогика и психология образования. — 2016б. — № 3. — С. 29–39.

Сандомирский Г.Б. Италия наших дней. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. — 106 с.

Сандомирский Г.Б. Фашизм. — Москва ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. — 153 с.

Молодяков В.Э. Россия и Италия : секреты дружбы 1920-1935. — Москва : Просвещение, 2010. — 172 с.

References:

Chugrov, S. V. (1993) 'Etnicheskiye stereotipy i ikh vliyaniye na formirovaniye obshchestvennogo mneniya. [Ethnic stereotypes and their influence on the formation of public opinion]', *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (1), pp. 41–53. (In Russian).

Kolomiets, V. K. (2014) 'Puteshestvuyushchie po kazennoj nadobnosti. Sovetskaya nomenklatura pervogo posleoktyabr'skogo desyatiletiya ob Italii [Traveling out of government necessity. Soviet nomenclature of the first post-October decade about Italy]', in *Puteshestvie v Italiyu - puteshestvie v Rossiyu [Travel to Italy - travel to Russia]. Conference proceedings*. Moscow: Tipografia VP-print Publ., pp. 105–109. (In Russian).

Eman, I. E. (2016) '2016.01.021-022. Evropejskie strany v vospriyatii russkogo puteshestvennika: na primere Italii i Anglii (svodnyj referat). [European countries in the perception of the Russian traveler: the example of Italy and England (summary abstract)]', *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 5: History*, (1), pp. 146–159. (In Russian).

Moiseev, D. S. (2016) 'Intellectual history of Italian Fascism: contemporary approaches', *Dialog so Vremem*, (55), pp. 194–207. (In Russian).

Hall, E. T. (1976) *Beyond culture*. New York: Anchor Press.

Dodd, C. H. (1998) *Dynamics of intercultural communication*. Boston: McGraw Hill.

Chernyak, N. V. (2016a) *Mezhkul'turnaya kompetenciya: istoriya issledovaniya, opredelenie, modeli i metody kontrolya. [Intercultural competence: research history, definition, models and methods of control]*. Moscow: FLINTA. (In Russian).

Chernyak, N. V. (2016b) 'The history of the formation of the scientific concept of intercultural competence in domestic and foreign pedagogy', *Pedagogy and Psychology of Education*, (3), pp. 29–39. (In Russian).

Sandomirskij, G. B. (1926) *Italiya nashikh dnei [Italy of our day]*. Moscow ; Leningrad: Gosizdat Publ. (In Russian).

Sandomirskij, G. B. (1923) *Fashizm [Fascism]*. Moscow ; Petrograd: Gosizdat Publ. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2010) *Rossia i Italiia : sekrety druzhby, 1920-1935 [Russia and Italy: the secrets of friendship (1920-1935)]*. Moskva: Prosveshchenie. (In Russian).

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Макулов — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Sergey S. Makulov — PhD in History, Lecturer of the Department of International Journalism, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 20.12.2020; одобрена после рецензирования 23.05.2021; принята к публикации 09.06.2021.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 23.05.2021; accepted for publication 09.06.2021.



КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СВЯЗИ ИНДИИ И КИТАЯ В НАШИ ДНИ

Эллина Петровна Шавлай

МГИМО МИД России, Москва, Россия

shavlaj.e.p@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5380-7009>



Аннотация. Индийско-китайские двусторонние отношения на современном этапе, впрочем, как и со второй половины XX в., незаслуженно слабо освещаются как в отечественной, так и в зарубежной науке. Индию и КНР, ввиду усиления их экономической мощи и постепенного увеличения политического веса, всё чаще рассматривают как геополитических соперников, отдавая предпочтение их региональному, а не двустороннему взаимодействию. Особенно характерным является отсутствие статей, посвященных культурно-цивилизационным связям двух государств. Прежде всего, это обусловлено ограниченным характером этих контактов в силу целого ряда геополитических и исторических причин. Разделенные цепью высочайших в мире гор, азиатские гиганты тысячелетиями развивались как бы параллельно, и до середины XX в. их взаимодействие носило ограниченный характер. Лишь во второй половине двадцатого столетия сформировалось то неоднозначное восприятие странами друг друга, которое во многом по-прежнему продолжает сдерживать их сотрудничество не только в культурной сфере, но и на других направлениях. Кроме того, и сами Индия и Китай мало внимания уделяют данному аспекту двусторонних отношений, поскольку на данном этапе оно не является приоритетным в условиях недоверия и соперничества между ними. Даже статистические данные мало представлены как в индийских, так и в китайских источниках. Однако именно этот вектор сотрудничества способен несколько сгладить противоречия, накопившиеся между странами в других областях, и способствовать лучшему пониманию друг друга, что особенно актуально и необходимо в условиях повышения значимости медиапространства и контактов на уровне граждан (people-to-people contacts). Данная статья призвана восполнить пробел, существующий сегодня в научном поле в отношении диалога культур между Дели и Пекином. Автор рассматривает основные элементы культурного сотрудничества Дели и Пекина, обозначает ключевые проблемы, с которыми они сталкиваются, а также указывает на возможности для развития соответствующего взаимодействия.

Ключевые слова: Индия, Китай, культурные связи, буддизм, йога, наксалиты, СМИ, туризм

Для цитирования: Шавлай Э.П. Культурно-цивилизационные связи Индии и Китая в наши дни // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 89–99. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-89-99>

Research article

CULTURAL AND CIVILIZATIONAL TIES BETWEEN INDIA AND CHINA TODAY

Ellina P. Shavlay

MGIMO University, Moscow, Russia
shavlaj.e.p@my.mgimo.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5380-7009>

Abstract. From the second half of the 20th century bilateral relations between India and China have not received adequate coverage in domestic and foreign science. India and China, due to the strengthening of their economies and the gradual increase in political weight in the world arena, are increasingly viewed as geopolitical rivals, with the emphasis shifting from their bilateral to regional cooperation. It is notable that there are almost no articles on the cultural and civilizational ties between the countries. First of all, this is due to the limited nature of these contacts determined by a number of geopolitical and historical reasons. The countries separated by the world tallest mountain range developed independently from one another with little interaction between them, and it was not until the second half of the 20th century that these Asian powerhouses established solid relations. The bipolar period, in fact, formed the countries' ambiguous perception of each other, which in many respects continues to restrain cooperation not only in the cultural sphere, but also in other areas. In addition, China and India themselves tend to pay little attention to this lack of communication, since at this stage and in the context of mistrust and rivalry cultural and civilizational ties are not a priority. Even statistics are scarce in both Indian and Chinese sources. At the same time, it is this line of cooperation that might somewhat smooth out the contradictions that have accumulated between the countries in other areas and contribute to a better understanding of each other. Because of intensifying personal contacts between the citizens of both countries and growing importance of the media sphere this mutual understanding is of utmost importance. This article aims to fill the gap that exists today in the scientific field regarding the dialogue of cultures between Delhi and Beijing. The author examines the main elements of cultural cooperation between the two countries and identifies the key problems they face today, as well as points out the opportunities for rapprochement based on the areas that make possible the development of appropriate interaction: religion, traditional health practices, similarities in the political outlook, large expatriot communities, education, art and tourism.

Keywords: India, China, cultural ties, Buddhism, Yoga, Naxalites, mass media, tourism

For citation: Shavlay, E. P. (2021) 'Cultural and Civilizational Ties between India and China Today', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 89–99. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-89-99>

Индия и Китай подарили миру множество изобретений, философских учений и культурных достижений. Будучи древнейшими цивилизациями, они, безусловно, не могли не оставить культурный след и в истории друг друга. Так, считается, что первые контакты имели место около полутора тысяч лет до нашей эры¹. Как правило, они осуществлялись благодаря путешественникам, торговцам и паломникам, чей путь протекал через территории этих стран. Показательный пример в этой связи — роман китайского писателя и поэта XVI в. У Чэнцзяна «Путешествие на Запад», который основан на народных легендах о путешествии монаха Сюаньцзана в Индию — именно через это произведение китайской литературы, можно сказать, и начал формироваться интерес Китая к своему соседу².

Однако в современных отечественных и зарубежных научных исследованиях очень малое количество работ посвящено культурному сотрудничеству двух азиатских гигантов, основное внимание уделяется их геополитическому и экономическому соперничеству в регионе и в мире. Среди тех немногих работ, которые затрагивают рассматриваемую в статье сферу, следует отдельно выделить, пожалуй, монографии директора Центра изучения глобальной Азии, профессора истории Тансена Сена, который действительно глубоко анализирует культурные связи двух стран через призму их исторической динамики с древних времен до настоящего времени [См. Sen, Mair, 2012; Buddhism across Asia, 2014, Sen, 2016, 2017]. В этой связи при выделении ключевых тенденций автор преимущественно опирался на них, а также на

ряд тематических статей, документы соответствующих министерств и ведомств, сборники статистических данных и сообщения СМИ. Критерием выделения определяющих элементов культурно-цивилизационного взаимодействия Нью-Дели и Пекина, в свою очередь, стало их значение для индийско-китайского диалога.

Наиболее ярким воплощением индийско-китайского культурного обмена считается *буддизм*, который хотя и не прижился на своей родине в Индии (сегодня лишь 0,7 % населения считают себя сторонниками этого учения³, причем это приверженцы тибетского буддизма, ранее называемого ламаизмом), но распространился далеко за её пределы, главным образом — в Китае (по приблизительным оценкам, 18 % китайцев — буддисты, что составляет около половины всех последователей буддизма в мире⁴) и странах Юго-Восточной Азии. До сих пор влияние этого учения является значимым и для индийско-китайского диалога культур, и для Азии в целом [Sen, 2017: 6]. Даже экономическая инициатива Китая «Один пояс — один путь» во многом базируется на маршрутах, по которым проходили буддистские монахи, проповедуя своё учение в регионе [Palit, 2017: 263]. Индийская сторона, в свою очередь, поддерживает сохранение общих культурных традиций, в частности строя буддистские храмы на территории КНР⁵, а также поддерживая и воздвигая памятники, подчеркивающие общность индийской и китайской истории и совместный вклад каждой страны в распространении учения Будды (хотя как инструмент мягкой силы Индия стала использовать буддизм только при Нарендре Моди)⁶. Добавим, что ставшие

¹ India-China Bilateral Relations // Ministry of External Affairs, Government of India. — 2017. — Oct. — P. 4. — URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf (Accessed: 09.05.2021).

² 张绪通 “西游记对中国人思想的影响”, Zhāngxùtōng xiǎoyóu jì duì zhōngguó rén sīxiǎng de yǐngxiǎng (Чжан Сюйтун «Влияние “Путешествия на Запад” на китайскую мысль»). — URL: <http://www.zhongguozhihui.com/discourses/articles/TopicArticle2.html> (Accessed: 09.05.2021).

³ C-1 Population by Religious Community // Census of India Website : Office of the Registrar General & Census Commissioner. — India. — URL: <http://www.censusindia.gov.in/2011census/C-01.html> (Accessed: 09.05.2021).

⁴ Starr J.K. 2019. 5 Facts about Buddhists around the World // Pew Research Center. — 2019. — 5 Apr. — URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/05/5-facts-about-buddhists-around-the-world/> (Accessed: 09.05.2021).

⁵ President inaugurating the White Horse Temple // Embassy of India, Beijing. — 2010. — URL: <https://www.eoibeijing.gov.in/president-white-horse-temple.php> (Accessed: 09.05.2021).

⁶ India-China Bilateral Relations, p. 4.

ключевыми для новейшей истории индийско-китайских отношений принципы «*Панча шила*» (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование), регламентировавшие «кодекс поведения» двух азиатских государств, по сути, обязаны своим названием именно буддизму, в котором так обозначаются условные «заповеди» («шила» — заповедь, на санскрите) [Wolf, 2020: 171]. Они закреплены в подписанном 29 апреля 1954 г. *Соглашении о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией*, после которого стали звучать лозунги о китайско-индийском «братстве» («хинди-чини бхай-бхай»)⁷. С другой стороны, буддистский фактор оказывает и негативное влияние на диалог между странами: правительство Далай-ламы, религиозного лидера всего буддистского мира, находится в Индии; на индийской же территории расположен и Таванг — одно из нескольких мест его возможной реинкарнации, в связи с чем его принадлежность оспаривается Китаем [Шавлай, 2020: 4,8].

Помимо буддизма, китайцы переняли от индийцев *йогу* — при том в большей степени именно как комплекс упражнений, а не как совокупность мировоззренческих установок, одной из шести основных философских школ Древней Индии⁸. Высока вероятность того, что именно через буддистское учение йога, пусть и претерпев ряд трансформаций и приобретя китайскую специфику, стала практиковаться и в Китае. Несмотря на то, что интерес к йоге в индийском понимании не нашёл широкого отклика среди китайского населения,

сегодня она активно популяризируется как в КНР, так и по всему миру и представляет собой один из инструментов продвижения индийской «мягкой силы». Стоит отметить, что в декабре 2014 г. Пекин стал одним из коспонсоров индийской резолюции в ООН об учреждении *Международного дня* йоги 21 июня⁹. Дни йоги особенно популярны в восточной части Китая, а проводятся они в формате занятий, совмещающих две практики — индийскую йогу и китайское боевое искусство *тай-чи* (один из видов ушу)¹⁰. Интересно, что такой «культурный обмен» иногда происходит даже во время совместных военных учений индийцев и китайцев, что позволяет солдатам с обеих сторон повысить доверие друг к другу и укрепляет дружественные связи между армиями двух государств¹¹.

Однако не стоит сводить культурно-цивилизационное обогащение двух культур к их давнему историческому прошлому, ведь до середины XX в. в силу объективных географических причин индийско-китайские отношения носили ограниченный характер, а полноценное двустороннее взаимодействие ведёт свою историю уже с биполярного периода, когда Индия и КНР стали независимыми государствами. Новейшая история привнесла свои особенности, последствия которых ощущаются вплоть до сегодняшнего дня. Так, XX век ознаменовался установлением коммунистического режима в Китайской Народной Республике, что не могло не оказать воздействие на соседнее внеблоковое государство. Китай всячески стремился поддерживать индийских коммунистов, при этом играя не последнюю роль в содействии сторонникам коммунизма именно по китайскому

⁷ Agreement on Trade and Intercourse with Tibet Region, Peking, April 29, 1954 // Ministry of External Affairs, Government of India. — 2019. — Sep. — URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7807/Agreement+on+Trade+and+Intercourse+with+Tibet+Region> (Accessed: 09.05.2021).

⁸ Маслов А.А. Что случилось с йогой в Китае? // *Центр Шаолинь*. — 2010. — URL: <https://centrshaolin.ru/question-joga.html> (Accessed: 09.05.2021).

⁹ United Nations Adopts PM Modi's Proposal, Declares an International Yoga Day // *NDTV Food*. — 2014. — 12 Dec. — URL: <https://food.ndtv.com/food-drinks/united-nations-adopts-pm-modis-proposal-declares-an-international-yoga-day-712099> (Accessed: 09.05.2021).

¹⁰ 9 Chinese Cities to Host Yoga Day Celebrations // *NDTV Food*. — 2016. — 17 Jun. — URL: <https://www.ndtv.com/world-news/9-chinese-cities-to-host-yoga-day-celebrations-1420417> (Accessed: 09.05.2021).

¹¹ Yuwei H. China, India resume annual counter-terrorism exercise amid improved military trust // *The Global Times English Edition*: China, World. . — 2018. — 24 Dec. — URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1133407.shtml> (Accessed: 09.05.2021).

«образцу» в противовес тем, кто выбрал «советский» вариант: труды Мао Цзэдуна активно переводились на английский и индийские языки, индийские делегации приглашались в Китай, китайские представители взаимодействовали с различными индийскими организациями [Passin, 1961: 85–88]. Иными словами, сначала они взаимодействовали с Коммунистической партией Индии (КПИ), которая, однако, выбрала для себя «просоветский» курс, короткое время заигрывали с отколовшейся в 1964 г. от КПИ Коммунистической партией (марксистской; КПИ(м)), а потом переключили свое внимание на Коммунистическую партию (марксистско-ленинскую), образованную в 1969 г. радикалами, вышедшими из КПИ(м) и тесно связанными с индийскими маоистами [Mohanty, 1991: 27]. Увлечение коммунистическими идеями в «китайском ключе» непосредственным образом сказало на методах, которыми планировалось достичь их реализации — путь китайской революции был признан образцовым, а соответственно уничтожение «классовых врагов» стало ассоциироваться со следованием идеям Мао [Mohanty, 1991: 31–32]. Безусловно, маоизм как идеология, предполагающая осуществление «новой демократической революции» как фундамента для построения социализма, получил широкое развитие в 1960-е гг. на фоне «культурной революции» в Китае [Gupta, 2006: 3173]. С тех пор **маоисты**, или **наксалиты** (название происходит от места первого крупного восстания радикальных маоистских группировок — деревни Наксальбари, штат Западная Бенгалия), воспринимаются как сила, подрывающая общественный порядок и государственные устои, а значит представляющая угрозу национальной безопасности страны¹². Неудивитель-

но, что в 2006 г. премьер-министр Индии Манмохан Сингх выразил уверенность, что именно «движение наксалитов является самым серьезным вызовом внутренней безопасности, с которым когда-либо сталкивалась страна»¹³. Коммунистическая партия Китая (КПК) изначально поддерживала стремления наксалитов¹⁴, однако после смерти Мао Цзэдуна и с приходом к власти Дэн Сяопина идеологическая линия самой КНР претерпела сильные изменения: маоизм утратил былую значимость, а следовательно, и его индийские последователи (которые, кстати сказать, тоже потеряли связь с учением «Великого кормчего») уже не представляли интерес для КПК. И хотя сейчас сохранение маоизма связано преимущественно с внутренними проблемами (бедность, неравенство и пр.), всё же не стоит забывать о первоначальных идеологических основаниях этого феномена, который всё ещё оказывает влияние на индийскую политику.

Есть и позитивные идеологические установки, имеющие корни в относительно недавнем историческом прошлом двух стран и связывающие Индию и Китай в наше время. Речь идёт об общем колониальном опыте этих государств (в частности, негативные последствия колониальной политики британской Ост-Индской компании¹⁵), который сплотил их в борьбе за справедливое распределение благ и сблизило их **мирополитические взгляды** (хотя Китай, в отличие от Индии, никогда не был колонией, он всё же испытывал на себе влияние различных иностранных государств, которые вторгались на его территории в случае конфликта интересов [Перминова, 2012: 176–177]). Оба государства выступают за полицентричный миропорядок, разделяют необходимость

¹² India's Maoist rebels: An explainer // *Al-Jazeera News*. — 2017. — 26 Apr. — URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/04/india-maoist-rebels-explainer-170426132812114.html> (Accessed: 09.05.2021).

¹³ PM's speech at the Chief Minister's meet on Naxalism // Former Prime Minister of India, Prime Minister's Office. — 2016. — 13 Apr. — URL: <https://archivepmo.nic.in/drmanmohansingh/speech-details.php?nodeid=302> (Accessed: 09.05.2021).

¹⁴ Sahoo N. India, China and the ironies of Maoism. // Observer Research Foundation. — 2017. — 18 May. — URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/indian-china-ironies-of-maoism/> (Accessed: 10.05.2021).

¹⁵ Князев С. «Целый субконтинент стал жертвой насилия»: какую роль Британская Ост-Индская компания сыграла в мировой истории // *Russia Today на русском* — 2018. — 2 авг. — URL: <https://russian.rt.com/science/article/541812-istoriya-ost-indskaya-kompaniya> (Дата обращения: 10.05.2021).

сотрудничать по линии Юг-Юг, стремятся улучшить положение стран развивающегося мира и сталкиваются со схожими социально-экономическими проблемами, во многом ставшие следствием империализма и неоимпериализма [Miller, 2013: 66]. После появления на карте мира в качестве новых политических субъектов¹⁶ Индия (1947 г.) и Китай (1949 г.) выбрали разные пути развития, но в 1955 г. в Бандунге они подтвердили свою приверженность идеям незападного мира о противостоянии колониализму стран Севера и признали необходимость коллективных усилий стран Азии и Африки для всеобщего мира и процветания [Eslava, Fakhri, Nesiah, 2017: 189]. Несмотря на усиливающееся геополитическое соперничество, Дели и Пекин по сей день содействуют реализации принципов, заложенных на Бандунгской конференции, которые они продвигают в рамках Большой Двадцатки или на Конференции по диалогу между цивилизациями Азии¹⁷.

Если всё же отойти от исследования историко-идеологического наполнения индийско-китайского культурно-цивилизационного взаимодействия, то приходится констатировать, что в остальном связи двух государств развиты крайне слабо. Учитывая численность населения обеих стран и масштабность распространения их

диаспор по всему миру (Индия на первом, Китай — на третьем месте в мировом рейтинге стран с крупнейшими диаспорами¹⁸), тот факт, что индийская диаспора в Китае насчитывает чуть более 56 тысяч человек (данные индийской статистики¹⁹), а китайская в Индии — 18165 (совокупные данные ООН за весь период 1990 – 2019 гг.²⁰), свидетельствует о том, что непосредственные контакты между населением двух государств (people-to-people ties) довольно ограничены и не находятся в списке приоритетных направлений развития сотрудничества.

Образовательные обмены также довольно немногочисленны. В Индии проходят обучение около 2 тысяч китайских студентов²¹, в Китае же число индийских студентов составляет чуть более 23 тысяч человек (по этому показателю Индия находится на 4 месте после Южной Кореи, Таиланда и Пакистана)²². Для сравнения в США учатся почти 370 тысяч китайцев и чуть больше 202 тысяч индийцев²³. Однако стоит заметить, что индийские граждане всё чаще выбирают для себя китайские университеты, что связано с рядом факторов: низкие издержки на обучение и проживание, близость к дому, а также большой спектр курсов на английском языке²⁴. Особенно часто выбираемыми являются

¹⁶ Отметим, что Индия одной из первых некоммунистических стран признала независимость КНР и поддерживала её право на занятие места Китайской Республики в ООН.

¹⁷ Peigen X., Yi C., Liqi X. Three cheers for civilization: China conference brings Asia together // The Hindu. — 2019. — 15 May. — URL: <https://www.thehindu.com/brandhub/three-cheers-for-civilization-china-conference-brings-asia-together/article27135086.ece> (Accessed: 10.05.2021).

¹⁸ International Migration 2019: Report (ST/ESA/SER.A/438) // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. — New York, 2019. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf (Accessed: 10.05.2021).

¹⁹ Population of Overseas Indians // Ministry of External Affairs, Government of India: Overseas Indian Affairs. — 2018. — URL: https://mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf (Accessed: 10.05.2021).

²⁰ Total migrant stock at mid-year by origin and by major area, region, country or area of destination, 1990-2019 // Department of Economic and Social Affairs, United Nations: International migrant stock 2019. — URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (Accessed: 10.05.2021).

²¹ Patil R. India and China need a push to encourage more people to live across the border // The Economic Times. — 2015. — 13 May. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/india-and-china-need-a-push-to-encourage-more-people-to-live-across-the-border/> (Accessed: 10.05.2021).

²² Statistical report on international students in China for 2018 // Ministry of Education of the People's Republic of China. — 2019. — 18 Apr. — URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (Accessed: 10.05.2021).

²³ Hickey C.K. New Data Shows Slowdown in Growth of International Students in the U.S. // Foreign Policy. — 2019. — 20 Nov. — URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/20/new-data-shows-slowdown-in-growth-of-international-students-in-the-u-s-china-india-saudi-arabia/> (Accessed: 10.05.2021).

²⁴ Xinying Z. More Indians studying in China // China Daily: Education. — 2015. — 25 May. — URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/25/content_20807203.htm (Accessed: 10.05.2021).

медицинское направление и курсы по изучению китайского языка и китайской культуры, хотя в последнее время и инженерные науки набирают популярность²⁵. С китайскими студентами ситуация гораздо сложнее. Помимо сложностей с языковым барьером, а курсов на китайском не так уже и много, равно как и преподавателей китайского языка²⁶, они сталкиваются с достаточно жёсткими нормативно-правовыми условиями (визовые вопросы, бюрократия, ограничения на сотрудничество индийских и китайских мозговых центров и пр.)²⁷, небезопасной социальной средой (студентов, в частности, беспокоит неуважительное отношение к женщинам и негативное восприятие китайских граждан) и невозможностью трудоустроиться после окончания обучения — большинство китайских выпускников индийских ВУЗов возвращаются на родину, где гораздо легче найти работу²⁸. Тем не менее китайские студенты заинтересованы в изучении хинди, который пока является лидирующим среди выбираемых предметов²⁹. На государственном уровне осуществляются некоторые шаги для улучшения ситуации с индийско-китайским диалогом в сфере образования. Так, в 2006 г. правительства двух государств подписали соглашение о программе образовательных обменов, в рамках которой для студентов с обеих сто-

рон выделяются стипендии на обучение в высших учебных заведениях и прохождении курсов языка хинди³⁰ (с китайским языком ситуация несколько сложнее: как правило, базовые знания требуются от студентов ещё до поездки в Китай, а его преподавание в Индии ограничено несколькими институтами), ведётся работа по дипломатическим каналам (организуются индийские и китайские центры культуры, проводятся курсы и совместные мероприятия), на регулярной основе проводятся встречи представителей интеллектуальных кругов³¹. И всё же на данный момент предпринимаемых мер недостаточно, чтобы добиться реального прогресса на этом направлении.

Киноиндустрия, театральное и иные виды искусств были довольно популярны в обеих странах в периоды налаживания двустороннего взаимодействия (1950-е и 1980-е гг.)³². Однако со временем, на фоне ухудшения политических отношений — особенно после войны 1962 г.³³ — интерес друг к другу во всех сферах, в том числе и в культуре, стал постепенно угасать. Лишь недавно популярность индийских фестивалей, выставок, театральных спектаклей и, главным образом, Болливуда в Китае вновь стала возрастать³⁴, так как большинство из них отражает общие для индийского и китайского общества социально-эко-

²⁵ Pushkar. If 'Study in India' Is to Be a Hit, We Must Get Right What China Has Perfected // The Wire: Education. — 2018. — 15 May. — URL: <https://thewire.in/education/if-study-in-india-is-to-be-a-hit-we-must-get-right-what-china-has-perfected> (Accessed: 10.05.2021).

²⁶ China is ready for an educational exchange programme with Kerala // Kaumundi Online. — 2019. — 24 Feb. — URL: <https://keralakaumudi.com/en/news/news.php?id=53314&u=china-is-ready-for-an-educational-exchange-programme-with-kerala-53314> (Accessed: 10.05.2021).

²⁷ Niazi S. India restricts university collaborations with China // University World News. — 2019. — 10 Oct. — URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2019101013182324> (Accessed: 10.05.2021).

²⁸ Ding Q. China emerges as a more popular education hub for Indian students // CCTV: Exclusive. — 2018. — 6 Jan. — URL: <http://english.cctv.com/2018/06/01/ARTImmQZQN9kSAoshNAE0xCI180601.shtml> (Accessed: 10.05.2021).

²⁹ Number of Indian students in China crosses 13,500 // The Economic Times. — 2015. — 25 May. — URL: https://economictimes.indiatimes.com/nri/nris-in-news/number-of-indian-students-in-china-crosses-13500/articleshow/47420552.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (Accessed: 10.05.2021).

³⁰ India-China Bilateral Relations, p. 5.

³¹ India and China discuss education cooperation, possibility of mutually recognising qualifications // India Today. — 2019. — 16 Oct. — URL: <https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/india-china-discuss-education-cooperation-at-first-joint-working-group-meet-1610062-2019-10-16> (Accessed: 10.05.2021).

³² Bosu R.S. Dargal underlines popularity of Indian films in China // China Daily. — 2017. — 20 Jul. — URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-07/20/content_30186720.htm (Accessed: 10.05.2021).

³³ Война была начата китайцами 20 октября 1962 г., а 21 ноября они уже вывели свои войска, оставив за собой Аксай-Чин. Индийцы остались проигравшей стороной.

³⁴ India-China Bilateral Relations, p. 4.

номические проблемы³⁵. Совсем недавно для обеспечения продуктивного партнёрства Индия и Китай подписали соглашения по культурным обменам, сотрудничеству в сфере здравоохранения, спорта и управления музеями³⁶.

Туризм развивается довольно динамично, Индия и Китай привлекают всё больше внимания со стороны своих соседей, хотя ни одно из государств до 2018 г. не входило в десятку стран другого по числу туристов³⁷. Вместе с тем индийское правительство постепенно упрощает систему получения туристических виз (есть возможность получить электронную визу онлайн), устанавливает знаки с названиями достопримечательностей на разных языках (в частности, китайском), открывает прежде закрытые локации (Гималаи), а также продвигает альтернативные туристические маршруты для ознакомления туристов не только с традиционными местами для посещения, но и не столь известными направлениям³⁸. Вместе с тем за 2018 г. Китай посетило около 865 тысяч индийцев³⁹, а Индию — чуть более 280 тысяч китайцев, что говорит о непропорциональности и относительно слабом развитии двусторонних туристических обменов между странами⁴⁰.

Отдельно отметим, что для сближения двух государств были предприняты и шаги более «локального» уровня: между Пекином и Дели, Куньмином и Калькуттой, Чэнду и Бангалором были подписаны договоры, в результате которых они впервые в истории стали **городами-побратимами**⁴¹.

Сотрудничество двух государств по линии СМИ носит весьма специфический характер в связи с особенностями внутривосточной системы обеих стран, а также их двусторонних отношений. Во-первых, разительно отличается функционирование индийской и китайской прессы: если первые в основном являются частными, пользуются демократическими свободами и хоть и осторожно, но критикуют правительство, то последние всецело подчинены государству, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на то, как именно транслируются те или иные события, и как они подаются отечественной аудитории⁴². Более того, недавно китайское правительство уличили в манипулировании иностранными журналистами посредством предоставления им максимально эксклюзивных условий (доступ к государственным структурам, высокая оплата труда, проживание и пр.) для создания более благоприятного образа Китая за рубежом⁴³. Во-вторых,

³⁵ Yau E. Why Indian films like Dangal and Toilet are so popular in China: similar problems // South China Morning Post. — 2018. — 11 Dec. — URL: <https://www.scmp.com/culture/film-tv/article/2177193/why-indian-films-dangal-and-toilet-are-so-popular-china-similar> (Accessed: 10.05.2021).

³⁶ India, China sign 4 agreements to strengthen people-to-people ties // India Today. — 2019. — 12 Aug. — URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-agreements-strengthen-ties-1580115-2019-08-12> (Accessed: 10.05.2021).

³⁷ India Tourism Statistics at a Glance, 2018 // Ministry of Tourism, Government of India. — 2019. — p. 6. — URL: https://tourism.gov.in/sites/default/files/2020-04/ITS_Glance_2018_Eng_Version_for_Mail.pdf (Accessed: 10.05.2021); China Inbound Tourism in 2017 // Travel China Guide. — URL: <https://www.travelchinaguide.com/tourism/2017statistics/inbound.htm#:~:text=According%20to%20reports%20from%20Ministry,by%203.6%25%20year%20on%20year> (Accessed: 10.05.2021).

³⁸ Mathur S. With eye on tourists from China, India revamps policy // Times of India. — 2019. — 31 Dec. — URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/73038706.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (Accessed: 10.05.2021); Pariona A. Top Source Countries for Tourists to China // World Atlas. — 2017. — 1 Aug. — URL: <https://www.worldatlas.com/articles/top-source-countries-for-tourists-to-china.html> (Accessed: 10.05.2021).

³⁹ Most important countries of origin of foreign tourists in China in 2018 // Statista. — URL: <https://www.statista.com/statistics/234149/tourists-in-china-by-country-of-origin/#:~:text=All%20in%20all%2C%20approximately%2030.54,tourists%20visited%20China%20in%202018> (Accessed: 10.05.2021).

⁴⁰ India Tourism Statistics at a Glance, 2019 // Ministry of Tourism, Government of India — 2020. — P. 6. — URL: <https://tourism.gov.in/sites/default/files/2020-04/India%20Tourism%20Statistics%20at%20a%20Glance%202019.pdf> (Accessed: 10.05.2021).

⁴¹ China and India // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China: Department of Asian Affairs. — 2014 — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjj_663340/yzs_663350/qjlb_663354/2711_663426/ (Accessed: 10.05.2021).

⁴² Kondapalli S. How Indo-China media cooperation can help relations // Rediff.com. — 2013. — 17 Sep. — URL: <https://www.rediff.com/news/column/how-indo-china-media-cooperation-can-help-relations/20130917.htm> (Accessed: 10.05.2021).

⁴³ Krishnan A. China is buying good press across the world, one paid journalist at a time // The Print. — 2018. — 24 Nov. — URL: <https://theprint.in/opinion/china-is-paying-foreign-journalists-including-from-india-to-report-from-beijing/154013/> (Accessed: 10.05.2021).

взаимное негативное восприятие друг друга на фоне территориальных споров [См. Шавлай, 2020] сказывается на содержании тех материалов, которые призваны объективно оценивать происходящее на границе. В-третьих, повестка дня, которую выбирают СМИ обеих стран для освещения событий, происходящих в другой, не позволяет составить объективное мнение о стране, а зачастую и вовсе сбивает с толку. Всё это усугублялось нехваткой квалифицированных кадров (незнание китайского/индийского языков и особенностей китайской/индийской культуры), да и до недавнего времени пресса обеих стран была немногочисленна как в Китае, так и в Индии соответственно⁴⁴. Сегодня индийская пресса в Пекине представлена преимущественно агентствами The Press Trust of India и The Indo-Asian News Service (IANS), газетами The Hindu, HindustanTimes, The Times of India, журналом India Today⁴⁵, в то время как из китайских новостных агентств в Нью-Дели присутствует лишь Синьхуа⁴⁶, а остальные берут информацию из индийских, либо из зарубежных СМИ [Jeffrey, Sen, 2015]. Для того, чтобы улучшить освещение каждой из сторон своего соседа, в 2013 г. Дели и Пекин договорились о проведении ежегодного индийско-китайского форума СМИ⁴⁷, целью которого является налаживание диалога между двумя государствами, противостояние западной неоднозначной трактовке событий и обеспечение совместного освещения чувствительных вопросов⁴⁸.

Таким образом, культурно-цивилизационное сотрудничество Дели и Пекина, с одной стороны, имеет глубокие исторические

корни, а с другой — практически не развивалось вплоть до недавнего времени ввиду целого комплекса геополитических, экономических и социальных причин⁴⁹. Наиболее существенным препятствием является фактор недоверия, который продолжает омрачать картину взаимодействия двух государств. Индия так и не оправилась от травмы поражения в индийско-китайском конфликте 1962 г., и, несмотря на некоторое потепление политических отношений между двумя государствами, которое началось с конца 1980-х гг., продолжает сохранять сдержанную и осторожную позицию по отношению к соседу. На современном этапе периодически наблюдается эскалация противоречий на пограничных участках, однако стороны по-прежнему стараются решить спорные вопросы путём переговоров.

Важно отметить и значимость языковых барьеров — если Индия преимущественно ориентирована на англоязычный мир (на это имеются и исторические причины), то КНР, хоть и внедряет англоязычные программы, всё же остаётся китайоязычной во всех сферах жизни общества. Нехватка страноведов — как синологов, так и индологов — в Индии и Китае соответственно не позволяет радикально переломить тенденцию. Напряжённость в военно-политической сфере сводит на нет усилия в этой чувствительной для населения области, так как непосредственно отражается на восприятии сторонами друг друга. Впрочем, ряд государственных мер с обеих сторон всё же способствует позитивной динамике взаимодействия Дели и Пекина⁵⁰, налаживанию контактов между

⁴⁴ Kondapalli.

⁴⁵ Krishnan, 2018.

⁴⁶ Krishnan A. Three Chinese reporters 'to be expelled' from India // India Today. — 2016. — 23 Jul. — URL: <https://www.indiatoday.in/world/story/xinhua-news-agency-chinese-journalists-expelled-india-china-indo-china-relations-330950-2016-07-23> (Accessed: 10.05.2021).

⁴⁷ China and India.

⁴⁸ External Affairs Minister's Remarks at the 4th India-China Media Forum. // Ministry of External Affairs, Government of India. — 2019 — 12 Aug. — URL: <https://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?31726/External+Affairs+Ministers+Remarks+at+the+4th+IndiaChina+Media+Forum> (Accessed: 10.05.2021).

⁴⁹ Кстати, довольно интересные, основанные на личном опыте рассуждения на эту тему можно почерпнуть из книги индийской журналистки Решмы Патил «Чужаки по обе стороны границы: индийские впечатления о быстрорастущем Китае» [Patil, 2017].

⁵⁰ Press Release: Activities to Celebrate the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations Between India and China // Embassy of India, Beijing. — 2019. — 22 Nov. — URL: <https://www.eoibeijing.gov.in/press-release-22-11-19.php> (Accessed: 10.05.2021).

населениями двух государств, а также диалогу интеллектуальных элит обеих стран, однако для получения ощутимых результатов потребуется длительное время и много усилий.

Список литературы:

- Sen T. *Traditional China in Asian and world history* / T. Sen, V.H. Mair. — Ann Arbor, MI : Association for Asian Studies, 2012. — XXI, 108 p.
- Buddhism across Asia : networks of materials, intellectual and cultural exchange : Conference proceedings / ed. T. Sen. — Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2014. — XXX, 482 p.
- Sen T. *Buddhism, diplomacy, and trade : the realignment of India-China relations, 600-1400*. — Lanham : Rowman & Littlefield, 2016. — XIX, 305 p.
- Sen T. *India, China, and the World : a connected history*. — Lanham : Rowman & Littlefield, 2017. — XVIII, 541 p.
- Palit P.S. *Analysing China's soft power strategy and comparative Indian initiatives*. — New Delhi : India Sage Publ., 2017. — XXIV, 369 p.
- Wolf S.O. *The China-Pakistan economic corridor of the belt and road initiative : concept, context and assessment*. — Cham : Springer International Publishing, 2020. — XVII, 395 p.
- Шавлай Э.П. Военно-политическое сотрудничество Индии и Китая в тени недоверия // Восток Афро-азиатские общества: история и современность. — 2020. — № 5. — С. 185–195. — DOI: 10.31857/S086919080009587-2.
- Passin H. *Sino-Indian Cultural Relations* // *The China Quarterly*. — Cambridge University Press, 1961. — Vol. 7. — P. 85–100. — DOI: 10.1017/S0305741000025042.
- Mohanty M. *Chinese Revolution and the Indian Communist Movement* // *China Report*. — 1991. — Vol. 27, № 1. — P. 27–39. — DOI: 10.1177/000944559102700103.
- Gupta T.D. *Maoism in India* // *Economic and Political Weekly*. — 2006. — Vol. 41, № 29. — P. 3172–3176.
- Перминова В.А. Идея колониализма и оценка результатов иностранного присутствия в Китае // Общество и государство в Китае. — 2012. — Т. 42, № 3. — С. 176–182.
- Miller M.C. *Wronged by empire : post-imperial ideology and foreign policy in India and China*. — Stanford : Stanford University Press, 2013. — XIV, 168 p.
- Eslava L. *Bandung, global history, and international law critical pasts and pending futures* / L.Eslava, M. Fakhri, V. Nesiah. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — XXXII, 701 p.
- Jeffrey R. *Media at Work in China and India : Discovering and Dissecting* / R. Jeffrey, R. Sen. — New Delhi : SAGE Publications, 2015. — 289 p.
- Patil R. *Strangers across the Border: Indian Encounters in Boomtown China*. — Noida : HarperCollins Publishers India, 2014. — 256 p.

References:

- Sen, T. and Mair, V. H. (2012) *Traditional China in Asian and world history*. Ann Arbor, MI: Association for Asian Studies.
- Sen, T. (ed.) (2014) 'Buddhism across Asia : networks of materials, intellectual and cultural exchange : Conference proceedings', in. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
- Sen, T. (2016) *Buddhism, diplomacy, and trade : the realignment of India-China relations, 600-1400*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Sen, T. (2017) 'India, China, and the World : a connected history'. Lanham: Rowman & Littlefield
- Palit, P. S. (2017) *Analysing China's soft power strategy and comparative Indian initiatives*. New Delhi: India Sage Publ.
- Wolf, S. O. (2020) *The China-Pakistan economic corridor of the belt and road initiative : concept, context and assessment*. Cham: Springer International Publishing.

- Shavlay, E. (2020) 'India-China Political and Military Cooperation in the Shadow of Distrust', *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, (5), pp. 185–195. doi: 10.31857/S086919080009587-2. (In Russian).
- Passin, H. (1961) 'Sino-Indian Cultural Relations', *The China Quarterly*. 2009/02/17, 7, pp. 85–100. doi: 10.1017/S0305741000025042.
- Mohanty, M. (1991) 'Chinese Revolution and the Indian Communist Movement', *China Report*, 27(1), pp. 27–39. doi: 10.1177/000944559102700103.
- Gupta, T. D. (2006) 'Maoism in India', *Economic and Political Weekly*, 41(29), pp. 3172–3176.
- Perminova, V. A. (2012) 'Idea of Colonialism and Assessment of Results of Foreign Interference in China', *Society and State in China*, 42(3), pp. 176–182. (In Russian).
- Miller, M. C. (2013) *Wronged by empire : post-imperial ideology and foreign policy in India and China*. Stanford: Stanford University Press.
- Eslava, L., Fakhri, M. and Nesiah, V. (2017) *Bandung, global history, and international law critical pasts and pending futures*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jeffrey, R. and Sen, R. (2015) *Media at Work in China and India : Discovering and Dissecting*. New Delhi: SAGE Publications.
- Patil, R. (2014). *Strangers across the border: Indian encounters in boomtown China*. Noida: HarperCollins Publishers India.

Информация об авторе

Эллина Петровна Шавлай — аспирантка кафедры востоковедения МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Ellina P. Shavlay — PhD student at the Department of Oriental Studies, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; одобрена после рецензирования 25.05.2021; принята к публикации 09.06.2021.

The article was submitted 21.04.2021; approved after reviewing 25.05.2021; accepted for publication 09.06.2021.



ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ТЕКСТАХ ЯПОНСКОЙ РЕКЛАМЫ

Александра Дмитриевна Мозгунова

МГПУ, Москва, Россия
MozgunovaAD@mgpu.ru



Аннотация. Современная реклама предлагает не столько информацию, сколько образ жизни, создавая мифы, и общество потребления — это тоже миф, в образе которого общество воспринимает себя. По мнению Ж. Бодрийяра, вещи посредством рекламы и СМИ приобретают свой символ, самовыражаются и эстетизируются, получая смысловую глубину. Ценится не сам товар, а его эстетические характеристики. Наделить объект рекламы непосредственно не связанными с ним характеристиками помогает включение в рекламное сообщение прецедентных феноменов. Благодаря своей аксиологической значимости прецедентные феномены позволяют заимствовать текстам-реципиентам объём значения, закреплённый за феноменами в когнитивной базе носителя лингвокультуры и, апеллируя к дифференциальным признакам феномена, наделять этими признаками объект, о котором идёт речь. Предметом данного исследования выступают трансформированные прецедентные феномены в японской рекламе. Цели исследования — определение основных типов трансформаций; выявление закономерностей функционирования трансформированных феноменов в японских рекламных текстах. Актуальность исследования продиктована тем, что трансформации неминуемо приводят к изменениям на уровне семантики: например, возможно изменение хронотопа прецедентного текста или ситуации, пространственно-бытовых характеристик; признаков и атрибутов прецедентного имени, закреплённых за ним коннотаций. Новизна исследования заключается в анализе функционирования прецедентных феноменов в японской рекламе с точки зрения лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов. В ходе исследования был сделан вывод что в текстах рекламы прецедентные феномены в подавляющем числе случаев трансформируются: на первый план выходят изменения хронотопа, признаков и атрибутов феноменов, а также аналитические трансформации. Цель трансформаций — приблизить феномены и транслируемый ими посыл к нуждам рекламного нарратива, наделить объект рекламы характеристиками и коннотациями, сделать текст эмоционально и интеллектуально привлекательным и выразительным, ограничить круг реципиентов.

Ключевые слова: прецедентные феномены, японские рекламные тексты, семантическая трансформация, аналитическая трансформация, воздействие, хронотоп, культура

Для цитирования: Мозгунова А.Д. Трансформации прецедентных феноменов в текстах японской рекламы // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 100–113. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-100-113>

Research article

TRANSFORMATION OF PRECEDENT-RELATED PHENOMENA IN JAPANESE ADVERTISEMENTS AND COMMERCIALS

Aleksandra D. Mozgunova

MCU, Moscow, Russia
MozgunovaAD@mgpu.ru

Abstract. Modern commercials introduce not only information, but mostly suggest a certain lifestyle, thus creating myths; consumer society is one of those myths, and society perceives and sees itself through this myth. According to Jean Baudrillard, through mass-media things get a new deeper meaning, their own symbol and self-expression. People value not the goods as they are, but their aesthetics characteristics. And application of the precedent-related phenomena approach to the advertisements and commercials helps give the goods new characteristics, which have no direct connection to them. Precedent-related phenomena have axiological value and can express the concepts, that is why it becomes possible for a target-text to adopt the meaning, which is linked to the precedent-related phenomenon in the cognitive database of a cultural personality. Referring to those characteristics and features of a precedent-related phenomenon, the advertising product under consideration gets them. The object of this research is transformation of precedent-related phenomena in Japanese advertisements and commercials. The key aims are to reveal main types of transformation, reveal aims of transformation and analyze the function of transformed precedent-related phenomena in Japanese advertisements and commercials. The study is considered to be relevant as transformations of precedent-related phenomena may cause transformation at semantic level, for example, transformation of the chronotope of a precedent-related text or situation, change of spatial patterns, features and attributes, connotations of precedent-related name. Analyzing the precedent-related phenomena in Japanese advertisements and commercials basing on lingua-cultural and lingua-cognitive methodology reveals new perspectives of the study. The findings of the study allow for the conclusion that the majority of the precedent-related phenomena in advertisements and commercials can be and are transformed; main transformations refer to chronotope, features and attributes as well as transformation of the form of phenomenon. The aim of transformations is to link the phenomena and the message of the phenomena to the narrative of the advertisement or commercial. With the help of transformation it becomes possible to provide the commercial text and advertising product with the necessary characteristics, evaluation and connotations, so that to make the commercial text more expressive, emotionally or intellectually attractive and restrict the range of recipients.

Keywords: precedent-related phenomena, Japanese advertisements and commercials, semantic transformations, analytic transformations, influence, chronotope, culture

For citation: Mozgunova, A. D. (2021) 'Transformation of Precedent-related Phenomena in Japanese Advertisements and Commercials', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 100–113. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-100-113>

Введение

Рекламное сообщение можно назвать примером креолизованного текста, то есть сложного текстового образования, «в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата»¹. Рисунок рекламного плаката или рекламный видеоряд, обладая цельностью и связностью, функционирует «как непрерывное единство», сообщение, передающее закодированную информацию, одновременно представляя собой и знак, и текст. Вербальный ряд дополняет визуальный, подсказывая верную интерпретацию последнего, поскольку иконические знаки обладают размытостью границ и создают простор для понимания. Дабы расширить содержание сообщения или задать нужное направление восприятию создатели рекламного сообщения прибегают к различным приемам и техникам, в том числе к введению прецедентного феномена (ПФ), который выступает в роли триггера, включающего ассоциативный ряд, закрепленный в лингвокультуре за неким явлением. Теория прецедентности получила широкое развитие в работах отечественных ученых [Прецедентное имя ..., 1997; Караулов, 2010; Нахимова, 2007, 2018; Пикулева 2002], Слышкин². Развил теорию прецедентности Ю.Н. Караулов, определяя прецедентные тексты как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010: 216].

Введенное Ю.Н. Карауловым понятие «прецедентный текст» последнее время исследователи рассматривают в более широком контексте: по мере того, как культура все больше визуализируется, меняется состав и характер цитируемых текстов, что позволяет относить к ним фильмы, комиксы, плакаты и видеоролики³, — то есть знаки, принадлежащие к иным семиотическим системам, что роднит данное понятие с рекламой как полимедийным явлением.

Говоря о репрезентации ПФ ученые предлагают проводить их классификацию по отнесенности к исходному тексту, выделяя прецедентный текст, ситуацию, имя и высказывание:

«Прецедентный текст (ПТ) — <...> сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д. <...>

Прецедентная ситуация (ПС) — некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя.

Прецедентное высказывание (ПВ) — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое <...>

Прецедентное имя (ПИ) — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в комму-

¹ Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : [Учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов]. — Москва : Academia, 2003 (ГУП Саратов. полигр. комб.). — С. 17.

² Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19. — Волгоград, 1999. — 174 с.

³ Там же, с. 5.

никации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Прецедентное имя ..., 1997: 83].

Существуют более детальные классификации, ряд исследователей также предлагает выделять в качестве прецедентных феноменов артефакты культуры [Волкова, Кабаньян, 2020], выражающие какой-либо аспект культуры⁴, жесты⁵, музыкальный прецедентный знак⁶ (также подробнее см. работу Е.А. Нахимовой [Нахимова, 2018: 41-46]).

Отметим, что в рекламных сообщениях значительная часть прецедентных феноменов в общем, и прецедентных высказываний в частности, подвергается трансформациям. Исследователи ПФ выделяют два основных способа трансформаций: аналитическую, затрагивающую структуру (лексику, морфологический состав, синтаксический строй, стилистическую отнесенность входящих в состав единиц), и семантическую. Может иметь место двойная актуализация значения, или буквализация. Аналитические трансформации делятся на: 1) синтаксические — замена отрицательной конструкции на утвердительную, повествовательного предложения на вопросительное и т.д.; 2) лексические — добавление/ опущение/ замена лексической единицы, паронимазия (иногда с целью создания комического эффекта); 3) контаминация; 4) стилистические смещения. Подробный анализ трансформаций приведен в работах Н.А. Самыличевой [Самыличева, 2020], О.В. Салыновой [Салынова, 2018], Е.С. Бриченковой⁷.

В связи с тем, что употребление прецедентных феноменов ведет за собой верба-

лизацию культурного концепта и актуализацию в сознании определенной ситуации, закрепленной в сознании за феноменом, а также характеристик предмета, ассоциативно связанных с данным феноменом (внешних, в том числе), представляется актуальным провести лингвокультурологический анализ рекламных сообщений, содержащих трансформированные прецедентные феномены, с тем, чтобы установить типы и причины трансформаций и проследить возможности воздействия на реципиента. Новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении функционирования в японских рекламных сообщениях трансформированных прецедентных феноменов с точки зрения лингвокультурологического подхода.

В работе высказывается гипотеза о том, что количество трансформированных прецедентных феноменов в рекламе будет преобладающим, и основным типом трансформации является изменение дифференциальных признаков, хронотопа и ПС, что связано с необходимостью включить прецедентный феномен в канву повествования, акцентируя внимание на необходимых отправителю рекламного сообщения признаках; главным образом представленные феномены национальной культуры.

Методология и методы исследования

Методологической базой исследования являются работы, посвященные рекламе как социокультурному феномену и философской проблеме, включая труды Ж. Бодрийяра. Анализ функционирования прецедентных феноменов и каламбуров в русскоязычной и англоязычной рекламе проведен на основе работ по теории пре-

⁴ Артемьева П.С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Артемьева Полина Сергеевна; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. — Саратов, 2016. — С. 27.

⁵ Мардиева Л.А. Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Мардиева Ляйля Агъдасовна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. — Казань, 2016. — С. 290-293.

⁶ Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого: (к проблеме идиостиля) : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 1995. — 17 с.

⁷ Бриченкова Е.С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Бриченкова Елена Сергеевна; [Место защиты: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина]. — Москва, 2007. — С. 14-17.

цедентности Д.В. Багаевой, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных и работ Ю.Н. Караулова по теории дискурса. Кроме того, были задействованы посвященные исследованию феномена прецедентности в рекламе работы Е.А. Нахимовой, Ю.Б. Пикулевой; исследования взаимосвязи ментальной деятельности и феномена прецедентности с точки зрения выполнения когнитивной и коммуникативной функций, исследования в области лингвокультурологии (Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров, Г.Г. Слышкин).

В ходе исследования были использованы такие методы, как анализ литературы, описательно-сопоставительный. Методом наблюдения и сплошной выборки в 2014-2020 гг. было отобрано 196 образцов содержащих прецедентные феномены рекламных сообщений, представленных в сети Интернет. Далее производилось описание в соответствии с выводами, полученными путем анализа теоретических выкладок работ, посвященных исследованию теории прецедентности. В процессе обобщения и систематизации использовались метод контекстуального анализа, когнитивное исследование и статистическая обработка полученных данных.

Роль и место прецедентных феноменов в рекламе

Прецедентные феномены несут в себе как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию, тесно переплетаясь с национальной культурой, порождением которой являются. Они «эстетически, познавательны и этически значимы в культурном пространстве социума, а значит, обладают и определенной прагматической ценностью» [Пикулева, 2002: 269]. Данное

свойство позволяет использовать прецедентные феномены в «текстах влияния» (например, рекламных), где они будут выполнять ряд различных задач — речь о них пойдет далее в примерах.

Прецедентные высказывания в рекламе используются, как правило, в сильных позициях текста (например, в заголовке), делая из «концептуально значимыми» [Стародубова, 2019: 75-76] и зачастую выполняют роль слогана. При точном использовании слоган формирует ту необходимую ассоциативную связь идей, которая наглядно, в нескольких словах, выражает суть предлагаемой сделки, побуждает адресата к выгодным отправителем сообщения действиям, или помогает создать более яркий, определенный образ рекламируемой продукции. Когда же данная задача ложится на прецедентное высказывание, создатель рекламного сообщения преследует цели повышения экспрессивного потенциала текста, его прагматических возможностей, делая текст более выразительным, эмоционально насыщенным.

Так, на рекламном плакате *バーモントカレー* *Ба:монто карэ*: «Карри из Вермонта» производителя House Foods (2002) представлены стол, на котором стоит тарелка с остатками трапезы и горящая лампа, и фраза *検事さん、俺がやりました。Кэндзи-сан, орэ га яримасита*. «Детектив, это сделал я»⁸. Таким образом, благодаря прецедентному высказыванию построена аллюзия на прецедентный текст — японские полицейские сериалы, где фигурирует сцена «угощения» обедом подозреваемого, который, в результате подобного акта человеколюбия, сознаётся детективу в совершенном преступлении⁹. Данное прецедентное высказывание, введенное без изменения в рекламный плакат, имеет

⁸ Реклама House Foods *バーモントカレー* *Ба:монто карэ*: «Карри из Вермонта», 2002. — URL: 新聞広告 ハウスバーモントカレー (дата обращения 03.02.21).

⁹ Впервые сюжет «угощения» подозреваемого появился в сериале «Дневник полицейского» 1955 г., в котором есть сцена, рассказывающая, как после длительного безрезультатного допроса уставший детектив заводит разговор «по душам» с подозреваемым, жалеет его и предлагает тому поужинать *кацудон* (свинная котлета с рисом). После ужина подозреваемый признается. Данный сюжет стал популярен и не раз встречается в сериалах подобного жанра. — URL: https://books.google.ru/books?id=eHAP-dWqHTMC&pg=PT4&dq=刑事さん、俺がやりました%E3%80%80コピー&source=bl&ots=YIKUJXtEPy&sig=RJu38Ra-wlUcjEZE9k5-lbstHE&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjPlq-hh4_XAHXGDp0KHbmND_kQ6AEIQDAI#v=onepage&q=刑事さん、俺がやりました%E3%80%80コピー&f=false (дата обращения 03.02.21).

символическое, переносное значение, актуализируя в сознании реципиента идею невероятного вкуса — невозможно ни держать себя в руках, ни остановиться, ни оторваться, что демонстрирует именно пустая тарелка — «так вкусно, что чем угодно со знаёшься» или «путь к сердцу человека лежит через его желудок», дополняя рекламную ситуацию косвенно сюжетной линией прецедентного текста (сериала) и помогая в целом оживить рекламное сообщение.

Однако, в рекламном сообщении смысловая связь с определённым прецедентным текстом, либо ситуацией, породившими прецедентное высказывание, может отсутствовать: прецедентное высказывание употребляется в денотативном значении, обозначая, по сути, самое себя и не преследует цели охарактеризовать, оценить рекламируемый объект, добавить коннотаций, не апеллирует к дифференциальным признакам. В таком случае ставятся задачи привлечь внимание знакомой формой, а лаконичность высказывания позволяет ёмко передать максимум информации, не включая в процесс коммуникации дополнительных оценок и не расширяя рекламный контекст через отсылки к иным прецедентным феноменам. Например, в рекламе блога по дизайну и координации питания (2020) используется слоган *暮らしの中に和魂洋才* по *Курасино нака-ни вако* *ё:сай-о* «Японский дух и западные знания в повседневную жизнь». Прецедентное высказывание *和魂洋才 вако* *ё:сай* «японский дух, западные знания» появляется в эпоху Мэйдзи (1868-1912), когда Япония открыла свои границы для иностранцев, и выступает символом национальной идеи сохранения своих духовных и культурных традиций при поощрении освоения достижений западного просвещения. Прецедентное высказывание употреблено в денотативном значении, выполняя иллюстративную и аргументирующую (персуазивную) функцию: автор блога рассказывает о соединении европейской и японской кухни и способах сервировки, в

частности, сыров, коротко обозначая свой подход через существующую концепцию заимствования технологий и образа мыслей европейцев.

Трансформации прецедентных феноменов в рекламе

Анализ трансформаций ПФ, обнаруженных в текстах японской рекламы, говорит о том, что соотношение трансформированных ПФ к неизменным представляет собой 91% к 9%, в связи с чем исследование трансформаций ПФ представляется актуальным, ведь речь идёт о единицах, обладающих культурно-значимой информацией.

Трансформации преследуют ряд различных целей, например, изменение привычной формы позволяет усилить акценты, либо привлечь внимание, заостряя его на новом элементе, непривычной трактовке. Рассмотрим пример лексической трансформации с заменой компонента (данный тип составляет 4% трансформаций). Так, слоганом в рекламе железнодорожных билетов компании JR (Japan Railways) выступает претерпевшее изменение название песни *線路はつづくよ どこまでも* Сэнро ва цудзуку-ё Доко-мадэ мо «Бесконечно тянутся железнодорожные пути»: *おしゃべりはつづくよ どこまでも* О-сябэри ва цудзуку-ё Доко-мадэ мо «Бесконечно тянутся разговоры»¹⁰. Лексическая замена компонента *線路* *сэнро* «ж/д пути» на *おしゃべり* *о-сябэри* «разговоры», сохранившая узнаваемым исходное высказывание, позволила установить связь между содержанием рекламного сообщения (продажа ж/д билетов), содержанием песни (путешествие по железной дороге), отсылку к которой обнаруживает слоган, и придать им новое смысловое наполнение, отражающее визуальный ряд рекламного плаката (женщины весело беседуют друг с другом, расположившись на ночлег в гостинице), как бы призывая: «купите билеты и отправьтесь в веселое путешествие на поезде

¹⁰ 青春18きっぷポスター&コピーbot (@18Ticket_PRbot) / Твиттер — URL: https://twitter.com/18Ticket_PRbot (дата обращения 11.05.21).

с друзьями, с которыми всласть наговориться», тем самым выполняя смыслопорождающую функцию.

Анализ прецедентных феноменов, обнаруженных в японской рекламе, нацеленной на внутренний мононациональный рынок, позволяет сделать вывод о преобладании феноменов японской национальной культуры (62,04%). В этом смысле прецедентные высказывания выполняют парольную (или делимитативную) функцию, делая содержание рекламного сообщения понятным для носителя определенной культуры

東風吹かば
にはひをこせよ
鈴の菌、
主なしとて
春な忘れそ

Коти фукаба
Ниои окосэё
Судзу-но кин,
Арудзи-наси тотэ
Хару-на васурэсо

Пролей аромат,
Лишь ветер с востока повеет,
Фанат Судзуки!
Пускай твой хозяин далёко,
Не забывай весны!

В рекламе приводится аллюзия на стихотворение, написанное Сугавара Митидзанэ¹², которое он сложил перед тем, как

отправиться в изгнание, глядя на сливу, растущую возле дома. Таким образом, в измененном виде вводится прецедентный текст:

東風吹かば
にはひをこせよ
梅の花、
主なしとて
春な忘れそ

Коти фукаба
Ниои окосэё
Умэ-но хана,
Арудзи-наси тотэ
Хару-на васурэсо

Пролей аромат,
Лишь ветер с востока повеет,
Слива в саду!
Пускай твой хозяин далёко,
Не забывай весны!¹³

В приведенной рекламе стихотворение Сугавара Митидзанэ подверглось семантико-аналитической трансформации (происходит замена компонентов), что преследует несколько целей: строки указывают на соответствующее ситуации время года — основной акцент в рекламном сообщении сделан именно на анонсировании весеннего выпуска, а кроме того, вводит в сообщение отсылку к имени автора *манга* и её названию. В рекламе словосочетание 梅の花 *умэ-но хана* «цветы сливы» заменено на 鈴の菌 *судзу-но кин*, что является игрой слов, перевести которую представляется воз-

можным как «увлечение Судзуки/ фанаты Судзуки». Во-первых, иероглиф 鈴 *судзу* вводится как элемент фамилии автора *манга* Судзуки Хидэёси (鈴木秀吉), а также одноименной марки мотоциклов, о которой и ведется повествование в журнале, заменяя исходный иероглиф 梅 *умэ* «слива». Во-вторых, иероглиф 菌 *кин* «гриб, бактерия, вирус», заменяя 花 *хана* «цветы», отсылает читателя к названию серии *манга* (バイク 擬人化 菌書). Целью данной лексической замены является приближение содержания стихотворения к контексту рекламного сообщения — фактически теряется семан-

¹¹ *Манга* バイク擬人化 菌書 (Байку гидзинка кинсё «Записки об антропоморфных мотоциклах») Motor Magazine Mook, представляет собой фантастический роман об антропоморфных мотоциклах фирмы Судзуки. Реклама представлена на странице вэб-сайта Webオートバイ, сообщающего информацию о мотоциклах, а также мероприятиях и сообществах мотолюбителей. — URL: https://www.autoby.jp/_ct/17151961 (дата обращения 20.12.20).

¹² Подробнее о данной личности см. в работе В.А. Федяниной [Федянина, 2010: 309-317].

¹³ Стихотворение помещено в антологию Сюи вакасю «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» (1005-1008), раздел «Весна». Перевод В. Н. Марковой. — URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z00000068/st328.shtml> (дата обращения 20.12.20).

тическая связь с исходным прецедентным текстом, сохраняя, однако, эмоциональный настрой надежды и ожидания встречи и маркируя время года. Кроме того, рекламное сообщение делает, во-первых, объект рекламы интеллектуально-привлекательным, что позволяет усилить прагматическое воздействие на реципиента, а во-вторых, привлечь его внимание знакомой формой и оставить «за бортом» понимания представителей инокультуры, выполняя парольную и эстетическую (перенос оценки на товар) функции.

Таким образом, трансформации феноменов в рекламе выводят рекламируемый объект на один уровень со значимым с аксиологической либо познавательной точки зрения понятием: в данном случае, можно предположить сопоставление *манга* и известного образчика классической литературы — прочтение первого, таким образом, интеллектуализируется и эстетизируется — в эпоху постмодерна «все становится эстетичным» [Бодрийяр, 2000: 16].

Прецедентное высказывание, как и другие прецедентные феномены, фиксирует знания и представления, актуальные для того или иного народа. Прецедентные феномены в целом выступают средством реализации концептов, и, будучи значимыми в морально-нравственном отношении для носителей лингвокультуры, задают определённую модель поведения. Введенные в рекламный текст прецедентные высказывания усиливают аргументацию через коннотативно-ценностные отсылки к знакомым, значимым, социально-одобряемым явлениям, наравне с паремиями.

Рассмотрим рекламный постер, помещённый в вагоне поезда: 車内の床には すわらざる、しゃがまざる、へたり込まざる *Сянай-но юка-ни ва суварадзару, сягамадзару, хэтарикомадзару* «В вагоне поезда не сидите на полу, не сидите на корточках, не

разваливайтесь на полу»¹⁴. Можно заметить, что фраза построена по аналогии с прецедентным высказыванием 見ざる、聞かざる、言わざる *мидзару, кикадзару, ивадзару* «не вижу зла, не слышу зла, не говорю зла» — в японской культуре оно традиционно выражается образом трёх обезьян, которые закрывают лапами глаза, уши и рот соответственно¹⁵. В рекламе феномен претерпевает семантико-аналитическую трансформацию с заменой лексических единиц (глаголов). На рекламном плакате также присутствуют обезьяны, но в позах, соответствующих смыслу трансформированного высказывания. Прецедентный феномен употреблен в коннотативном значении: образ трех обезьян, символизирующих недеяние зла, и заимствованная у прецедентного высказывания форма с заменой лексических компонентов помогают облечь призыв в форму известной философской сентенции и выстроить параллель между сидением на полу в поезде и совершением зла, придавая первому действию негативную социальную оценку, выполняя аксиологическую и экспрессивную функции. В коммуникацию, таким образом, включены оценки и культурные концепты, закреплённые за феноменом и усиливающие посыл обращения социальной рекламы, а трансформации помогают сблизить смысловое наполнение ПВ и рекламного сообщения.

Ещё один интересный пример использования трансформированного прецедентного выражения встречается в рекламе сериалов (2006) この夏はクール（テレ）ビズ この夏を乗り切るための「クール」なテレビドラマたち *Коно нацу ва ку:ру (тэрэ)бизу Коно нацу-о норикиру-тамэ-но «ку:ру»на тэрэби-дорама-тати* «Это лето вас остудит. “Крутые = свежие” телевизионные сериалы, которые помогут пережить это лето»¹⁶. Рекламный плакат изображает

¹⁴ 大阪の電車のなかの車内マナーの広告: 今日の出来事. — URL: https://akitomo.at.webry.info/200706/article_8.html (дата обращения 11.05.21).

¹⁵ Композиция из трех обезьян символизирует собой отрешение от зла; сама концепция-постулат берет свое начало в Китае, откуда в XIII в. была перевезена монахом школы Тэндай. Образ обезьян, как полагают, сформировался в Японии. В японском языке изображение обезьян является отражением языковой игры: суффикс отрицания *ざる* *дзару* «не» омонимичен слову *сару* «обезьяна», что легло в основу фонетического каламбура.

¹⁶ 夏の新ドラマ 15段モノクロ // Jefferies tube. — URL: <http://jefferies.jugem.jp/?eid=17> (дата обращения 10.05.21).

стильного мужчину в светлой рубашке без галстука и пиджака и афишу сериалов. Рекламный слоган вызывает ассоциации с кампанией *クールビズ* *ку:ру бизу* «cool biz (cool business)»¹⁷, и, можно предположить, одной из задач слогана являлась популяризация данной кампании через апелляцию к лексеме *クール* *ку:ру* «крутой; прохладный», приравнивающей данные понятия, и привлекательному образу мужчины на плакате.

Дабы отразить суть рекламного сообщения, к прецедентному высказыванию был применён прием лексической трансформации (добавление и замена): морфема *テレ* *тэрэ* относит реципиента, во-первых, к сфере деятельности (телевидение); во-вторых, к названию телекоммуникационной компании (*テレビ東京* *тэрэби то:кё:*); в третьих морфема *ビズ* *бизу* апеллирует к сериалам-*дорама*, темой которых является бизнес-среда.

Таким образом, трансформации актуализируют следующий понятийный ряд, совмещающий имиджеобразующую и эстетическую функции: сериалы отсылают к определённой тематике и призваны «освежить» в знойное лето; просмотр данных сериалов как форма досуга ассоциирован с бизнесом и получает положительную оценку как некое стоящее времяпрепровождение через лексемы *クールビズ* *ку:ру бизу* «cool business» и *クール* *ку:ру* «крутой; прохладный». Сам по себе тренд, введенный через отсылку к ПС в рекламный плакат, расценивается как нечто «круто-освежающее»: быть «в тренде» поможет выглядеть «круто», стильно и привлекательно, а также чувствовать себя легче в жаркую погоду. Однако, сопоставление с ПС — необходимостью сократить потребление электроэнергии благодаря уменьшению объёмов использования кондиционеров и повышению температуры их работы — в данном рекламном сообщении условно, скорее ак-

центируется изменение стиля одежды и на первый план выходят именно оценки лексемы *クール* *ку:ру* «крутой = прохладный».

Хотя воздействие на эмоциональную сферу является одной из задач рекламы, прецедентное высказывание, актуализирующее в сознании отсылку к прецедентному тексту или ситуации, может вызвать коммуникативный сбой, осложнив восприятие нехотели возникшими коннотациями. Например, подобная реакция может возникнуть в процессе восприятия рекламного сообщения *来て、見て、確かめて! Кимэ, митэ, тасикамэтэ!* «Приходи, посмотри, убедись!», представляющего распродажу мест на кладбище: в рекламе использована фраза, являющаяся аллюзией на слова Юлия Цезаря «Пришел, увидел, победил». Прецедентный феномен претерпевает семантико-аналитическую трансформацию: происходит лексико-грамматическая замена, которая влечет за собой изменения смысла. В данном рекламном сообщении фраза указывает на быстроту возможного оказания услуги и открытость, прозрачность предложения для потребителя. Между тем, выбор фразы представляется не вполне обоснованным, поскольку само выражение появилось вследствие победы в войне, что рассматривается как достижение поставленной цели. В коммуникацию включены прецедентная ситуация и идея быстрого и успешного завершения важного дела, однако атмосфера ликования по поводу победы Цезаря вступает в противоречие с объектом рекламы. Приобретение участка на кладбище ассоциируется с печальным событием, а потому выражение выглядит кощунственным, хотя к полной коммуникативной неудаче внедрение выражения не приводит.

Необычным и неожиданным примером семантической трансформации является рекламный плакат, выпущенный издательской компанией Такарадзима в 2016

¹⁷ Кампания была впервые введена в 2005 г. министерством окружающей среды Японии с целью сократить расходы электроэнергии и количество выделяемого углекислого газа путем снижения использования кондиционеров, для чего предлагалось «нарушить» строгий традиционный дресс-код и позволить сотрудниками носить на работу рубашки с коротким рукавом без галстука и пиджака и укороченные брюки, что явилось своего рода вызовом «общественному вкусу» и принятым нормам. Кампания проходит в период с мая по октябрь.

году. Издательская компания Такарадзима осуществляет издательскую деятельность, публикуя журналы мод, адресованные различным субкультурам и возрастам, а также журналы, посвященные очеркам, рецензиям, путешествиям и др. Ежегодно компания Такарадзима выпускает корпоративную рекламу, в которой стремится выразить свою социальную позицию, поднимая в рекламных плакатах различные вопросы социальной, политической тематики, обращаясь к проблемам окружающей среды, медицины и многим другим.

Плакат корпоративной рекламной кампании 2016 года был размещен в газете вместе с обращением борющейся с раком актрисы Кики Кири: актриса делилась своими мыслями о смерти, отношением к ней; корпоративная рекламная кампания призывает задуматься о жизни, её ценности и смысле в свете неизбежности её конца. На плакате актриса Кики Кири 72 лет представлена в образе Офелии с картины Джона Эверетта Милле, изображение сопровождают слова 死ぬときぐらい 好きにさせてよ *Сину-токи гурай Суки-ни сасэтэ-ё* «По крайней мере умереть позвольте так, как хочется»¹⁸.

В рекламе представлены косвенно аллюзии на прецедентный текст («Трагическая история о Гамлете, принце датском» У. Шекспира), прецедентную ситуацию (смерть Офелии), которые выражены через ПИ (Офелия) и указывающий на них иконический знак (посредством отсылки к картине «Офелия» Джона Эверетта Милле).

Однако, в данном случае дается отсылка не к пьесе «Гамлет» У. Шекспира — сам текст для понимания смысла рекламного сообщения оказывается не релевантным, — и не к самой Офелии, как персонажу,

а именно к картине Д. Э. Милле и описанию ситуации смерти героини. Вводятся новый посыл и дополнительные коннотации: картина Д. Э. Милле переосмысливается как символ и манифест свободы выбора, выполняя аттрактивную и смыслопорождающую функции; реклама ставит вопрос экзистенции, в частности.

Как отмечают Д.А. Попкова и И.И. Чумак-Жунь помимо семантических и/или структурных (аналитических) трансформаций могут происходить замены дифференциальных признаков и атрибутов, которыми обладают феномены, а также деформация самой прецедентной ситуации, что в итоге может привести к изменению восприятия феноменов и образов, закреплённых в когнитивной базе данных и изменению ментальных структур [Чумак-Жунь, Попкова, 2012].

Так, в телевизионных рекламных роликах японской газовой компании Токуо Gas, транслировавшихся на телевидении с 2007 г. на протяжении нескольких лет, были произведены трансформации дифференциальных признаков, которыми обладают прецедентные имена; также изменяется хронотоп прецедентных ситуаций¹⁹. Например, в серии роликов появляется Ода Нобунага (1534–1582), причем образ военно-политического лидера приобретает специфические характеристики, едва ли соответствующие действительности: в рекламе Ода Нобунага представлен любителем готовить, вкусно поесть, вместе с друзьями — вассалом Акэти Мицухидэ (1528–1582) — посидеть за чашечкой чая, немного капризным, но добродушным, веселым балагуром. Финальная сцена, когда Ода Нобунага на прощание, прежде чем вернуться в храм Хоннодзи²⁰, где ему

¹⁸ URL: <https://www.sankei.com/life/news/160107/lif1601070024-n1.html> (дата обращения 10.05.21).

¹⁹ Сюжетная линия строится на том, что к молодому человеку, оборудовавшему свой дом системой газового отопления, через машину времени, выход из которой находится у человека в шкафу, попадают различные исторические личности, которых поражает прогрессивность и удобство системы. Сами прецедентные имена употреблены в коннотативном значении: обыгрывается появление исторических личностей прошлого, которых восхищает комфорт, удобство, безопасность, экологичность, простота в использовании и экономичность газового отопления будущего, которые невозможно было представить даже в первой половине XX в. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cigapNQyA80> (дата обращения 10.05.21).

²⁰ Хоннодзи — буддийский монастырь в г. Киото. В результате предательства военачальником Акэти Мицухидэ, окружённый в храме Ода Нобунага был вынужден совершить самоубийство, дабы не попасть во власть вражеских сил.

суждено совершить *сэппуку* (ритуальное самоубийство), дарит хозяину квартиры коробочку-*инро*, украшенную совместно сделанным *пурикура* (моментальное фото «на память»), не оставляет зрителя равнодушным. Так, реципиенту представляется очень харизматичный «рекламный» Ода Нобунага: трансформации признаков и атрибутов ведут к изменению образа ПИ и, как следствие, исподволь воздействуют и на отношение к нему, вслед за чем происходит и перенос оценок на сам товар, таким образом, ПИ выполняет эстетическую функцию.

Заключение

В проанализированном массиве прецедентных феноменов соотношение трансформированных ПФ к неизменным представляет собой 91% к 9%. Имеют место не только аналитические (включая лексическую — 4%, лексико-фонетическую — 33%), семантические (5%) и смешанные семантико-аналитические (4%) трансформации. ПФ является сложным комплексом, и, если в рекламном сообщении актуализирована некая совокупность признаков, представляется логичным, что изменения распространяются на эти признаки, хронотоп и ПС — данный тип составляет 45%. Данные изменения помогают более полно включить прецедентный феномен в канву повествования, акцентируя внимание на необходимых отправителю рекламного сообщения признаках. Между тем, трансформации могут вызывать существенные изменения образов, в результате чего происходит их деформация: новые характеристики порой начинают противоречить устоявшимся представлениям о прецедентном феномене, или же феномен теряет свою связь с «прецедентными» характеристиками и своими признаками, начиная функционировать самостоятельно в качестве рекламного образа, становясь ещё ближе реципиенту, переставая быть только фактом истории, порождая уже новую, социумную прецедентность. Прецедентные феномены в рамках рекламного дискурса способствуют трансформации сознания, осуществляя «трансляцию

ценностных смыслов» как «инструмент формирования более устойчивых моделей знания, в т.ч. и ценностей» [Молодыхенко, 2016: 122], подобно прочим текстам, относящимся к дискурсу консюмеризма.

Значительная часть прецедентных высказываний употреблена в коннотативном — символическом, оценочном — значении, что говорит о том, что цель их введения — охарактеризовать рекламируемый товар или услугу, представить качества, которые могут не иметь, на первый взгляд, непосредственной связи с объектом рекламы и закрепить задаваемые сюжетом сообщения новые оценки рекламируемого объекта в сознании реципиента за счёт возникновения ассоциативной связи с исходным ПФ. Используется ассоциативный потенциал ПФ, воздействие на эмоциональную сферу и, таким образом, выполняется экспрессивная и аттрактивная функции. Между тем, несовпадение эмоционально-оценочного заряда ПФ в исходной, либо трансформированной форме, с посылом рекламного сообщения или его объектом, может привести к снижению коммуникативной эффективности и усложнить процесс декодирования сообщения. Необходимо осознавать опасность трансформаций, ведь, во-первых, посредством изменения прецедентных феноменов происходит воздействие на когнитивную базу представителей культуры, концепты, нравственные идеалы и оценки. Во-вторых, трансформации прецедентного высказывания помогают сделать цель его введения более прозрачной для понимания и повысить экспрессивность, выразительность рекламного сообщения, создавая новые акценты и интерпретации, но в случае противопоставления семантико-экспрессивного наполнения прецедентного высказывания и рекламного сообщения, неуместного использования прецедентного высказывания, либо непродуманных трансформаций, не учитывающих все возможные трактовки и ассоциации, оценки, стоящие за высказыванием, может возникнуть коммуникативная неудача, диссонанс в восприятии феномена и рекламируемого объекта.

ПФ также могут выступать средством скрытой аргументации, когда она выстра-

ивается не на фактологическом материале, а на чувственно-эмоциональном уровне, на основе переживаний и впечатлений, выполняя аксиологическую функцию и имиджеобразующую функцию. Если же ПФ выступают средством характеристики, то дополняют информативную функцию рекламы, а также вносят оценочную характеристику рекламируемой продукции или бренда. Они могут ёмко передать значительный объём информации, включив знания об исходных текстах, именах, ситуациях и их оценках в процесс коммуникации.

Включение в рекламную коммуникацию прецедентных феноменов выводит повествование на один уровень с культурно-значимыми явлениями. Знакомые носителю лингвокультуры персонажи или ситуации, помогают обойти барьер рационального восприятия и вызвать эмоциональный отклик, сопереживание знакомым персонажам, не оставляя равнодушным реципиента, выполняя эстетическую и прагматическую функции. Кроме того, в рекламе прецедентные феномены выполняют парольную, или делимитативную [Терских, 2017], функцию, помогая

выделить адресата сообщения: обладая социальной или национальной прецедентностью тот или иной прецедентный феномен окажется значимым для человека или референтной группы, в концептуальную картину мира которых входит данное явление.

В заключение можно добавить, что расширение семантики рекламного сообщения за счет употребления прецедентного высказывания, выступающего символом прецедентного текста или ситуации, вводит дополнительные, связанные с прецедентным высказыванием коннотации, которые для нужд рекламного текста порой оказываются слишком сложными и уводят реципиента далеко от рекламируемого объекта. Поэтому включение ПФ в цитирующий рекламный текст часто носит исключительно утилитарный характер и призвано актуализировать отнюдь не полный объём закреплённых за ними представлений, а включая в коммуникацию лишь широко известные атрибуты и дифференциальные признаки, либо выделяя те, которые выгодно подчеркивают достоинства объекта рекламы.

Список литературы:

Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — Москва : Издательство Диалог-МГУ, 1997. — С. 82-103.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — Москва : ЛКИ, 2010. — 261 с.

Нахимова Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1. — С. 41-46. — DOI: 10.26170/pl18-01-04

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. — 207 с.

Пикулева Ю.Б. Культурный фон современной телевизионной рекламы // Известия Уральского государственного университета Серия 2: Гуманитарные науки. — 2002. — № 24. — С. 268-276.

Волкова Р.А. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в рекламной коммуникации / Р.А. Волкова, Б.С. Кабаньян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 105-108. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.22. 10.

Самыличева Н.А. Особенности трансформации прецедентных феноменов на разных языковых уровнях в современных медийных заголовках (на материале Новой газеты) // Вестник Нижегородского университета им НИ Лобачевского. — 2020. — № 6. — С. 177-184.

Салынова О.В. Прецедентные феномены как средство манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Вестник Калмыцкого университета. — 2018. — № 3. — С. 101-107.

Стародубова О.Ю. Прецедентный текст в публицистическом дискурсе как механизм реализации аутентичной авторской модальности // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. — 2019. — № 2. — С. 73–83.

Панова Е. Прецедентность в эпоху мультимедийной коммуникации / Е. Панова, Е. Шумакова // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. — 2019. — Vol. 10, № 1. — С. 357–369. — DOI: 10.31648/pw.4531.

Федянина В.А. К вопросу о прекращении официальных отношений Японии с танским Китаем в IX в // *Ежегодник Японии*. — 2010. — № 39. С. 309–317.

Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. — Москва : Добросвет, 2000. — 257 с.

Чумак-Жунь И.И. Трансформация прецедентных феноменов в «антисказках» В. С. Высоцкого как один из способов художественного отражения «советской действительности» / И.И. Чумак-Жунь, Д.А. Попкова // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. — 2012. — № 24. — С. 28–34.

Молодыхенко Е.Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета Серия: Гуманитарные и социальные науки*. — 2016. — № 3. — С. 122–130. — DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122.

Терских М.В. Инструменты интертекстуальности в дискурсе социальной рекламы // *Научный диалог*. — 2017. — № 9. — С. 69–80. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-69-80.

References:

Zakharenko, I. V. et al. (1997) 'Pretsidentnoe imia i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y pretsedentnykh fenomenov [Precedent-related names and precedent-related phrases as symbols of precedent-related phenomena]', in Krasnykh, V. V. and Izotov, A. I. (eds) *Language - Mind - Communication. Issue 1*. Moscow: Philologia, pp. 82–103. (In Russian).

Karaulov, Iu. N. (2010) *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic personality]*. Moscow: LKI. (In Russian).

Nakhimova, E. A. (2018) 'Classification and Differentiation of the Types of Precedent Phenomena in Political Communication', *Political Linguistics*, (1), pp. 41–46. doi: 10.26170/pl18-01-04. (In Russian).

Nakhimova, E. A. (2007) *Pretsidentnye imena v massovoi kommunikatsii [Precedent names in mass-communication]*. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ. (In Russian).

Pikuleva, I. B. (2002) 'Kul'turnyi fon sovremennoi televizionnoi reklamy [Cultural background of modern ads and commercials]', *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, (24), pp. 268–276. (In Russian).

Volkova, R. A. and Kaban'yan, B. S. (2020) 'Pragmatic Potential of Precedent Phenomena in Advertising Communication', *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13(4), pp. 105–108. doi: 10.30853/filnauki.2020.4.22. (In Russian).

Samylicheva, N. A. (2020) 'Peculiarities of transformation of precedent phenomena at different language levels in modern media headlines (on the material of "novaya gazeta")', *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (6), pp. 177–184. (In Russian).

Salynova, O. V. (2018) 'Precedent phenomena as a means of manipulative influence in advertising text', *Vestnik Kalmyckogo universiteta*, (3), pp. 101–107. (In Russian).

Starodubova, O. (2019) 'A precedent text in publicistic discourse as a mechanism for realizing an authentic author's modality', *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (2), pp. 73–83. (In Russian).

Panova, E. and Shumakova, E. (2019) 'Precedence in the era of multimedia communication', *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 10(1), pp. 357–369. doi: 10.31648/pw.4531. (In Russian).

Fedyanina, V. A. (2010) 'The Breach of official Relations between Japan and Tang China in the 9th Century Revisited', *Yearbook Japan*, (39309–317). (In Russian).

Baudrillard, J. (1990) 'La transparence du mal : essai sur les phénomènes extrêmes'. Paris: Galilée. (Russ. ed.: (2000) *Prozrachnost Zla*. Moscow: Dobrosvet Publ.).

Chumak-Zhun, I. I. and Popkova, D. A. (2012) 'Transformatsiia pretsedentnykh fenomenov v "antiskazkakh" V. S. Vysotskogo kak odin iz sposobov khudozhestvennogo otrazheniia "sovetskoi deistvitel'nosti" [Transformation of precedent phenomena in VS Vysotsky's «anti-fairy tales» as one of the

ways of artistic reflection of Soviet reality]', *Naučnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiya, zhurnalistika, pedagogika, psikhologiya*, (24), pp. 28–34. (In Russian).

Molodychenko, E. (2016) 'Values and Evaluation in Discourse of Consumerism: a Pragmalinguistic Analysis', *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series 'Humanitarian and Social Sciences'*, (3), pp. 122–130. doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122. (In Russian).

Tersikh, M. V. (2017) 'Tools of Intertextuality in Discourse of Social Advertising', *Nauchnyy dialog*, (9), pp. 69–80. doi: 10.24224/2227-1295-2017-9-69-80. (In Russian).

Информация об авторе

Александра Дмитриевна Мозгунова — соискатель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия); старший преподаватель кафедры японского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, 105064, Москва, Малый Казённый переулок, д. 5 Б (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Aleksandra D. Mozgunova — Postgraduate student of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages of MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia); Senior Lecturer at the Japanese Language Department of Moscow City University, 5B, Kazennyj pereulok, Moscow, Russia, 105064 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 17.03.2021; одобрена после рецензирования 18.05.2021; принята к публикации 09.06.2021.

The article was submitted 17.03.2021; approved after reviewing 18.05.2021; accepted for publication 09.06.2021.



ФЕМИНИЗМ В ИРАНЕ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

Анна Владимировна Березина

МГИМО МИД России, Москва, Россия

a.berezina@inno.mgimo.ru



Аннотация. Возрастающий интерес к гендерным исследованиям, малочисленность работ по изучению трансформации понятия феминизма в Иране, недостаточная изученность роли иранок в формировании женской идентичности и феминной картины мира обуславливают актуальность рассматриваемого вопроса. Предметом исследования является генезис, эволюция и характерные особенности концепции феминизма в Иране, а также отличия этой концепции от идеологии феминизма в Европе и других странах мусульманского Востока. В XX в. структурно-функциональные основы иранского общества претерпели определённые трансформации, направленные на модернизацию страны в рамках уникальной модели. Смены идеологических доминант проходили на фоне проникновения в Иран и развития в иранском обществе идей феминизма. Новой реалией Исламской Республики Иран стала эмансипация женщин, их активизация в сфере управления и принятия решений, а также правовое оформление их роли в социально-политической жизни страны. Среди женских политических течений можно выделить два вида феминизма — светский и религиозный, — характеризующихся разными концепциями феминизма, высшими целями и социальными группами приверженцев. Идеи светского феминизма созвучны с либеральным направлением этого течения: отмена исламского дресс-кода, демонстрация и поддержание гендерного баланса в политике, экономике и социальной сфере, то есть наделение иранок всей полнотой прав. При этом особое внимание уделяется сохранению культурной идентичности иранских женщин, их ориентации на идеалы иранской культуры, тенденции к секуляризации общественного и индивидуального сознания граждан. Иранский религиозный феминизм, именуемый «динамическим фикхом» или «коренным феминизмом», менее радикального свойства, чем исламский феминизм. Его последовательницы стремятся повысить статус женщины-мусульманки за счёт более благоприятных для неё толкований Корана и хадисов, а также написания соответствующих новым реалиям фетв — выносимым сведущим богословом решений по какому-либо вопросу.

Ключевые слова: феминизм, женское движение, исламский феминизм, светский феминизм, хиджаб, культура Ирана, права женщин, эмансипация, модернизация

Для цитирования: Березина А.В. Феминизм в Иране: генезис и эволюция // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 114–130. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-114-130>

FEMINISM IN IRAN: GENESIS AND EVOLUTION

Anna V. Berezina

MGIMO University, Moscow, Russia
a.berezina@inno.mgimo.ru

Abstract. The growing interest in gender studies, the small number of works about the transformation of the concept of feminism in Iran, insufficient knowledge of the role of Iranian women in the formation of female identity, and the feminine worldview determine the relevance of the issue. The subject of the research is the genesis, evolution and characteristic features of the concept of feminism in Iran, as well as the differences between this concept and the ideology of feminism in Europe and other countries of the Muslim East. In the XX century, the structural and functional foundations of the Iranian society underwent certain transformations, which have revealed the process of a general modernization of the country, proceeding within the framework of a unique model. Changes in ideological dominants took place in the background of penetration into Iran and the development of feminist ideas in the Iranian society. The emancipation of women, their activity in the field of management and decision-making, as well as the legalization of their role in the socio-political life of the country has become a new reality in the Islamic Republic of Iran. Among female political movements, two types of feminism can be distinguished — secular and religious — characterized by different concepts of feminism, higher goals, and social groups of adherents. The ideas of secular feminism match with the liberal direction of this trend: the abolition of the Islamic dress code, the demonstration and maintenance of gender balance in politics, the economy and the social sphere, in other words, giving Iranian women all the fullness of rights. At the same time, special attention is paid to the preservation of the cultural identity of Iranian women, their orientation towards the ideals of Iranian culture, the tendency towards the secularization of the public and individual consciousness of citizens. Iranian religious feminism, called dynamic fiqh or aboriginal feminism, is less radical than Islamic feminism. Its followers strive to raise the status of a Muslim woman through more favorable interpretations of the Quran and hadith for her, as well as writing fatwas — decisions made by a competent theologian on any issue — corresponding to the new realities.

Keywords: feminism, women's movement, Islamic feminism, secular feminism, hijab, Iranian culture, women's rights, emancipation, modernization

For citation: Berezina, A. V. (2021) 'Feminism in Iran: Genesis and Evolution', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 114–113. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-114-130>

XX в. для Ирана стал периодом интенсивной трансформации и модернизации, имевших уникальные свойства и национальную специфику. Во время правления династии Пехлеви (1925–1979) имела место так называемая «белая революция», нацеленная на создание собственного цивилизационного поля, основанного на синтезе традиций Запада и Востока, а также восстановле-

нии базовых черт национальной культуры. После Исламской революции (1979), свершившейся под лозунгом «Ни Запад, ни Восток», страна взяла курс на тотальную исламизацию с сохранением иранского культурного кода.

Смена политических режимов сопровождалась знакомством иранцев с культурой Запада, в частности идеями феминизма. На этом фоне возросло количество социаль-

ных функций женщины, что вошло в конфликт с выполнением ею традиционных семейных обязанностей. Новой реалией Исламской Республики Иран (ИРИ) стал выход женщин на политическую арену и расширение их социальных ролей. Учитывая возрастающее присутствие женщин в гражданском поле, назрела острая необходимость пересмотра норм законодательства, основанного на шариате, и дополнения соответствующей правовой базы, регламентирующей данную область. Под влиянием инноваций в Иране развернулась полемика вокруг возрастающей вовлеченности женщин в государственный аппарат, допуск к работе в системе власти, а также необходимости соблюдения хиджаба в качестве дресс-кода. В настоящее время можно говорить о существовании в стране двух параллельно развивающихся концепций — светского и религиозного феминизма. При этом государство остаётся консервативной структурой, аккумулирующей базовые принципы прошлых поколений, и встраивание в его матрицу расширенной самореализации женщины происходит крайне медленно.

К изучению феминистского течения и женской идентичности в Иране обращались многие исследователи: Х. Багери, Б. Бамдад, М. Гупранлу, Г. Доулати, А. Зарринкуб, М. Изадиния, Э. Имани, Х. Мо-

ширзаде, Г. Мир, А. Наджабади, М. Намази, П. Пайдар, Л. Хадем Махсус Хоссейни, Г.Н. Хаки, П.Н. Ханлари, Х. Хоссейни-Акбарнежад, Х. Худфар¹ и др., которые прямо или косвенно касались философского и культурологического ракурса проблемы, однако они не пришли к единому мнению относительно определения понятий. Концепция феминизма в Иране претерпела структурные и отчасти идеологические трансформации, что дало основание некоторым иранским учёным, например М. Махмудяну [Махмудян, 2001] и Ж. Шадиталаб [Шадиталаб, 2003], сделать вывод об отсутствии в этой стране концепции феминизма как таковой. Такие исследователи женского течения, как Э. Мирхани [Мирхани, 2018], Х. Аббасийан, А. Хоссейн-Заде [Хоссейн-Заде, Аббасийан, 2015], Э. Чераги-Котийани [Чераги-Котийани, 2014], Х. Шахидийан [Шахидийан, 1998], Р. Мотемассек [Мотемассек, 2001] и др. доказывают обратное — что феминизм в Иране существует в адаптированной к локальным реалиям и менталитету форме. Иранский учёный Хамидреза Джалаипур, в свою очередь, настаивает на разграничении понятий «феминизм» и «женское течение» в Иране как двух самостоятельных идеологических концепций [Джалаипур, 2006].

Теоретико-методологическую основу исследования составили философские,

ایمانی التاز، بررسی ویژگی ها و مسائل هویتی زنان معاصر در جهت شناسایی علل حضور یا عدم حضور آنان در عرصه عمومی جامعه معاصر، منتشر شده از مقالات کنفرانس زن، معماری و شهر، 7-8 اسفندماه 1392؛

باقری خ. مبانی فلسفی فمینیسم. تهران: نشر نی، 1392، ص. 146؛

بامداد ب. زن ایرانی از انقلاب مشروطیت تا انقلاب سفید. تهران: ابن سینا، 1995، ص. 99؛

قوپرانلو م. علل عدم هژمونی فمینیسم در ایران. تهران: پژوهشنامه، 2010، شماره 54، ص. 82-39؛

دولتی غ. حسینی اکبرزاده، بررسی مبانی فلسفی، اخلاقی، کلامی و آثار علمی فمینیسم. تهران: دفتر نشر معارف، 1388، ص. 344؛

زرین کوب ع. نقد ادبی. جلد اول. تهران: امیر کبیر، 1361، ص. 404؛

زرین کوب ع. نقش پر آب. تهران: سخن، 1388، ص. 612؛

مشیرزاده ح. از جنبش تا نظریه‌های اجتماعی: تاریخ دو قرن فمینیسم. تهران: نشر و پژوهش شیرازه، 1392، ص. 207؛

نمازی، م. پرواز را به خاطر بسپار. تهران: مهر برنا، 1388، ص. 280؛

حدیدی ج. برخورد اندیشه‌ها. تهران: توس، 1356، ص. 143.

Khadem Makhsus Hosseini L. Transformation of Iranian Women's Cultural Identity: Thesis for PhD degree in Cultural Studies. Moscow, 2018; Paidar P. Woman and the Political Process in Twentieth Century Iran. Cambridge University Press, 1997; Hoodfar H. The Veil in Their Minds and on Our Heads: Veiling Practices and Muslim Women. In: Castelli E.A. (eds) Women, Gender, Religion: A Reader. Palgrave Macmillan, New York, 2001.

Izadinia M. Exploring Iranian Women's identity: an ethnographic study. Australian Association for Research in Education, 2013. [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.aare.edu.au/publications-database.php/8226/exploring-iranian-womens-identity-an-ethnographic-study> (дата обращения: 09.07.2020); Izadinia M. In search of a Lost Identity: Iranian Women and their identity issues. Journal of International Women's studies, 16(2), 2015, pp. 128-140; Khaki G. N., Mir G. (2015) Globalization and Post-Islamic Revolution: a Changing Iranian Woman. Journal of Globalization Studies. No. 1, Vol. 6, pp. 74-90; Najmabadi A. Women with Mustaches and Men without Beards: Gender and sexual anxieties of Iranian modernity. Berkley: University of California Press, 2005. 377 p.; Najmabadi A. Women's Autobiography in Contemporary Iran. USA: Harvard Middle Eastern Monographs, 1991.78 p.

культурологические, социологические, исторические и другие труды, посвящённые гендерному вопросу. Многогранный характер предмета исследования обусловил необходимость междисциплинарного подхода и использование комплекса таких методов, как культурно-компаративный анализ, контент-анализ художественных произведений, метод философской герменевтики, а также биографический и социологический методы.

В конце XIX в. волна феминизма дошла до мусульманских стран – основным источником таких радикальных идей стала литература, созданная под влиянием идей феминизма и освещающая женский вопрос. Открывшееся новое видение мироустройства с обновлённым статусом женщины в семье и обществе оказывало серьёзное воздействие на формирование картины мира народов Ближнего и Среднего Востока, в частности иранцев. Следует отдельно отметить доминирующее влияние французской литературы, её жанров, художественных приёмов, мотивов, контекста и общей философии на формирование вкусовых и эстетических предпочтений иранцев. Свежие идеи французских феминисток попали на не слишком благодатную почву патриархального уклада жизни, закостенелого сознания, взаимодействия политики и религии. В силу этого новые взгляды вначале столкнулись с полным отторжением, однако постепенно проникли в круги творческой интеллигенции. Вместе с тем, феминизм в Иране не существовал в чистом виде — концепция обрела разночтения и интерпретации, позволявшие ей встроиться в процесс общей модернизации общества, не ломая миропонимание обывателя.

В культурном коде иранцев записан традиционный уклад семьи и общества, который зиждется на догмах ислама, поэтому сложно вести речь о преобладающей роли феминизма среди других идеологических течений в Иране [Гупранлу, 2010: 42]. Скорее, получили распространение идеи либерализма, вошедшие в различные сферы жизни: политику, экономику, общественные отношения, семью и т.д. Взгляд на статус женщины с либеральных позиций стал идеологической основой для

светского феминизма, который некоторые исследователи называют также либеральным феминизмом.

Активное взаимодействие Персии с западным миром началось в период правления династии Каджаров (1795–1925), а именно Насер ад-Дин Шаха (1848–1896), правление которого называют самым долгим в новой истории страны (47 лет). В 1870-х и 1880-х гг. он предпринял ряд поездок в Европу и стал первым современным персидским монархом, официально посетившим эти страны. Насер ад-Дин Шах был поражён увиденным прогрессом. Свои впечатления описал в мемуарах, переведённых на несколько языков и опубликованных как в Санкт-Петербурге, Лондоне и других европейских городах, так и в Тегеране. Это способствовало ещё большему знакомству иранцев с западной культурой.

Насер ад-Дин Шах провёл значительные для своего времени реформы в стране, в том числе в сфере культуры и образования: модернизировал города, ввёл телеграф и почту, открыл первую школу высшего образования Дар ул-Фунун, первую газету, организовал театр при дворе, популяризировал искусство фотографии и многое другое. Однако влияние и авторитет исламских богословов, противящихся прозападным настроениям, оказывали определяющее воздействие на общественное сознание, оттого эти преобразования поддержала лишь прогрессивно настроенная молодёжь.

Одна из дочерей шаха, Тадж ас-Салтане, стала одной из первых феминисток, основателем и активным членом «Общества свободы женщин» (1910). Она первая отказалась от ношения хиджаба, и впоследствии некоторые иранские женщины стали следовать тенденциям европейской моды. Образованные иранки также обращали внимание на идеи, волнующие западную интеллигенцию, и пробовали претворять их в жизнь не посредством бездумного копирования, а путём корректного и постепенного встраивания нового взгляда на женский мир в национальный менталитет.

В 1888 г. появилось первое женское общество, членами которого были три дочери шаха. Заседания, на которых жен-

щины открыто высказывали своё мнение по ряду заранее обозначенных вопросов, проводились каждые две недели [Багери, 2003: 7]. И хотя это общество не имело значимой политической силы, был создан прецедент, доказывающий важность детального рассмотрения и обсуждения женского вопроса. Уже в следующем году прогрессивные иранки основали другое женское общество, имевшее чёткие политические цели — предотвращение попадания Персии в экономическую зависимость от Российской империи. Безусловно, женщины не рассчитывали на ощутимое влияние на расстановку политических сил, однако вели агитационную работу в поддержку национального производителя [Багери, 2003: 13].

В начале XX в. иранский либеральный феминизм носил менее политизированный характер, чем западный, и был направлен на получение женщиной доступа к образованию, в частности в сфере точных наук и искусств. Цели женского движения отражают экономическую и религиозную специфику страны. С одной стороны, феминистки агитировали за потребление товаров отечественного производства, популяризировали кустарные промыслы, привлекали девушек к ручному труду и обучению древним техникам производства оригинальных изделий. С другой стороны, иранки в первую очередь боролись за право получения образования с тем, чтобы выйти из просительного-зависимого от мужчин положения. С рождения до замужества девочка находилась на попечении отца, а в браке все расходы брал на себя супруг. В этой парадигме многие женщины терпели несчастливый брак и даже домашнее насилие из-за страха развода, что означало для них запятнать репутацию, лишиться возможности устроиться на работу, остаться без средств к существованию и быть отлучёнными от детей. Также основным критерием угнетения женщины в Персии была необходимость соблюдения хиджаба как символа покорности женщины мужчине. Усиление феминистских настроений в Иране связывают с Конституционной революцией (1905–1911), совпавшей с национально-освободительным движением [Чераги-Котийани, 2014: 34].

Богословские круги обвиняли иранских феминисток в западничестве — бездумном копировании чуждых иранскому народу идеалов, которые развращают молодёжь, разрушают нравственные устои и пагубно влияют на политический климат в стране. Резко негативное восприятие женского движения и всей европейской культуры в религиозных кругах усилилось с введением прозападной ориентации политики правящей династии Пехлеви (1925–1979).

В 1930-е гг. Реза-шах Пехлеви (1878–1944) закрыл многие женские общества, чем вызвал волну негодования среди их членов — образованных женщин среднего и высшего сословия из крупных городов (Тегерана, Исфахана, Решта, Шираза). При этом женщины получили право на образование, за что так активно боролись: в 1928 г. право обучаться за границей за государственные деньги, в 1935 г. им открыли доступ в университеты, а с 1944 г. начальное образование для женщин стало обязательным. В 1936 г. шах ввёл запрет на ношение исламского хиджаба в обществе, что, с одной стороны, было горячо поддержано активистками, а другой — привело к массовому затворничеству религиозных женщин и сделало их ещё более зависимыми от семьи. Этот закон был отменён лишь в 1941 г. Кроме того, большинство грамотных женщин получили доступ к государственной службе, право устраиваться на работу по собственной воле и принимать участие в общественной жизни страны.

В этот период активистки направили свои усилия на создание печатных изданий для женщин. Свою деятельность продолжили организации «Общество свободы женщин», «Общество движения патриотов» и некоторые другие. Активно действовали издания для женщин: «Знание» (главный редактор — доктор Каххал), «Соцветие» (Марьям Амид), «Голос женщин» (Садиге Довлатабади), «Женское письмо» (Шахназ Азад), «Мир женщины» (Фахре-Афг Парса), «Дочери Ирана» (Зандохт Ширази), «Движение патриотов» (Мохтарам Эскандари) и многие другие [Чераги-Котийани, 2014: 37–39]. Однако большинство независимых изданий было закрыто по распоряжению Реза-шаха.

Многие образованные женщины видели своей миссией просвещение и открытие школ для девочек: несмотря на новые законы, в этой практике приходилось противостоять консерваторам и традиционалистам. Свои школы основали Садиге Довлатабади, Туба Азмуде, Махрох Гоухаршенас, Сафийе Йезди, Биби-ханум Астарабади, Равшанак Но'дуст и многие другие.

В 1941 г. с приходом к власти Мохаммеда Резы Пехлеви (1919–1980) женские общества возобновили свою деятельность с новой силой. Все они были государственными либо принадлежали партиям — независимые организации были упразднены. Основанная при Реза-шахе в 1935 г. «Лига женщин» — умеренная благотворительная организация — продолжила свою работу под названием «Организация женщин Ирана» под эгидой самого Мохаммеда Резы. «Демократическая организация женщин Ирана» при марксистско-ленинской Народной партии Ирана («Туде») издавала журнал с довольно радикальными феминистскими идеями «Наше пробуждение» под лозунгом «и у нас в этом доме есть права». Секулярные организации типа «Партии свободных духом» боролись за отмену исламского дресс-кода и право женщин на развод [Чераги-Котийани, 2014: 39–40].

После путча в Иране (1953), повлёкшего свержение демократически избранного правительства Национального фронта Ирана во главе с М. Мосаддыком, берёт своё начало новая волна женского движения. В 1955 г. общественный деятель, политик, посол Ирана в Дании и депутат парламента Мехрангиз Довлатшахи (1919–2008) основала организацию «Новый путь». В 1956 г. благодаря усилиям Сафийе Фируз появилась «Женская лига сторонников Декларации прав человека». В 1959 г. 15 женских организаций объединились в федерацию «Высший совет женских организаций в Иране», которая направила свои усилия на получение женщинами избирательного права.

Несмотря на противостояние религиозных кругов, женщины добились права участвовать в выборах в 1963 г., когда референдум показал общую поддержку программ реформ, известных под названием

«Белая революция». Шах Мохаммед Реза Пехлеви провёл ряд преобразований: женщинам предоставили право занимать высокие государственные должности, был повышен возраст девушек для вступления в брак до 18 лет, закон регламентировал процесс развода, защищал права разведённых, а также замужних женщин и детей. В 1960-х гг. несколько женщин вошли в состав парламента, женщины становились министрами, судьями и полицейскими. В 1968 г. Фаррухру Парса была назначена министром образования, в 1969 г. пять женщин, в том числе будущий лауреат Нобелевской премии мира (2003 г.) правозащитница Ширин Эбади, стали судьями. Многие иранки были избраны в городские и сельские советы.

Женщины добились своего — впервые за многовековую историю Персии и Ирана они стали обладать обширными правами и прекрасно проявили себя в исконно мужском мире. Однако Мохаммед Реза вёл жёсткую политику, не приемлющую инакомыслия, и с 1960-х гг. в кругах интеллигенции начали приобретать популярность идеи исламского фундаментализма как противостояние диктатуре шаха.

В сформировавшейся концепции феминизма в Иране выделяют три основных блока: прозападный антирелигиозный, левоцентристский и относящийся к религиозному модернизму [Гупранлу, 2010: 55]. Идеи прозападного антирелигиозного феминизма созвучны с либеральным направлением этой концепции: борьба за равноправие полов, отказ от зависимости женщин от мужчин, демонстрация и поддержание равенства посредством собственного выбора. В Иране основными характеристиками указанного течения стали сохранение ориентации на идеалы иранской культуры и тенденция к секуляризации общественного и индивидуального сознания граждан.

Левоцентристский феминизм в Иране ставил своей целью создание идеального социалистического общества на основе всеобщего равенства, в результате чего вопрос угнетения женщины был бы решён автоматически. Свобода женщины виделась как необходимая часть более глобаль-

ного и всеобъемлющего процесса поиска социальной, политической и экономической справедливости. Зарождавшееся в то время в Иране феминистское богословие подхватило западную идеологию теологии феминизма, рассматривавшее женский аспект в поле религиозных практик и ритуалов, а также гендерные отношения в иерархии ценностей мировых религий.

В целом, появление и распространение исламского феминизма связывают с окончанием Второй мировой войны, возросшим вниманием к защите прав человека, а также подписанием Конвенции об уничтожении всех форм дискриминации женщины (Convention on the all Forms of Discrimination against Women, 1979 г.) [Хосейн-Заде, Аббасийан, 2015: 208]. В отличие от консервативных кругов, активистки не считали феминизм в мусульманских странах подражанием Западу, т.к. рассматривали новую тенденцию к повышению статуса женщины как гуманистическое движение в общемировом контексте.

Многие иранские женщины блестяще использовали литературу для выражения своих социально-политических убеждений. Они боролись «не мечом, но словом» и считали поэзию наиболее действенным инструментом для достижения цели — создания гармоничного общества с равными возможностями для мужчин и женщин. Основная деятельность светских феминисток была направлена на создание женских обществ и научное исследование женского мира [Зибайинежад, 2003: 27]. Данная особенность сближает женское движение в Иране с французским феминизмом, зародившимся в просвещённых кругах. (Milani, 1992; Milani and Press., 2011)

В этой связи необходимо отметить исследования творчества женщин-литераторов, проведённые профессором Виргинского университета Фарзана Милани. В её книгах *Veils and Words: The Emerging Voice of Iranian Women Writers* [Милани, 1992], *Words, not Swords* [Милани, 2011] и *Forugh Farrokhzad: A Literary Biography With Unpublished Letters* [Милани, 2016] объёмно

рассматривается литературное творчество иранских женщин в контексте либеральных социально-культурных течений, приводится литературная биография Форуг Фаррохзад (1935–1967), а также даются авторские переводы на английский язык отрывков некоторых художественных произведений поэтессы. По словам профессора Ф. Милани, наивысшей ценностью иранки считали свободу: свободу высказывания, свободу вероисповедания, свободу передвижения, свободу любить и быть любимыми, свободу говорить правду и, пожалуй, самую главную — свободу слышать правду. За достижение этих свобод иранские женщины платили высокую цену.

Поэтесса, проповедница и богослов бабизма Тахире Куррат-уль-Айн (1817–1852), которую в современной истории считают предтечей исламского феминизма в Иране, была казнена в возрасте 35 лет. Она не захотела отказаться от учения Баба в обмен на высокую позицию в шахском гареме и стойко приняла медленную и мучительную смерть. По словам очевидцев, незадолго до казни Тахире сказала: «Вы можете меня убить, но вы бессильны помешать освобождению женщин». Газета *The Times* сообщила о смерти Куррат-уль-Айн 13 октября 1852 года, назвав её «справедливой пророчицей Казвина²» и «помощницей Баба».

Дочь Насер ад-Дин Шаха Каджара и его супруги Туран эс-Салтане — феминистка, писательница Тадж эс-Салтане (1884–1936) — трижды пыталась совершить самоубийство. Она была первой женщиной при дворе, которая открыла лицо и стала носить европейскую одежду, добилась развода, открыла первый литературный салон, около 1900 г. основала феминистскую организацию в Иране — «Лигу освобождения женщин». В 1996 г. вышли с свет её мемуары «Корона скорби: мемуары персидской принцессы от гарема до современности 1884–1914 гг.»

Фахре-Афг Парса (1889–?) — первая известная женщина-журналист, стала редактором иранского женского журнала «Мир

² Казвин — город на севере Ирана, место рождения Тахире Куррат-уль-Айн.

женщины», боролась за право женщин получать образование. В 1921 г. она со своим супругом была сослана в г. Кум под домашний арест. Тогда же у пары родилась Фаррух-ру Парса, будущий врач, педагог, министр образования, первая в Иране женщина-министр, которая во время Исламской революции была арестована и в 1980 г. расстреляна. Строки из её прощального письма своим детям стали знаменитыми: «Я — врач, поэтому смерти я не боюсь. Смерть — всего лишь мгновение и не более того. Я скорее готова встретить смерть с распростёртыми объятиями, чем жить в позоре, будучи насильственно укрытой покрывалом. Я не покорюсь тем, кто ждёт от меня раскаяния в моей полувековой борьбе за равенство мужчин и женщин. Я не готова носить чадру и шагнуть обратно в прошлое».

Парвин Этесами (1907–1941) ушла из жизни в 34 года вследствие брюшного тифа. Она стала первой женщиной, опубликовавшей сборник своих стихотворений при жизни. И хотя подавляющее большинство её стихотворений транслируют общеперсидские идеи и следуют персидской литературной традиции, мы находим и следующие строки:

Во-первых, женщина в Иране никогда не была иранкой,

Её удел — лишь разочарования и тяготы,
Живёт и умирает в клетке одинокой

Чего могли бы достичь женщины, если бы не были в тюрьме...

Для женщины на широкой дороге жизни

Отвели лишь узкую тропинку,

Свет знаний укрыли от её глаз,

Это невежество не вызвано низостью и пассивностью^{3,4}

Зандохт Ширази (1909–1953), поэтесса и феминистка, ушла из жизни в 44-летнем возрасте по причине нервного истощения. В 1927 г. она основала Революционное женское общество в г. Ширазе, издавала газету «Дочери Ирана» об эмансипации и притес-

нении женщин, придерживалась радикальных феминистских взглядов.

Интеллектуал, борец за права женщин, писательница Фатеме Саййах (1902–1947) в возрасте 45 лет скончалась от остановки сердца. Она окончила МГУ, получила учёную степень кандидата филологических наук. По прибытии в Иран организовала Общество женщин при Министерстве культуры, стала первой женщиной-профессором университета, основала в Тегеранском университете кафедру литературной критики и сравнительного литературоведения. Придерживалась идей реализма и марксизма, на формирование её научных взглядов оказали влияние работы русских критиков В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского. В 1943 г. вступила в ряды новой «Партии иранских женщин», которая впоследствии сменила название на «Совет иранских женщин». Известной ученицей Фатеме Саййах была писательница и переводчик Симин Данешвар (1921–2012).

Писательница, журналист и переводчик Махшид Амиршахи (г.р. 1937) вскрыла себе вены, но её удалось спасти. В начале Исламской революции в Иране она публично выступала за светскую демократию, открыто поддерживала Шапура Бахтияра (последнего премьер-министра Ирана до образования Исламской республики) и доктора Мохаммада Мосаддыка. После революции 1979 г. была вынуждена покинуть Иран, но продолжила заниматься писательской и политической деятельностью.

Поэтесса Форуг Фаррохзад (1935–1967), писательницы Шахрнуш Парсипур (г.р. 1946) и Голи Тараги (г.р. 1939) были вынуждены проходить лечение в психиатрических клиниках. Форуг Фаррохзад неоднократно хотела покончить жизнь самоубийством. Поэтесса и писательница Газале Ализаде (1947–1996) после нескольких неудачных попыток всё же лишила себя жизни⁵.

³ Этесами Парвин. Стихотворение «Женщина в Иране». — URL: <https://ganjoor.net/parvin/divanp/mtm/sh180/> (дата обращения: 15.01.2021)

⁴ Здесь и далее перевод с персидского А.В. Березиной.

⁵ Из материалов доклада профессора Ф. Милани *Forugh Farrokhzad: A Literary Biography and Unpublished Letters* в Стэнфордском университете 26 января 2017 г. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UY1UoxgfkKU> (дата обращения: 17.01.2021).

Эти выдающиеся женщины избрали литературу своей профессиональной деятельностью, которая редко вписывается в традиционный женский мир семейно-бытовых обязанностей. Тахире Гуррат-уль-Айн была вынуждена оставить супруга и троих детей. Тадж эс-Салтане после непродолжительного брака развелась с мужем и лишилась своих дочерей. Брак Парвин Эттесами продлился лишь несколько месяцев. Зандохт Ширази так и не вышла замуж. У Симин Данешвар не было детей. Махшид Амиршахи, Голи Тараги, Шахрнуш Парсипур и Симин Бехбахани (1927–2014) расстались с мужьями. Поэтесса Форуг Фаррохзад и Махиндохт Дарай после развода отлучили от детей.

Сложные обстоятельства личной жизни поэтесс и писательниц подтверждали общее убеждение иранцев в том, что выполнение женщиной социальных ролей неизбежно влечёт невозможность осуществления ею семейно-бытовых функций и пагубно отражается на её статусе. Общественное мнение зиждилось на том, что предназначение женщины сводится к поддержанию домашнего очага и воспитанию детей, и только некоторые выдающиеся личности жертвовали семьёй ради карьеры и творчества. Такой род жертвенности вписывается в социально-психологическую парадигму женской идентичности в Иране. Форуг Фаррохзад откровенно пишет об этом в стихотворении «Жертва»:

Сегодня ночью на твоём пышном ложе
Я встревожена искушением вдохновения
Душа моя обессилена этим беспокойством
О стих, о кровавадна муза...

Уж давно златую песнь
Из любви не поёшь мне на ушко –
Знаю, что вновь жаждешь крови,
Но... Довольно всех этих жертв!
[Фаррохзад, 1999: 133]

Многие столетия иранские поэтессы и писательницы сталкивались с основной проблемой — гендерным разделением, которое подобно стене отгородило индивидуальное и общественное пространство [Милани, 2011]. Женщине было запрещено проявлять себя в социуме, у неё

отняли даже право свободного передвижения — эта область считалась сугубо мужской. Порицалось появление женщины без сопровождения в общественных местах без острой необходимости. Свобода женщины была ограничена пространством её дома, только самые близкие кровные родственники могли видеть женщину с открытым ауратом — частей тела, которую мусульмане обязаны прикрывать перед другими людьми.

Даже женский голос считался частью аурата: не принято высказываться при мужчинах, повышать голос или кричать, запрещено пение соло; в социальных отношениях женщины были лишены права высказывания собственной позиции, голосования. Литературное творчество как способ самопрезентации и самовыражения порицалось так же, как и демонстрация аурата в исламе — было позволительно заниматься стихосложением в качестве домашнего развлечения, однако показ плодов творчества на публике считался непристойным. Названные женщины-литераторы нарушили считавшиеся священными гендерные и литературные нормы.

В современном Иране женский вопрос рассматривается в политически-правовом ключе, а основными целями иранок остаются обретение экономической независимости от мужчин и доступ к получению высшего профессионального образования.

В результате Исламской революции 1979 г. на политической карте мира появилась Исламская Республика Иран. К этому времени иранские женщины стали считаться влиятельной политической силой. Многие иранки поддержали революцию, видя в смене политического строя возможности для реализации своих прав и повышения социального статуса. Символом поддержки революционного движения и свершившего государственного переворота стала чёрная чадра (перс. «чадор»), в которую укутывались выходившие на демонстрации иранки.

Пришедший к власти аятолла Хомейни провозгласил, что отныне идеалом женщины будет считаться Фатима, дочь пророка Мухаммеда, в силу её душевных качеств: богобоязненности, скромности, предан-

ности и верности супругу. Тотальная исламизация общества подразумевала строгую гендерную сегрегацию, многочисленные запреты и ограничения, нарушения которых сурово карались законом. За некоторые особо тяжкие преступления была предусмотрена высшая мера наказания — смертная казнь. В частности, была вновь введена практика побиения камнями людей, признанных виновными в прелюбодеянии. Это новшество привлекло внимание Комиссии по правам человека ООН: вопрос об ущемлении прав женщин в Иране обсуждался на международном уровне.

Законодательство коснулось и урегулирования прав женщин, в результате чего иранки утратили с таким трудом завоеванные свободы. Новая власть отменила законы, введённые шахом, в том числе и Закон о семье 1967 г., согласно которому женщинам предоставлялось право на развод. В 1980 г. власти восстановили институты временного и полигамного браков, которые ущемляли права и понижали статус женщины [Дунаева, 2012: 250].

Иранкам полагалось носить тёмные одежды, полностью закрывающие их тело за исключением кистей рук и овала лица. Соблюдение этого закона контролируется специальным отделом органов по охране общественного порядка — «полицией нравов». Введена сегрегация по признаку пола: женщинам запретили петь соло и танцевать публично, посещать спортивные соревнования, пользоваться общественным транспортом вместе с мужчинами.

Образованные женщины, ощущавшие свою политическую власть, организовывали протесты. Целью таких демонстраций было не расширение прав, а сбережение достигнутого статуса. Так, 8 марта 1979 г. иранки устроили пятидневную демонстрацию, в декабре того же года провели Конференцию единства женщин. Многочисленные акции протеста не помешали выходу указа аятоллы Хомейни об упразднении всех введённых шахом законов.

Ирано-иракская война (1980–1988) стала новым испытанием для народа и имела

тяжёлые экономические последствия для страны. Этот кризисный период иранки использовали как возможность реализовать свои политические амбиции. В результате женщинам разрешили проходить военную подготовку в элитном военно-политическом формировании — Корпусе стражей исламской революции. При Партии исламской республики появилось женское общество, а депутатами Меджлиса исламского совета стали сразу четыре женщины.

С 1990-х гг. можно говорить о существенном расширении политических свобод иранских женщин — в этот период были приняты законы, обеспечивающие их гражданские и политические права [Дунаева, 2012: 251–252]. Однако следует отметить, что Иран так и не присоединился к Конвенции об уничтожении всех форм дискриминации женщины 1979 г.

Составление новых законов ИРИ, регламентирующих статус женщины, потребовало существенной разработки подходящей идеологической базы по этому вопросу, т.к. имеющиеся философские труды освещали его крайне недостаточно. Поэтому многие выдающиеся богословы и теоретики, а именно: М. Мотаххари, С.М. Талегани, А. Шариати и др. занялись восполнением лакун и адаптацией уже имеющегося идейного фундамента к современным условиям [Дунаева, 2019: 192–194].

Статус иранской женщины был окончательно закреплён в отдельной статье Конституции Исламской Республики Иран: «Правительство обязано с учётом исламских норм гарантировать соблюдение прав женщин во всех сферах»⁶. Несмотря на формулировку «возрождение её [женщины — прим. авт.] материальных и духовных прав», внимание в данной статье акцентировано на поддержание материального и юридического обеспечения женщины, что объясняется исторически сложившейся тенденцией борьбы иранок в первую очередь за свои экономические права [Березина, 2017: 83–84].

Кроме Конституции ИРИ права и свободы женщин регулируются Гражданским

⁶ Конституция Исламской Республики Иран. Тегеран: Алхода, 2009. 88 с.

кодексом, идейной базой которого стали законы шариата, формирующие религиозную совесть и нравственные ценности мусульман. В 2005 г. Высшим советом исламской революции принята «Хартия прав и обязанностей женщин в условиях исламского режима», разработанная на базе Конституции и философских воззрений лидера Исламской революции Имама Хомейни. Основные положения этого документа легли в основу Закона о правах и обязанностях женщин, одобренного Меджлисом в 2006 г. Этот закон предписывает Общественно-культурному совету женщин каждые полгода проводить оценку положения женщин в стране и представлять доклад о проведённом исследовании в Верховный совет культурной революции.

Руководствуясь духовным наследием Имама Хомейни, власти ИРИ пытаются решить женский вопрос путём нового осмысления мусульманского права. Сейчас, спустя более 40 лет существования ИРИ, звучат осторожные заявления о зарождении новой исламской культуры, внедряется стратегия подкрепления идентичности и статуса женщины религиозными нормами, предпринимаются осмысленные шаги к формированию коллективного осознания ответственности перед женщиной [Мирхани, 2018: 28–29].

12 июня 2006 г., после митинга в ознаменование Дня единства иранских женщин на тегеранской площади Хафт-э Тир, началось движение «Один миллион подписей за отмену дискриминационных законов»⁷, известное также как «Кампания женщин за равенство» или «Подписи». В митинге участвовали различные идеологические группы, ставившие своей целью проведение реформы законодательства, в частности Закона о семье, дискриминирующего женщин. За несколько лет кампания по сбору миллиона подписей привлекла в свои ряды множество союзников и получила международное признание: ряд правозащитных, журналистских и продемократических организаций вручил награды как самой организации, так и некоторым её членам.

Кампания не имеет штаб-квартиры или руководства, она нигде и везде, безгранична и вездесуща. По словам правозащитницы Ширин Эбади, «даже если бы мы захотели, мы не смогли бы прекратить кампанию по сбору миллиона подписей». Активисты этого движения подвергались нападениям и тюремному заключению со стороны правительства ИРИ.

Движение «Подписи» даже оказало некоторое воздействие на законодательные инициативы в Иране. В 2008 г. иранское правительство предложило ввести налог на прописанный в брачном контракте выкуп за невесту (мехрие) выше определённой суммы, чтобы снизить финансовое бремя мужчин в случае развода. Выкуп за невесту является обязательным пунктом брачного контракта, и так как в Иране не выплачиваются алименты, многие иранки рассматривают мехрие как средство своей финансовой безопасности. Активисты кампании «Подписи» выступили против в силу сопротивления предполагаемому продвижению полигамии, в результате чего законопроект был возвращён в Меджлис исламского совета. Законопроект приняли в сентябре 2009 г., и в нём уже отсутствовали положения о полигамии и налогообложении.

Также известна кампания «Стоп забиванию камнями», инициированная некоторыми участниками движения женщин в Иране, членами неправительственных организаций и адвокатами-волонтерами. Целью движения является взаимодействие иранок, проживающих в Иране и за рубежом, для упразднения такого вида наказания. Кампания признана на уровне международных правозащитных организаций.

После долгих споров и доработок в 2012 г. был принят новый Закон о семье. Вышеперечисленные законы регулируют участие женщин в политической, экономической, социальной, финансовой жизни страны, а также семейные отношения. Учитывая возрастающее присутствие женщин в гражданско-политическом поле, законодательство пересматривается с целью рас-

⁷ Сайт группы «Школа женщин». — URL: <http://www.feministschool.com/campaign/> (дата обращения: 17.01.2021).

ширения и дополнения соответствующей правовой базы, регламентирующей эту сферу.

Недостаточно проработанные правовые нормы для обеспечения социально-политических прав женщин нередко вызывают споры и протесты. В Иране развернулась полемика вокруг большей вовлеченности женщин в государственный аппарат, допуск к работе в некоторых должностях, а также необходимости соблюдения хиджаба в качестве дресс-кода. При этом набирает силу тенденция привлечения женщин в сферу политики. Важным шагом к выходу женщин на политическую арену стал допуск к работе в органах судебной власти и даже назначение их на судебские должности, что идёт вразрез с существующей исламской традицией. В настоящее время более 460 женщин заняты в системе правосудия ИРИ [Дунаева, 2012: 252].

В 2014 г. журналист и активистка иранского происхождения Масих Алинежад, проживающая в Великобритании и США, запустила на своей странице в Facebook движение «Моя скрытая свобода»⁸. Иранки выкладывали в сеть свои фотографии без платков и получали в поддержку множество отметок «нравится». Эта инициатива широко освещалась в международной прессе. Женщины тщетно надеялись, что избранный на второй срок президент ИРИ Хасан Роухани отменит соблюдение хиджаба в качестве обязательного дресс-кода. С этой же целью М. Алинежад начала акцию «белые среды»⁹, в которые иранки надевали на голову белые шали, а затем срывали их с головы и выкладывали в Интернет фото и видео таких протестных акций. Мужчины в знак солидарности по средам повязывали белые ленты на запястья.

В целом, иранки осознают свой потенциал, растущая гласность и глобализация позволяет им всё активнее выступать в поддержку прав женщин. Они усиливают сопротивление консервативному прави-

тельству, санкционировавшему полигамию, временный брак, отмену выплаты мужчиной выкупа за невесту в случае развода, а также опеки отцов над детьми. С активизацией участия женщин в социально-политической среде ислам в Иране начал трактоваться более гендерно-эгалитарным способом. Новый брачный договор даёт женщинам право на развод, установления выкупа за невесту. До замужества женщина может вычеркнуть из контракта положения, препятствующие её выходу на работу, ограничивающие передвижение и другие свободы. Повысилось внимание к статусу женщины в семье, женщинам разрешено водить автомобили, ездить на велосипедах, иметь собственные счета в банках, частично посещать футбольные матчи (с 2019 г.), делать аборт (только если жизнь женщины находится в опасности или есть задержки в развитии плода). К слову, постоянные методы контрацепции запрещены, а в 2018 г. правительство ограничило доступ к недорогим современным методам контрацепции с целью повышения рождаемости в стране.

Несмотря на все видимые улучшения в сфере уравнивания мужчин и женщин в правах, многие именитые женщины эмигрируют из Ирана. В качестве примера приведём нашумевшие истории, произошедшие в 2020 г. Кимия Ализаде, тхэквондистка и первая в истории своей страны олимпийская медалистка, навсегда покинула Иран. Причиной такого решения она называет отсутствие свободы при выступлении на международной арене, необходимость говорить только согласованные с руководством слова и носить определённую мусульманскую одежду. Иранская шахматистка, первая и единственная женщина в Азии, ставшая международным арбитром категории А, Шохре Байат, приняла решение не возвращаться в Иран после скандала, разразившегося вследствие распространения в сети её фотографии с не-

⁸ Страница Facebook Масих Алинежад. — URL: <https://www.facebook.com/page.masihalinejad/> (дата обращения: 17.01.2021)

⁹ Видеоролики, выложенные в глобальную сеть иранскими пользователями в рамках акции «белые среды». — URL: https://www.aparat.com/result/%DA%86%D9%87%D8%A7%D8%B1%D8%B4%D9%86%D8%A8%D9%87_%D9%87%D8%A7%DB%8C_%D8%B3%D9%81%DB%8C%D8%AF (дата обращения: 21.02.2021)

покрытой головой на международном шахматном турнире в г. Шанхае. Арбитр отказалась по настоянию иранских властей делать какие-либо заявления в пользу исламского хиджаба.

В современном Иране выделяют два вида феминизма — светский и религиозный, имеющие совсем разные толкования. Большинство последователей светского феминизма в силу своей политической позиции были вынуждены навсегда покинуть свою страну. Они ратуют за отмену исламского дресс-кода, уравнивание женщин и мужчин в достижении государственных позиций на всех уровнях, то есть наделение иранок всей полнотой прав и свобод, за которые ведут борьбу западные умеренные феминистки, при сохранении своей культурной идентичности. Как правило, приверженцами таких взглядов становятся женщины среднего и высшего классов, получившие качественное образование в Европе или США, то есть не только соприкоснувшиеся с другими культурами и менталитетом, но и долгое время прожившие за рубежом.

Исламский или мусульманский феминизм зиждется на догмах ислама. Он считается более радикальным в сравнении со светским: его последовательницы утверждают, что ранний ислам представлял более эгалитарные идеалы, и подрывают идеи консерваторов о predetermined Аллахом гендерной асимметрии. Активистки считают, что суть эксплуатации женщин лежит в неправильном истолковании смыслов Корана [Хоссейн-Заде, Аббасийан, 2015: 209–210]. Они борются за пересмотр права наследования, выплаты компенсаций, дачи свидетельских показаний в суде, права опеки над ребёнком, право на развод, а также социальные права — получение руководящих должностей в государственных органах [Бехдараванд, 2008: 35].

Стратегию исламских феминисток также называют «гендерным иджтихадом¹⁰», предполагающим, что именно женщины будут выносить решения и делать выводы в вопросах права, относительно которых

нет прямых указаний в Коране и хадисах [Мохаммади, Хазери, 2016: 8]. Отметим, что комментирование и толкование Корана — тафсир — традиционно рассматривалось исключительно в парадигме маскулинности.

Религиозные консерваторы находят большинство требований мусульманских феминисток противоречащим принципам ислама, более того, называют оксюморон само понятие «исламский феминизм». Они выделяют ряд принципов этого женского движения, которые вступают в конфликт с идеологическими установками ислама: гуманизм, секуляризм, моральный релятивизм, индивидуализм, антропоцентризм, иррациональная свобода [Хоссейн-Заде, Аббасийан, 2015: 227].

М. Зибайинежад считает, что исламский феминизм — это лишь попытка дать новое толкование принципов ислама, руководствуясь идеологией Запада и модернистской литературой, его суть лежит в переводе западного идеологического течения, чуждого менталитету иранцев и ирано-исламской культуре [Зибайинежад, 2009: 57]. Иранский религиозный феминизм менее радикального свойства. Его последовательницы стремятся повысить статус женщины-мусульманки за счёт более благоприятных для неё толкований Корана и хадисов, а также написания соответствующих новым реалиям фетв — выносимым сведущим богословом решений по какому-либо вопросу, основанным на принципах ислама и прецедентах мусульманской юридической практики. В персидский язык был даже введён термин «динамический фикх» — осовремененная мусульманская доктрина о правилах поведения и мусульманском праве в широком смысле. Это течение также иногда именуют по-персидски «коренным феминизмом» [Чераги-Котийани, 2014: 33]. Высказывается мнение, что религиозный интеллектуализм, как и все идеологические подходы в современном Иране, должен быть направлен на модернизацию общества: религия нуждается в интерпретации, созвучной с культурой нового поколения. Эту точку зрения освеща-

¹⁰ Иджтихад (ар.) — деятельность богослова в изучении и решении вопросов правового комплекса.

ют издания «Женщины» и «Мудрец» [Мотемасек, 2001].

Светские феминистки критикуют исламский феминизм, считая ислам слишком шаткой идеологической основой для формирования значимого идеологического движения из-за допустимости множества субъективных толкований Корана. Приверженцы исламского феминизма, в свою очередь, вменяют в вину западным феминисткам пренебрежение интересами семьи и общества в угоду идеям крайнего индивидуализма [Хоссейн-Заде, Аббасийан, 2015: 220]. Также светских феминисток обвиняют в непринятии политического режима исламской республики, безразличии к духовным ценностям, стремление к обесцениванию института семьи [Чераги-Котийани, 2014: 45].

Итак, появившиеся в Персии в конце XIX в. идеи феминизма были крайне острожно восприняты консервативным патриархальным обществом. Однако через короткое время преобразовались в идеологический фундамент женского движения. Формирование сути новой философской концепции и целей, намеченных её приверженцами, исходило из царившего в обществе уклада. Новое течение предлагало иное устройство женского мира и иранского социума, а именно разрешение на государственном уровне основных проблем: несостоятельности необразованных женщин, домашнего насилия, несправедности женщины в браке, обречённости разведённых, соблюдение исламского дресс-кода и т.д. Тем самым была подсвечена необходимость существенной доработки идеологической и законодательной базы, даже пересмотра некоторых толкований Корана и предписаний ислама.

В начале XX в. в страну проникли идеи построения социалистического общества, нашедшие немало приверженцев среди широких масс. В ряды коммунистической партии вступали женщины, видевшие причину гендерного притеснения в капитализме и дисбалансе благосостояния. Так сложился левоцентристский или социальный феминизм, сошедший на нет после победы Исламской революции 1979 г. Активистки этого движения существенно дополнили

ряды светских феминисток, хотя некоторые из них начали писать статьи и художественные произведения в духе исламского феминизма [Зибайинежад, 2008: 82]. Иногда их относят к группе литераторов, чуждых исламским духовным практикам и не верующим в Аллаха, которые для высказывания своей позиции по женскому вопросу вынуждены апеллировать к моральным предписаниям ислама [Шахидийан, 1998: 612]. Такие женщины воспринимают равенство полов как непреложный закон. И если нормы шариата ему противоречат, значит, модификации подлежат именно принципы ислама.

Состоятельные и образованные женщины ориентировались на западные ценности, однако не стремились навязать эти чуждые идеалы иранкам. Они понимали, что нравственные ориентиры иранских женщин не позволят буквально перенять модель западного движения за гендерное равенство. Символом феминистского течения в Иране стал платок как яркий показатель угнетения женщин мужчинами. И сейчас вокруг соблюдения хиджаба ведётся горячая полемика, иранки выражают свой протест против властей отказом покрывать голову.

С 1960-х гг. в Иране стали приобретать популярность идеи исламского фундаментализма, породившие впоследствии «иранский феминизм» или «коренной феминизм», о котором говорилось выше. Феминизм в Иране никогда не принимал радикальных форм, этим он и отличается от исламского или мусульманского феминизма. Иран — страна с социокультурной спецификой, самобытным укладом жизни и нравственными ориентирами. Изучение культуры Ирана и ценностных предпочтений её представителей даёт ключ к пониманию своеобразия идеологических концепций феминизма.

В настоящее время рано говорить о равенстве полов в ИРИ, и при условии сохранения текущих тенденций в ближайшее время гендерная асимметрия в стране будет сохраняться. Однако положительный результат усилий женских движений в Иране очевиден: страна крайне медленно, но уверенно идёт к повышению статуса женщины и признанию её свобод.

Список литературы:

- Багери Х. Мабани-йе фалсафи-йе феминизм [Философские основы феминизма] // Тегеран : Ней. 2003. — 146 с. (перс.)
- Гупранлу М. Элал-е адам-е хежемони-йе феминизм дар Иран [Причины отсутствия гегемонии феминизма в Иране] // Пахушеш-наме. — 2010. — № 54. — С. 39–82 (перс.)
- Махмудян М.Р. Либерализм-е армангяра [Идеационный либерализм] // Базтаб-е андише. — 2001. — № 18. — С. 40–46 (перс.)
- Шадиталаб Ж. Мошарекат-е эджтема'и-йе занан. [Социальные роли женщины] // Зан дар тосе'э ва сийасат — 2003. — № 7. — С. 141–176 (перс.)
- Мирхани Э.С. Эхйагари-йе тафаккор-е дини, мотале'ат-е зан-е мосалман ва хизеш-е до тафаккор «феминизм-е еслами» ва «эджтехад-е осульгара» [Воскрешение религиозного мышления, изучение вопроса мусульманских женщин и возникновение двух концепций: «исламский феминизм» и «консервативный иджитхад»] // Мотале'ат-е рахборди-йе занан. — 2018. — № 80. — С. 7–31 (перс.)
- Фаррохзад Ф. 1999. Маджму'э-йе аш'ар-е Форуг-е Фаррохзад. [Собрание стихотворений Форуг Фаррохзад]. — Тегеран : Марз-е фекр. — 390 с. (перс.)
- Хоссейн-Заде А. Нагд ва барреси-йе мабани-йе фекри ва шахесеха-йе феминизм-е еслами. [Критика и исследование идеологических основ и характеристик исламского феминизма] / А. Хоссейн-Заде, Х. Аббасийан // Энсан пахуши-йе дини. — 2015. — № 34. — С. 207–228 (перс.)
- Чераги-Котийани Э. Руйаруи-йе ираниан ба феминизм. Аз феминизм-е ирани та феминизм-е еслами. [Встреча иранцев с феминизмом. От иранского феминизма до исламского феминизма] // Ма'рефат. — 2014. — № 199. — С. 31–48 (перс.)
- Шахидийан Х. Феминизм-е еслами. [Исламский феминизм] // Иран-наме. — 1998. — № 64. — С. 611–640 (перс.)
- Мотемассек Р. Феминизм-е еслами: ваге'ятха ва чалешха. [Исламский феминизм: события и вызовы] // Сборник статей по итогам форума «Исследования и вопросы женщин: приоритеты и подходы». — Кум. Дафтар-е мотале'ат ва тахигат-е занан. 2001. — URL: <http://gofteh.blogfa.com/post/82> (перс.)
- Джалаипур Х.Р. Чахар арзйаби-йе джаме'эшенахти аз могийат-э занан-э Иран (1997–2005) [Четыре социологические оценки положения иранских женщин (1997–2005)] // Фасл-наме-йе пахушеши-йе рефах-э эджтема'и. — 2006. — № 21. — С. 39–72 (перс.)
- Зибайинежад М.Р. Дарамеди бар феминизм, дар феминизм ва данешха-йе феминисти. [Истоки феминизма, феминизм и феминистская эпистемология] // Перевод и критика некоторых статей философской энциклопедии издательства Routledge. — Кум : Отдел исследования вопросов женщин. Центр управления женскими семинарами, 2003. — С. 13–33. (перс.)
- Milani F. Words not swords : Iranian women writers and the freedom of movement. — Syracuse, N.Y. : Syracuse University Press, 2011. — XXIV, 345 p.
- Milani F. Veils and words : the emerging voices of Iranian women writers. — Syracuse, N.Y. : Syracuse University Press, 1992. 295. p.
- Милани Ф. 2016. Форуг Фаррохзад: зендеги-наме-йе адаби хамрах ба намеха-йе чап нашода. [Форуг Фаррохзад: литературная биография и неопубликованные письма]. — Торонто : Першиан Сайкл. — 550 с. (перс.)
- Дунаева Е.В. Гендерная ситуация в Иране и исламский модернизм // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии : Сборник статей. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2012. — С. 248–260.
- Дунаева Е. В. Исламская революция и новая роль иранских женщин // Иран в условиях новых геополитических реалий: (к 40-летию Исламской революции) : сборник статей / под ред. Е.В. Дунаевой. — Москва : Садра : ИВ РАН, 2019. — С. 192–206.
- Березина А.В. Феминизм глазами иранцев и украинцев // Филологические науки в МГИМО. — 2017. — №9. — С. 80–86.
- Бехдараванд М.М. Назарийеха-йе феминисти дар джахан ва Иран [Концепции феминизма в мире и Иране] // Пайам-е зан. — 2008. — № 138. — С. 30–38 (перс.)

Мохаммади Н. Та'моли назари дар баб-е маване'э тоусе'э-йе феминизм-е еслами. [Теоретический взгляд на препятствия на пути распространения исламского феминизма] / Н. Мохаммади, А.М. Хазери // Джаме'э шенаси-йе Иран. — 2016. — Серия 17. № 4. — С. 3–24 (перс.)

Зибайнежад М.Р. Хастгах-е феминизм дар Иран. [Генезис феминизма Иране] // Хура. — 2009 — № 33. — С. 52–57 (перс.)

References:

Bagheri, Kh. (2003). *Mabani-je falsafi-je feminism. [Philosophical Foundations of Feminism]*. Tehran: Nej. (In Persian).

Farrokhzad, F. (1999). *Madzhu'e-ye ash'ar-e Forough Farrokhzad. [Collection of Poems by Forough Farrokhzad]*. Tehran: Marz-e fekr. (In Persian).

Ghupranlu M. (2021). 'Ellal-e adam-e hezhemoni-ye feminism dar Iran. [Reasons for the Lack of Hegemony of Feminism]'. *Pazhuhesh-name*. 53. Pp. 39–82. (In Persian).

Mahmudian, M. R. (2001). 'Liberalism-e armangjara. [Ideational Liberalism]'. *Baztab-e andishe*. 18. Pp. 40–46. (In Persian).

Shaditalab, J. (2003). 'Mosharekat-e jedzhtema'i-je zanan. [Social Roles of Women]'. *Zan dar tose'je va sijosat*. 7. Pp. 141–176 (In Persian).

Mirkhani, E. S. (2018). 'Jehjagari-je tafakkor-e dini, motale'at-e zan-e mosalman va hizesh-e do tafakkor «feminism-e eslami» va «jedzhtehad-e osul'gara» [The Resurrection of Religious Thinking, the Study of the Issue of Muslim Women and the Emergence of Two Concepts: *Islamic Feminism and Conservative Ijtihad*]'. *Motale'at-e rahbordi-je zanan*. 80. Pp. 7–31. (In Persian).

Hossein-Zadeh, A., Abbasijan, H. (2015). 'Nagd va barresi-je mabani-je fecri va shaheseha-je feminism-e eslami. [Criticism and Research of the Ideological Foundations and Characteristics of Islamic Feminism]'. *Jen-san pazhuhi-je dini*. 34. Pp. 207–228. (In Persian).

Cheraghi-Kotiani, E. (2014). 'Rujarui-je iranijan ba feminism. Az feminism-e irani ta feminism-e eslami. [Meeting of Iranians with feminism. From Iranian Feminism to Islamic Feminism]'. *Ma'refat*. 199. Pp. 31–48. (In Persian).

Shahidijan, H. (1998). 'Feminism-e eslami. [Islamic Feminism]'. *Iran-name*. 64. Pp. 611–640. (In Persian).

Motemassek, R. (2001). 'Feminism-e eslami: vage'jatha va chalesha. [Islamic Feminism: Events and Challenges]'. Qom: Daftar-e motale'at va tahgigat-e zanan. <http://goftah.blogfa.com/post/82> (Accessed: 17.01.2021). (In Persian).

Jalaipur, H. R. (2006). 'Chahar arzabi-je dzhame'jeshenahti az mogijjat-je zanan-je Iran (1997–2005) [Four Sociological Assessments of the Status of Iranian Women (1997–2005)]'. *Faslname-je pazhuheshi-je refah-je jedzhtema'i*. 21. Pp. 39–72. (In Persian).

Zibajinezhad, M. R. (2003). 'Daramadi bar feminism, dar feminism va daneshha-je feministi. [The Origins of Feminism, Feminism and Feminist Epistemology]'. *Perevod i kritika nekotoryh statej filosofskoj jenciklopedii izdatel'stva Routledge. [Translation and Critics of Some Routledge Encyclopedia of Philosophy Articles]*. Qom: Otdel issledovaniya voprosov zhenshhin. *Centr upravleniya zhenskimi seminarijami*. [Office of Women's Studies. Women's Seminaries Management Center]. Pp. 13–33. (In Persian).

Milani, F. (1992) *Veils and words : the emerging voices of Iranian women writers*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press.

Milani, F. (2011) *Words not swords : Iranian women writers and the freedom of movement*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press.

Milani, F. (2016). *Forug Farrohzad: zendegi-name-je adabi hamrah ba nameha-je chap nashode [Forugh Farrokhzad: a Literary Biography with Unpublished Letters]*. Toronto: Persian Cycle. (In Persian).

Dunaeva, E. V. (2012). 'Gendernaya situacija v Irane i islamskij modernizm [Gender Situation in Iran and Islamic Modernism]'. *Musul'manskoe prostranstvo po perimetru granic Kavkaza i Central'noj Azii [Muslim space along the perimeter of the borders of the Caucasus and Central]*. Moscow: IV RAN. Pp. 248–259. (In Russian).

Dunaeva, E. V. (2019). 'Islamskaya revolyuciya i novaya rol' iranskih zhenshhin [The Islamic Revolution and the New Role of Iranian Women]'. *Iran v usloviyah novyh geopoliticheskikh realij. (k 40-letiyu Islamskoj revolyucii) [Iran in the context of new geopolitical realities (to the 40-th Anniversary of the Islamic Revolution)]*. Ed. by E.V. Dunaeva. Moscow: Sadra. Pp. 192–206. (In Russian).

Berezina, A. V. (2017). 'Feminizm glazami irancev i ukraincev [Feminism through the Eyes of Iranians and Ukrainians]'. *Philology at MGIMO*. (9). Pp. 80–86. (In Russian).

Behdaravand, M. M. (2008). 'Nazarijeha-je feministi dar dzhahan va Iran [Feminist Concepts in the World and Iran]'. *Pajam-e zan*. № 138. Pp. 30–38. (In Persian).

Mohammadi, N., Hazeri, A. M. (2016). 'Ta'moli nazari dar bab-e mavane'je touse'je-je feminism-e eslami. [A Theoretical View of the Obstacles to the Spread of Islamic Feminism]'. *Dzhame'je shenasi-je Iran*. 17. 4. Pp. 3–24. (In Persian).

Zibajinezhad, M. R. (2009). 'Hastgah-e feminism dar Iran. [Genesis of Feminism in Iran]'. *Hura*. 33. Pp. 52–57. (In Persian).

Информация об авторе

Березина Анна Владимировна — Ph.D. (филология), старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Anna V. Berezina — Ph.D. (Philology), Senior Lecturer of Indian, Iranian and African Languages Department of MGIMO University. 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76. (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021; одобрена после рецензирования 04.05.2021; принята к публикации 07.06.2021.

The article was submitted 19.02.2021; approved after reviewing 04.05.2021; accepted for publication 07.06.2021.



ОБРАЗ ИСПАНИИ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1870-Х – 1880-Е ГГ.): ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Самсонова Наталья Геннадьевна

Независимый исследователь, Омск, Россия
n.g.samsonova@gmail.com



Аннотация. В статье проведён анализ представлений русского образованного общества второй половины 1870–1880-х гг. об общественно-политическом развитии Испании. Деконструкция представлений об Испании в России XIX в. актуальна как часть исследовательского поля взаимоотношений и взаимного влияния России и Европы, одной из магистральных тем российской общественной мысли, ведь Испания, как и Россия, — пограничное европейское государство. Вместе с тем, формируемый в текстах отечественных авторов образ Испании как образ «Другого» отражает важные черты российского общества. Данная статья пользуется исследовательской стратегией имагологии, апеллируя к более широкой проблематике «интеллектуальной истории». Характеристики испанских реалий, представленные в работах российских авторов, рассмотрены в контексте генезиса русской общественной мысли. А именно, представления об Испании анализируются по материалам пяти травелогов (путевых записок), опубликованных в 1880-е гг. В статье выделены особенности индивидуального восприятия общественно-политической, экономической и внешнеполитической сферы жизни Испании отдельными авторами, а также общие тенденции «видения» этой страны в России (например, большое внимание к теме испанской инквизиции). Была выявлена динамика в восприятии Испании русскими авторами в 1880-е гг. и основные факторы, её определяющие. Представления русского «образованного общества» об Испании с точки зрения «развитости государства» дополняются в этот период актуальной для России проблематикой регионализма. Ещё одним центром кристаллизации образа страны становится Каталония, наряду с «обжитыми» в культурном отношении пространствами — Кастилией и Андалузией.

Ключевые слова: имагология, интеллектуальная история, образ «Другого», общественно-политическое развитие Испании в XIX в., русская общественная мысль второй половины XIX в., проблема испанского регионализма

Благодарности: старшему научному сотруднику ИВИ РАН, руководителю Центра испанских и португальских исследований ИВИ РАН Екатерине Олеговне Гранцевой.

Для цитирования: Самсонова Н.Г. Образ Испании в России во (вторая половине 1870-х – 1880-е гг.): особенности восприятия общественно-политической сферы // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 131–146. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-131-146>

Research article

THE IMAGE OF SPAIN IN RUSSIA AT THE SECOND HALF OF THE 1870s–1880s: THE PECULIARITIES OF THE PERCEPTION OF THE COUNTRY'S SOCIO-POLITICAL SPHERE

Natalya G. Samsonova

Independent researcher, Omsk, Russia
n.g.samsonova@gmail.com

Abstract. The article deals with the representations of the Russian educated society of the second half of the 1870s–1880s of socio-political development of Spain. The deconstruction of Russia's perception of Spain in the 19th century is topical as the part of the research field of interaction and interference between Russia and Europe as one of the main themes for Russian thought. It is notable that Russia and Spain both located far from the geographic center of Europe and having to deal with fringe movements have a lot in common, that causes keen interest of Russian authors to the Spanish realities. The image of the Other, presented in their works, reflects significant features of the Russian society of those times, and the study of the issue can have a positive feedback of drawing on Spanish experience. The article fits within the framework of such a research direction as imagology, but appeals to the wider problems of intellectual history in general. The characteristics of Spanish realities given by Russian authors are represented within the context of the genesis of Russian thought that had always been in a dialogue with Europe. The representations of Spain are analyzed on the base of the materials of five travelogues published in the 1880s when both countries were going through the period of modernization. The article defines the peculiarities of the individual perception of the socio-political and economic spheres of Spain's life by particular authors as well as general views on this country in Russia, for example an increased interest to the phenomenon of the Spanish Inquisition. The article reveals the changes in the perception of Spain by Russian authors in the 1880s as well as its main factors. Russian educated society's representations of Spain from the point of view of the development of the state during this time period became less integral and were reinforced and supplemented with the problem of regionalism. Catalonia, the very symbol of regional independence movement, became another center in the country's image along with the areas such as Castilla and Andalusia that were traditionally familiar to the Russian readers in terms of culture.

Keywords: imagology, intellectual history, the image of the Other, socio-political development of Spain in the 19th century, Russian thought of the second half of the 19th century, Spanish regionalism

Acknowledgements: to the Senior Research Fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, the Head of the Spanish and Portuguese Studies Department, Ekaterina O. Grantseva.

For citation: Samsonova, N. G. (2021) 'The Image of Spain in Russia at the Second Half of the 1870s –1880s: the Peculiarities of the Perception of the Country's Socio-Political Sphere', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 131–146. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-131-146>

XIX в. стал для России временем поиска национальной идентичности, наполненным размышлениями о «русской идее», судьбе страны; а также временем осмысления интеллектуальных и культурных достижений Европы: слой образованных людей смотрел «на свою историческую ситуацию с точки зрения более развитых стран» [Валицкий, 2013: 9]. «Европа» и «Запад» были для русского образованного общества не просто географическими пространствами, но культурными ориентирами в символической системе координат [Гройс, 1992: 52; Сабурова, 2005: 114–117; Успенский, 2004: 9–10].

Проблема «Россия — Европа», «Россия — Запад» является в это время одной из магистральных для российской общественной мысли, политики, истории, философии. Современные исследователи подчёркивают актуальность обращения к изучению подобных материалов: «В XIX в. споры по этой теме раскалывали русское общество. В наше время обострение дискуссий и даже конфронтация объясняется политическими разногласиями между Россией и Европейским союзом. Текущие споры дали новый всплеск интереса к историческим сюжетам...» [Чубарьян, 2017: 43]. А.О. Чубарьян отмечает: «В общую схему отношений России с Европой входит комплекс взаимных представлений, т.н. “образы Другого”» [Чубарьян, 2017: 48].

В свете сказанного детальное изучение представлений русского общества XIX в. об Испании — стране, являющей собой неотъемлемую часть Европы, но вместе с тем далёкой от «критериев прогресса» и к тому же испытывающей сходные с Россией проблемы «модернизационного вызова», приобретает особенный интерес — ведь обе страны могут быть отнесены к «пограничным цивилизациям» [Шемякин, 2013: 29–20; 34–36].

В культурной антропологии давно стало общим местом утверждение, согласно которому образ «Другого» в целом играет важнейшую роль в формировании идентичности того или иного сообщества: он отграничивает культурную традицию, влияет на процесс конструирования цен-

ностных ориентиров, задаёт векторы принятия и негации. Современные российские исследователи особенно акцентируют тот факт, что в образе «другого народа» отражаются сущностные черты собственной коллективной психологии, проецируются базовые идеи и ценности, представления о самих себе, а формирование идентичности происходит через отрицание негативных черт, приписываемых «Другим» [Репина, 2012: 13].

Итак, формирование образа другой страны и народа — во многом нелинейный процесс, обусловленный множеством факторов. Во-первых, не всегда образы «Другого», транслируемые разными авторами, совпадают друг с другом. Во-вторых, образы «Другого» не статичны, они меняются под влиянием различных обстоятельств; иногда — кардинально и в достаточно ограниченный промежуток времени. В-третьих, образы «Другого» не монолитны, они состоят из различных компонентов.

Необходимость учитывать выделенные проблемы предполагает выбор конкретных аспектов/компонентов образа «Другого», которые позволили бы рассмотреть процесс его формирования более предметно. В данном исследовании с этой целью выделены *общественно-политическое* и *экономическое развитие* страны, а также *сфера внешней политики* как аспекты, важные в свете «модернизационного вызова» для Испании и России. Избранный для изучения период (вторая половина 1870-х — конец 1880-х гг.) задан точками отсчёта, «привязанными» к истории культуры России и Испании. Если говорить о нижней хронологической границе, такой точкой является окончание пятой революции в Испании (1874 г.) [Самсонова, 2015; Кулешова, 1984; Петрова, 2014] — это рубежная эпоха поражения революционного движения в Испании, повлиявшая на развитие представлений об Испании в России. Верхняя хронологическая граница — конец 1880-х гг. — определяется рядом факторов: во-первых, этот период богат информативными источниками (в 1890-е гг. ситуация меняется); во-вторых, исторически 1880-е гг. принято выделять как отдельную «эпоху», которая характеризуется спа-

дом общественной борьбы и «наступлении реакции».

Отметим, что представления русского общества 1880-х гг. о различных проблемах общественно-политического и экономического развития Испании уже становились предметом исследований историков-испанистов. Краткую характеристику этому периоду дала ещё В.В. Кулешова в статье 1984 г. Российскими учёными рассматривался образ Испании в трудах В.И. Немировича-Данченко [Ведюшкина, 2004: 214; Кузина, 2019: 190–209]; проблемы Каталонии и «каталонизма» во второй половине XIX – начале XX вв.; проблемы модернизации Испании рубежа XIX – XX вв. [Мосейкина, 2016; 2017]; политическая система Испании эпохи Реставрации периода правления Альфонса XII [Петрова, 2014]. Имеются отдельные работы, посвящённые проблемам политической системы Испании, которые привлекали внимание россиян с 1874 г. и по конец 1880-х гг. [Петрова, 2014: 205] и теме развития русско-испанских отношений в этот же период [Бухармедова, 2004; Волосюк, 2015].

Однако во всех перечисленных публикациях анализируется либо испанская действительность, либо особенности её отображения в травелогах и очерках. Вопрос об особенностях *восприятия и эволюции образа* Испании в русской общественной мысли в этих работах не ставился. Таким образом, несмотря на обширную историографию, тема «образа „Другого“», представляющая культуру Испании в культуре России второй половины 1870-х гг. – 1880-х гг. имеет на наш взгляд достаточный исследовательский потенциал.

Теперь обратимся к источникам. В период второй половины 1870-х гг. и вплоть до начала 1880-х гг. публикации об Испании в русской прессе крайне немногочисленны, Россия слишком занята своими внутренними делами (идёт война с Тур-

цией, страну сотрясают теракты)¹. Общественно-политическая жизнь Испании освещается на страницах периодической печати в основном по формальным поводам. Так, «Вестник Европы» писал об Испании в связи со сменой правительств, рождением наследника правящей династии, смертью Альфонса XII, «ссорами немцев с испанцами» из-за Каролингских островов и т.д. Постепенно, однако, структура публикаций об Испании в России меняется. Если в предшествующий период в 1860–1870-х гг. и до начала 1880-х гг. преобладала публицистика и заметки в рубриках хроники на страницах толстого журнала, то десятилетие 1880-е гг. — это время травелогов, вышедших отдельной книгой (по сложившейся практике такие книги проходили «пробу пера», частично печатаясь на страницах того или иного периодического издания). Например, в 1880-е гг. публикуются пять крупных очерков об Испании: в 1882 г. на страницах «Русской мысли» напечатана статья С.А. Подолинского, изданы отдельной книгой в последней четверти XIX в. травелоги В.И. Немировича-Данченко, И.Я. Павловского, К.А. Скальковского, А.А. Ефрона, Д.Л. Мордовцева.

Отметим, что общественно-политическая жизнь Испании второй половины 1870-х — начала 1880-х гг. в целом скудна на значимые события. Но даже если бы такие события и были, то вряд ли бы они получили такой же отклик в русском обществе, какой был, к примеру, у революции 1868–1874 гг. И дело здесь — в особенностях развития русской мысли значительной части 1880-х гг. Атмосферу этого раскрывают дореволюционные историки Р.В. Иванов-Разумник и Д.Н. Овсянико-Куликовский. Первый называет это время «общественным мещанством»², второй — «общественной реакцией»³. Иванов-Разумник отмечает: «...почти вся русская интеллигенция того времени символизируется

¹ См. об этом: Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. — Москва : «Высшая школа», 1993. — С. 366.

² Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.: в 2 т. Т.2. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. С. 291–294.

³ Овсянико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Ч.1–2. Ч.2 : От 50-х до 80-х годов. — Москва : Тип. В.М. Саблина, 1907. — С. 317, 338.

типом чеховского человека в футляре. Резкие протесты немногих против этого угнетающего душу мещанства заглушаются самодовольной проповедью умеренности и аккуратности, постепенности и самосовершенствования», указывая так же в другом месте: «Сошли со сцены сильные люди шестидесятых и семидесятых годов и вместе с ними исчез “дух протеста”, который... всегда является главным тормозом реакции... Как шестидесятые годы почти вполне отразились в “Современнике” и “Русском слове”, как мировоззрение семидесятых годов выразилось в “Отечественных записках”, так настроение восьмидесятых мы найдем в “Неделе” и “Новом времени”»⁴.

Интересно, что трое из авторов, писавших об Испании, — В.И. Немирович-Данченко, К.А. Скальковский, И.Я. Павловский — были сотрудниками реакционного «Нового времени». В травелогах этих авторов легко обнаруживаются признаки эпохи 1880-х гг. в России. Они читаются в особенностях повествования и в структуре произведения — в частности, в уходе от общественно-политического дискурса [Скибина, 2014: 94–95] и в преимущественном внимании к культурно-историческим аспектам восприятия Испании.

Так, «Очерки об Испании» В.И. Немировича-Данченко, опубликованные отдельной книгой в 1888 г., являются олицетворением эпохи 1880-х гг. в России. Общий объем «Очерков» составляет около тысячи страниц и, казалось бы, один этот факт подразумевает подробный анализ политической сферы жизни общества в тексте произведения. Но тем не менее «Очерки...» скупы на описание событий современной им политической жизни Испании. Повествование у В.И. Немировича-Данченко определяется многочисленными поэтическими описаниями испанских «типов», природы, быта городов и другими элементами путевого дискурса. Эпизодическое обращение к политическому дискурсу определяется логикой пространственно-временного перемещения.

Политическая хроника замещена у Василия Ивановича портретами современных политических деятелей Испании, историческими справками, рассуждениями о судьбе страны. В освещении политических вопросов автор остаётся беспристрастным путешественником, чаще цитируя мнения испанцев о политической жизни в их стране, чем высказывая своё собственное. Примером может служить глава из «Очерков...» под названием «В Испанской палате депутатов. Сагаста и матадоры. В пылу борьбы»⁵. О расстановке политических сил в этой главе не сказано ни слова, авторское внимание посвящено интерьеру палаты депутатов, внешности испанских парламентариев, детальному сравнению ораторских качеств Сагасты и Кастеляра, опять же без всякой оценки их политических деятельности. Описание похода в испанскую палату депутатов схоже с описанием театральной постановки, где автор описывает сюжет (темы для обсуждения в палате депутатов), главного героя (Сагаста), основных действующих лиц (Кановас, Кастеляр, Пидаль и др.), но не интересуется отношением театральной постановки к реальности.

Созданный В.И. Немировичем-Данченко образ Испании видится парадоксальным: несоразмерно много внимания уделено Кастилии — ей посвящено около 900 страниц (90 % объема текста). Интересен характер авторской оценки, переходящий от непримиримой, «злой» критики к восхищению. Когда разговор ведется о властных институтах Испании (Кастилия — политический центр страны), то В.И. Немирович-Данченко в своих оценках непреклонен и категоричен, но как только автор доходит до характеристик народа, тон сразу смягчается, оценивание становится не таким однозначным.

Остановимся на том, как характеризует В.И. Немирович-Данченко властные институты Испании. Путешественник говорит о том, что фанатичная Кастилия навсегда останется под зловещей тенью Филиппа II, описывая её состояние как ужасное — это

⁴ Иванов-Разумник. С. 292, 317.

⁵ См.: Немирович-Данченко В.И. Очерки об Испании. Из путевых воспоминаний: в 2 т. Т.1; — Москва : Тип. Е. Гербек, 1888. — С.461-473.

край прошлого и пустыня настоящего⁶. Многочисленные отсылки к Филиппу II призваны помимо прочего подчеркнуть «гнилостность» кастильского центра: в разных местах двухтомных очерков автор называет его «венчанный палач», «маньяк централизации», «фанатик-король», «сыноубийца», «король палачей и тюрем»⁷. Централизованная власть Испании в изображении Немировича-Данченко приобретает демонические черты: «Наш Иоанн Грозный был более человеком. Он сам страдал и мучился. <...> В душе Филиппа II все было спокойно и холодно»⁸. Это — власть исключительно деспотическая.

В подобных суждениях и оценках мы сталкиваемся с «чёрной легендой» об Испании, которую пытались побороть русские публицисты 1860-1870-х гг. «Чёрная легенда» — это комплекс негативных представлений об Испании и испанцах, сложившийся первоначально в XIII – XVII вв., но не утративший свою актуальность и в XIX в. Он навязывает образ Испании как невежественной, фанатичной, неспособной к существованию среди культурных народов страны, родины инквизиции [Юрчик, 2011]. «Чёрная легенда», по словам современных исследователей, становится на определённом историческом этапе основой антииспанской пропаганды [Юрчик, 2011]. Характерен генезис «чёрной легенды»: «Традиция романтизма, унаследованная от Шиллера и готического романа, соединенная с темой испанской инквизиции формировала в русской культуре устойчивый образ экзотической Испании, страны неистовых и зловещих кровавых страстей на почве религиозной нетерпимости» [Калугина, 2001: 268].

Для В.И. Немировича-Данченко «чёрная легенда» стала способом частичного ухода от злободневных тем. Обрамлённые художественными и историческими ассоциациями, они теряли свою резкость, уходили от полемичности в описательность.

Одновременно «чёрная легенда» выполняла иносказательную функцию, отражая атмосферу времени. Эта атмосфера в «спокойные» 1880-е гг. создавала ощущение безвыходности, в противоположность периоду пятой испанской революции (которая вызывала в России сочувствие и воспринималась как момент исторического «прорыва», открывшего дорогу к выходу из кризиса, а заодно из списка второразрядных европейских держав).

Параллельно транслируемый через «чёрную легенду» образ инквизиции является мощным шифром к российской действительности, частью либерально-демократического дискурса. В 1880-е гг. в условиях господства реакции в России, образы испанской инквизиции достаточно гармонично вписываются в характеристики общественно-политического контекста. Прямых аналогий В.И. Немировича-Данченко не проводит, это не только не в стиле «писателя-путешественника», «нововременца», но невозможно прежде всего в силу обстоятельств цензуры. Однако «между строк» можно прочесть многое. Например, автор «Очерков...» сравнивает Филиппа II и Ивана Грозного, называя политику Филиппа аракчеевщиной: «Пришли Аракчеева — он бы в восторг пришел от этого. Ему с Фотием в Эскориале дышалось бы легко и привольно»⁹.

Представление об испанской власти в духе «чёрной легенды» у В.И. Немировича-Данченко дополняется «чёрным» образом народа этой страны. Такие характеристики автор даёт испанцам: «Страна психопатов в полном смысле этого слова. Страна, которая ждёт не Диккенсов и не Додэ, а Достоевских». В другом месте говорится: «Костры инквизиции и изгнание целых племён — с одной стороны и завоевание громадных царств, захват целой части света — с другой. Такими испанцы остались и теперь. Они предпочитают смерть и гибель оскорблению; в этом отношении буржуазная цивилиза-

⁶ Там же, Т.1. С. 212; См. об этом: Там же, Т.1. С. 41-42, 52, 237-238, 534.

⁷ См.: Там же, Т.1. С. 41, 475; Т.2. С. 62, 81, 531.

⁸ Там же, Т.2. С. 67.

⁹ Там же, Т.2. С. 82.

ция нашего времени не коснулась их своим разлагающим жезлом»¹⁰. Как видим, представления о народе имеют в «Очерках...» выраженную антибуржуазную окраску. В этом отношении авторский образ Испании не только отсылает к традиции романтизма с его «вневременным» подходом к текущим событиям, но и говорит о традиции восприятия этой страны вне рамок теории прогресса [Ерохина, 2012: 137-138].

Вместе с тем нельзя не заметить, что в тексте «Очерков...» рассуждения об испанцах как народе встречаются не часто. Значительно чаще о народном начале идёт речь в контексте анализа института фуэросов (напомним: фуэрос — основная форма законодательства (до XVI в.) в странах Пиренейского полуострова), причём народное начало здесь чётко противопоставляется власти: «В Испании аракчеевщина Филиппа II создала только Мадрид и Эскориал и дальше уже не могла пойти!.. Да и некуда было: изнемогшая изобретательность короля палачей и тюрем уперлась в старые стены с несокрушимыми памятниками Испании фуэросов, Испании, развивавшейся по областям...»¹¹. Таким образом, народное начало у В.И. Немировича-Данченко двуедино: «Общинная независимость и власть народных собраний, вот два кита здешнего политического устройства»¹². В институте фуэросов писатель видит будущее страны, подчеркивая, что представительный образ власти на уровне муниципалитетов в Испании является своего рода ранней формой европейского конституционализма. При этом В.И. Немирович-Данченко сетует на то, что особенности развития испанского абсолютизма не дали этому демократическому институту развиваться в полной мере, и Испания вынуждена в современной ситуации заимствовать европейский опыт, тогда как могла бы опираться на свой собственный: «Carta magna Арагона гораздо

выше английского Habeas corpus»¹³. Все эти суждения близки к земско-областным (по сути — федеративным) идеям российских историков Н.И. Костомарова и А.П. Шапова [Цимбаев, 2003: 489]. Оценки В.И. Немировича-Данченко в данном случае очень близки риторике «особого пути», с её отрицанием буржуазно-«мещанского» состояния Запада, поиском гармонии между человеком и обществом, утверждением приоритета «единственно правильной» морали над экономикой и искусством и вере в то, «что гибнущий Запад будет спасен идущими из России [Испании] нравственно высокими социальными основами, имеющими универсальную, всемирную значимость и согласующимися с трансцендентными истинами (христианскими)...»¹⁴.

Интерес к географическому ядру Испании (обе Кастилии и Андалузия) дополняется в «Очерках...» вниманием к экономически развитой Каталонии и баскским провинциям. Конечно, это не означает смещения исследовательского фокуса от центра к периферии; тем не менее проблема взаимоотношений Мадрида и окраинных провинций очерчивается В.И. Немировичем-Данченко вполне определённо. И хотя в двухтомных «Очерках...» об испанском регионализме сказано относительно немного, тем не менее автор видит будущее всей страны именно в испанской периферии и в идеи федерализации государства: «Не имеет никакой будущности кастильский центр, чего нельзя сказать про работающую и сильно прогрессирующую Каталонию, про невежественный, но все [же] полный любви к старым своим фуэросам Арагон, про Леон, Наварру, Астурию, про «возлюбленную солнца» Андалузию, где часто уродливо, но всегда жизненно просыпается негодующее народное чувство. Испания во главе с ними будет жить, с Кастилией же она — умирающая страна»¹⁵.

¹⁰ Там же. Т.1 С. 64, 212.

¹¹ Там же. Т.1. С.82, 351.

¹² Там же. Т.1 С. 475.

¹³ Там же. Т.2 С. 477.

¹⁴ Черепанова Р.С. Идея «особого пути» в русской общественной мысли второй четверти XIX века : диссертация ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Челябинск, 2002. С. 181-182.

¹⁵ Немирович-Данченко. Т.1 С. 534.

Причём если такое смещение акцентов в образе Испании у В.И. Немировича-Данченко встречается лишь в отдельных суждениях (по факту его 900-страничные «Очерки об Испании» посвящены в основном Кастилии), то у других авторов, публиковавших травелоги об Испании, интерес к проблеме регионов выражен куда более явственно.

Показательны в отношении эволюции образа Испании очерки С.А. Подолинского (1882 г.), Д.Л. Мордовцева (1884 г.) и И.Я. Павловского (1889 г.). С.А. Подолинский посвящает Каталонии более половины текста, здесь впервые в русской путевой литературе дано подробное описание Страны Басков. Отличительной чертой травелога Д.Л. Мордовцева являются параллели, которые он проводит между Украиной и Каталонией. И.Я. Павловский в «Очерках современной Испании: 1884-1885» уделит особое внимание подробностям каталонской литературной и общественно-политической жизни; помимо прочего автор посетил Страну Басков, Балеарские острова и остров Майорку.

Биография И.Я. Павловского вообще показательна для России 1880-х гг. Осуждённый по громкому «Делу о пропаганде в Империи» («делу 193-х»), бежавший из ссылки за границу в 1878 г., в эмиграции он полностью отказался от политической борьбы и даже стал корреспондентом реакционного органа печати — «Нового времени» А.С. Суворина (под псевдонимом И. Яковлев). В Испании И.Я. Павловский пробыл год, приехав туда в мае 1884 г. В созданных в период путешествия по Испании «Очерках современной Испании» значительное внимание уделено движению каталонизма, круг вопросов социально-политического и экономического развития региона затронут лишь отчасти¹⁶. Именно как автора «Очерков» Павловского приглашают в 1909 г. на каталонский литературный праздник, а спустя сто лет после

публикации этого травелога, в 1989 г., его «Очерки...» (главы о Каталонии) переиздается в Барселоне¹⁷.

Этот текст по-своему символичен для русской культуры 1880-х гг. с её формулой «чистого искусства». Как отмечал Р.В. Иванов-Разумник, «эстетика возродилась в восьмидесятых годах. ... реакционная почва была чрезвычайно благоприятна для роста теории чистого искусства...»¹⁸. 1880-е гг. дали русскому образованному обществу возможность обратить внимание на развитие культуры Каталонии, рассмотреть движение каталонизма, зародившееся ещё в конце 1850-х гг. В период общественного подъёма в России 1860 – 1870-е гг. такого интереса не наблюдается: «отвлекала» русскую общественную мысль от интереса к культуре Испании политическая нестабильность в этой стране, так называемая «шестидесятилетняя хроника испанских революций».

Политический и экономический аспекты испанского регионализма дополняются в первой половине 1880-х гг. вниманием к культурной и социальной составляющей проблемы. Показательны с этой точки зрения публикации на страницах «Русской мысли», где учёный-энциклопедист украинского происхождения С.А. Подолинский размещает свои заметки «Из поездки в Испанию». Прежде всего, он останавливается на экономическом превосходстве Каталонии над другими регионами страны: «Первенство каталонцев в Испании не ограничивается одним хлебопашеством. Можно сказать даже, что в других отношениях, например, в фабрично-промышленном и в торговом, Каталония ещё решительнее идет вперед всех остальных провинций». Отмечая при этом, что «...главная слава Барселоны — это её художественное и умственное движение. Театры её — первые в Испании не только по величине, но и по количеству артистов; университет всегда переполнен студентами...»¹⁹. Не осталось не

¹⁶ Павловский И.Я. Очерки современной Испании 1884-1885. — Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1889. — 622 с.

¹⁷ Гинько В.Г. Каталонская литература в России. // Художественная литература Испании в русской печати: библиографический указатель. Вып.1. — Москва: Рудомино, 1998. — 79 с.

¹⁸ Иванов-Разумник. С. 331.

¹⁹ Подолинский С.А. Из поездки в Испанию // Русская мысль. — 1882. — №1 0. — С. 30, 31.

замеченным и отсутствие политического влияния Каталонии в Испании: «...Испания опять находится под гнѐтом централизованной администрации, состоящей преимущественно из кастильцев». Одним из первых в России он обращает внимание на движение каталонизма, которое существует на тот момент уже более двадцати лет²⁰.

Внимание С.А. Подолинского к испанским регионам очевидно сопряжено с его общественно-политической деятельностью. Известно в частности, что он был активным участником украинофильского движения: «В конце 70-х – начале 80-х гг. вместе с М.П. Драгомановым и М.И. Павликом С.А. Подолинский участвовал в организации и издании первого украинского политического журнала радикального направления “Громада”. Опубликовал в нем несколько статей социально-политического характера» [Чесноков, Яншин, 1996]. Чем, по всей видимости, обусловлены скрытые аналогии испанской действительности и западных окраин Российской Империи. Так, предлагая читателю обстоятельный обзор истории и современного положения Басконии, С.А. Подолинский фокусирует внимание на старинных вольностях этого региона — фуэросах, приходя к выводу: «В заключение сказанного мы видим, что триста лет стараний слить в одно все элементы, из коих слагается испанская национальность, не привели к желаемому результату, и свободная федеративная форма общественной жизни заявляет свои права на существование»²¹. В свете событий, происходивших в этот момент в России, эти суждения автора воспринимались как своего рода манифест. Как указывает российский исследователь А.И. Миллер, после принятия Эмского указа в 1875 г. (с его точки зрения вредного и даже абсурдного) украинофильское движение радикализировалось [Западные окраины Российской империи, 2006: 283-284]. С конца 1870-х гг. развернулась

кампания за отмену «стеснений малорусского слова» как в провинциальной, так и в столичной печати. А.И. Миллер отмечает: «Главный трибун украинофильства Драгоманов сколько-нибудь открыто выступать в российской прессе не мог, и его роль постарался взять на себя Костомаров» [Миллер, 2000: 216]. Очень вероятно, что статья С.А. Подолинского является частью кампании украинофилов во главе с Костомаровым против положений Эмского указа. Испанская действительность становится здесь способом поговорить о проблемах Украины; а образ Испании служит Подолинскому кодом к процессам, происходящим на его малой родине, позволяя зашифровать упреки в адрес центральных властей.

Показателен в этом отношении и травелог «По Испании» другого украинофила — Д.Л. Мордовцева (опубликован в 1884 г.). В литературном отношении довольно посредственный (исследователи указывают на его «вторичность»²²), этот травелог интересен проводимой в нём параллелью между Каталонией и Украиной. Каталонии Д.Л. Мордовцев посвящает целую главу своего произведения с красноречивым названием: «“Испанская Украина” — “Испанское украинофильство” и “сепаратизм” — Заключение». Здесь (как и в других местах произведения) Д.Л. Мордовцев приводит обширные фрагменты, взятые из текста другого автора (только теперь это не «Письма об Испании» В.П. Боткина, как в других частях травелога, а рассмотренная нами выше статья С.А. Подолинского из «Русской мысли»).

Заметим: если в статье С.А. Подолинского проблема Украины не упоминалась вообще, читателю нужно было самому прийти к необходимости сопоставить Каталонию и Украину, то Д.Л. Мордовцев сравнивает их без недомолвок. Сравнивает — и находит ряд сходств. Во-первых, это всеобщая воинская повинность как фактор

²⁰ Там же. С. 36, 31-37.

²¹ Там же. С. 57.

²² Катаева-Мякинен Е.В. Образ Испании в записках русских путешественников XIX века : автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Москва, 1999. — С. 16.

«свободной, жизненной» русификации (в оригинале «обрусения») и зеркально — испанизации. Во-вторых, и в Каталонии, и на Украине в XIX в. началось возрождение национальных литератур, хотя и в разных масштабах. В-третьих, Д.Л. Мордовцев обращает внимание на злободневную тему отношений центральной власти и периферии: «Не обошлось и в Испании без того, чтобы мадридский Страстной бульвар и Охотный ряд не обвинили каталонцев в «украинофильстве» — в «каталонизме», «сепаратизме» и т.д.»²³. Эти суждения автора проявляют мощные тенденции роста национального самосознания на Украине, являясь при этом реакцией на политику русификации и дальнейшее «закручивание гаек» в украинском вопросе во время правления Александра III [Миллер, 2000: 216–226].

Важным фактором интереса к Испании в 1880-е гг. была Всемирная выставка в Барселоне 1888 г. Её посетили А.А. Ефрон, И.Я. Павловский, К.А. Скальковский. Репортажи со Всемирной выставки эти авторы разделили на три информационно-аналитических раздела, освещая то, как представлена промышленность российская, иностранная и промышленность страны-хозяйки выставки — Испании. Рассказ об испанской промышленности дополняется обобщенными характеристиками страны.

Если «новшества» в восприятии Испании мы уже рассмотрели выше, то травелог А.А. Ефрона и К.А. Скальковского представляют собой «традиционный» взгляд на эту страну. При этом К.А. Скальковский больше сосредоточен на культурно-историческом анализе Испании и на воспроизведении увиденного в ходе путешествия; А.А. Ефрон обстоятельно анализирует общественно-политическую и экономическую сферу жизни Испании.

В суждениях А.А. Ефрона ярко раскрывается просветительская модель мышления, которая на исходе 1880-х гг. по-прежнему

не теряет своей актуальности. Размышляя о значении Всемирной выставки для Испании, он пишет: «Прежде всего необходимо отметить тот факт, что испанцы до сих пор были очень мало известны у нас и во всей остальной Европе, как *культурный народ*. Промышленность и индустрия Испании представлялись на всемирных выставках в столь мизерном виде, что можно было предполагать в ней полное отсутствие обрабатывающей промышленности в каких бы то ни было отраслях»²⁴. Интересна также оценка А.А. Ефроном исторического пути Испании, судьбы её народа, которая вписывается в миф о народе как о хранителе Правды [Леонтьева, 2010: 870–871; Сабурова, 2005: 234–235]. Эта оценка основана на стремлении приписывать весь «негатив» власти и видеть в ней некую внешнюю силу: «...нынешние испанцы отстали по своей культуре от германских народов и французов, но причиной тому не личные свойства испанской натуры, а явления посторонние: отсутствие прочного правительства, вследствие интриг и властолюбия незначительных по числу партий и групп»²⁵. Представления о народе в этом случае идеализируются: «Знакомясь, однако поближе со свойствами испанца... вы несомненно убедитесь в его необыкновенной живости, выносливости и терпении. Благодаря этим особенным свойствам натуры иберийца, Испания преодолела все невзгоды и снова стала трудиться, чтобы наверстать потерянное время и сравняться по культуре с цивилизованной Европой»²⁶.

А.А. Ефрон (в отличие, например, от В.И. Немировича-Данченко) достаточно оптимистично смотрит на возможности политического и экономического развития Испании: «Вступление на престол Альфонса XII успокоило народные умы. <...> И действительно, Испания взялась за производительный труд и, бросив меч и ружье, всецело прогрузилась в культурную работу. В области мирного преуспевания испанец

²³ Мордовцев Д.Л. По Испании. — Санкт-Петербург : Тип. А.Н. Лебедева, 1884. — С. 276, 279, 281.

²⁴ Ефрон А.А. Письма из Испании и Бельгии. — Санкт-Петербург : Тип. В.Г. Авсеенко, 1889. — С. 31.

²⁵ Там же. С. 2.

²⁶ Там же. С. 6.

ещё раз доказал свою энергию, силу воли и настойчивость, в не меньшей степени, чем он в этом неоднократно убеждал своих противников. <...> В жизни целого народа два десятка лет составляют, конечно, промежуток очень короткий, но при живом и энергичном характере испанцы успели много сделать для поднятия культуры. Те, которые считали падение испанской нации безвозвратным, сильно ошибались»²⁷. Основанием подобного оптимизма, по-видимому, явилось само событие — Всемирная выставка, успехи проведения которой настраивали автора размышлять в подобном ключе, рассматривая период с окончания пятой революции в Испании по 1888 г. как качественно новый этап развития страны. Здесь мы видим обращённость к «теории прогресса», категориям-«ориентирам»: «культурная работа», «производительный труд», «мирное преуспевание», «воля», «настойчивость». И как нам кажется, все это относится к представлениям о Всемирной выставке, риторике промышленного развития *более*, чем к образу Испании. Возможно, дело в условиях, которые создаёт Всемирная выставка. В том числе, за счёт пребывания гостей в мультикультурной среде, что «размывает» и «усредняет» их оценки, упрощая видение другой страны и её народа.

Показательно, что суждения А.А. Ефрона чужды тем политическим векторам проблематики регионализма, которые волновали В.И. Немировича-Данченко, Д.Л. Мордовцева и С.А. Подолинского. В то же время, от пера А.А. Ефрона не уходит особенность испанской политической культуры, проявившаяся в ходе подготовки выставки 1888 г.: «Казалось бы, эта высокая, благая и полезная цель выставки должна была встретить сочувствие и содействие со стороны всего населения и всех представителей интеллигентного и промышленного общества. <...> Зависть и ревность со стороны многих муниципалитетов различных провинций имели последствием то, что

промышленность и индустрия целых округов Испании совершенно отсутствовали на выставке, а значительная часть национальной прессы всеми силами старалась дискредитировать проектированную выставку»²⁸. Говоря о недостатке централизующего начала в Испании, берущем корни ещё в средневековье (а именно, в исторической независимости провинций, сложившейся во времена Реконкисты), А.А. Ефрон констатирует культурное несовпадение между Испанией и Россией, то есть описывает явление, практически невозможное у него на Родине. Здесь мы наблюдаем совсем другую объяснительную стратегию интерпретации испанского регионализма, лишенную полемического заряда и политических коннотаций.

В другом месте травелога А.А. Ефрон дополняет своё видение проблемы испанского регионализма, проводя сравнение экономик Испании и России. Он выделяет общую обеим странам неравномерность экономического развития разных регионов и акцентирует внимание на степени отставания одной страны от другой. Публицист подмечает важную особенность развития испанской экономики: «...барселонская выставка есть, собственно, выставка одной Каталонии, но отнюдь не всей Испании. <...> Явление это, кажущееся на первый взгляд загадочным и странным, имеет свои довольно серьезные причины. Дело в том, что Каталония в промышленном отношении играла с давних пор ту же роль в Испании, какую московский фабричный район представлял для России лет 30 тому назад; каталонцы служили почти единственными поставщиками производств во всех отраслях промышленности в Испании»²⁹.

Тематика полемически заряженного политического регионализма Испании осталась чужда и К.А. Скальковскому. Автор (вполне в имперском духе) проводит идею союза России и Испании. Впервые эта идея высказана им в 1873 г. на страницах «Путевых впечатлений». В 1889 г. он повторил

²⁷ Там же. С. 8.

²⁸ Там же. С. 31-32.

²⁹ Там же. С. 52.

её в «Новых путевых впечатлениях». Пожалуй, только такой разносторонний публицист и эрудит, как К.А. Скальковский, и мог поднять эту тему³⁰.

И хотя специальных исследований, посвященных идейной ориентации К.А. Скальковского нет, на основании его позиции по отношению к культуре Испании можно сделать вывод, что его ориентация находилась где-то на рубеже между либералами и консерваторами. Правда, в скобках уместно привести суждение Б.С. Итенберга, который отмечает, что «живые люди с их характером, мироощущением далеко не всегда укладываются в жёсткие рамки понятий консерватизма и либерализма» [Российский консерватизм..., 2000: 255]. К имперскому дискурсу можно отнести и суждение К.А. Скальковского о союзе Испании и России, и его рассуждения о «европейском концерте держав» и месте в нём двух окраинных государств Европы. Он пишет: «Между тем дружба с Испанией может быть нам только полезна. Во-первых, потому, что Испания по своей истории и колониальному положению естественный враг Англии, во-вторых, по своему положению в средиземном море Испания противник Италии, поведение которой относительно нас так коварно, и вперед, конечно, останется не менее двуличным. Но самое важное значение имеет Испания в общей группировке европейских держав. Если считать, что Германия, по её центральному положению, надолго останется сильнейшею державою в Европе, то естественно, что она будет искать всякого случая ослабить возможность выгодного союза России с Францией отвлечением сил последней»³¹.

Тот факт, что К.А. Скальковский, единственный из русских публицистов, рассмотрел возможность союза России и Испании, мы связываем с идейными приверженностями автора, его консервативными устремлениями. Причём его первое высказывание об идее «союза Испании и России»

приходится ещё на период общественного подъема в России (первая половина 1870-х гг.). Тогда Испания интересовала публицистов происходящей в ней революцией и, следовательно, среди писавших о ней преобладали публицисты либерально-демократической направленности; из лагеря «правых» никто, кроме К.А. Скальковского, этих тем основательно не рассматривал. Если же говорить о 1880-х гг. — периоде реакции — то и здесь К.А. Скальковский — самый «правый» автор, который выбивается из общей массы писавших об Испании публицистов (чуждых политической борьбе, но активно продвигавших идеи федерализма, земско-областные построения и т.д.).

Подведем итог. Как известно, 1880-е гг. в России — время спада накала общественной борьбы, наступления реакции. В это десятилетие русское образованное общество обращает пристальный взор на то, на что раньше не хватало «времени и сил», на темы, казавшиеся второстепенными. Одной из таких «тем» оказалась культура Испании. Такого количества объемных, оригинальных по содержанию очерков и статей об этой стране в XIX в. не встречалось ни до, ни после 1880-х гг. Конечно, интересу к Испании способствовал не только характер русской мысли 1880-х гг. В этот период в целом увеличилось количество выезжавших из России в туристических целях³²; также Испания привлекла внимание проходившей в ней Всемирной выставкой 1888 г.

Представления русского образованного общества 1880-х гг. об общественно-политическом развитии современной им Испании транслировали прежде всего собственные федеративные и земско-областные построения; также в них очевидно присутствует осмысление украинского проекта национальной идентичности. Испанские реалии с их проблемой регионализма стали более чем благодатным интеллектуаль-

³⁰ См. об этом: Кузнецова Н.В. Скальковский К.А. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. — М.: Большая советская энциклопедия, 2007. Т.5: П-С. — С. 628.

³¹ Скальковский К.А. Новые путевые впечатления. — Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1889. — С. 284.

³² Туманов О.Н. Заграничное путешествие русских писателей и публицистов в Западную Европу в конце XIX – XX в.: исторические и социально-культурные аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 00.07.02. — Москва, 2012. — С. 14.

ным пространством для «обкатки» этих национально ориентированных идей.

Повышенная востребованность испанской действительности и её проблематизация за счёт насыщения «рефлексам» концепций русской мысли XIX в. выступили основными факторами динамики изменения образа этой страны, сложившегося в сознании россиян ранее. Если раньше окраинным провинциям Испании в текстах русских авторов уделялось внимание по остаточному принципу, либо не уделялось вовсе, то в 1880-х гг. ситуация эта меняется — концептуально и содержательно. Больше всего внимания привлекает к себе Каталония. Она становится ещё одним центром кристаллизации образа Испании: впервые в России подробно освещаются все сферы жизни этой провинции, рассматривается движение каталонизма. Но, что ещё важнее, впервые каталонские реалии и история этого региона вызывает активный эмоциональный отклик: Каталонии «сопереживают», в неё «верят», для отдельных авторов она — «своя»/«наша».

Однако внимание русских публицистов полностью не переносится к окраинным

провинциям. Проблема регионализма не абсолютизируется. Меняется только расстановка акцентов: в образе Испании растёт значимость Каталонии как символа проблемы регионализма; увеличивается критический посыл в адрес политического центра страны. Вместе с тем, Испания воспринимается русскими авторами как единое целое в политическом, социальном и экономическом смыслах. Удерживает от фрагментации образ Испании в 1880-е гг., как представляется, вакуум, образовавшийся в общественной жизни в связи со спадом общественной борьбы. Эту лакуну заполняет ещё не утратившая свою власть над умами «теория прогресса» и генетически связанный с ней имперский дискурс. Более цельным образ Испании делает интерес русских путешественников к культурной традиции страны. В своих поездках они не «сходят» с привычного маршрута и обязательно посещают Кастилию и Андалузию — наиболее «обжитые» русской культурой пространства «воображаемой» географии Европейского континента.

Список литературы:

- Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. — Москва : Канон+, 2013. — 480 с.
- Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. — 1992. — № 9. — С. 52–60.
- Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф : социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия. — Омск : Издательство ООО "Издательский дом 'Наука,'" 2005. — 306 с.
- Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. — Москва : Яз. славян. культуры, 2004. — 173 с.
- Чубарьян А.О. Россия и Европа: взгляд в будущее: в контексте прошлого и настоящего // Диалог со временем. — 2017. — № 59. — С. 43–53. — DOI:10.21267/AQUILO.2017.59.6157
- Шемякин Я.Г. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // Диалог со временем. — 2013. — № 42. — С. 23–45.
- Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. — 2012. — № 39. — С. 9–19.
- Самсонова Н.Г. Русская общественная мысль об испанской революции 1868–1874 годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета Электронный научный журнал. — 2015. — № 4. — С. 152–164. — URL: <http://www.vestospu.ru/archive/2015/articles/Samsonova4-16.html> (дата обращения: 06.05.2021).
- Кулешова В.В. Испания глазами русских путешественников второй половины XIX – начала XX века // Проблемы испанской истории / под ред. С.П. Пожарской — Москва : Наука, 1984. — С. 222–240.

Петрова А.А. Политическая система Испании эпохи Реставрации периода правления Альфонса XII: взгляд русских путешественников // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. — 2014. — № 12. — С. 196–208.

Ведюшкина С.В. Испания и испанцы в изображении Василия Ивановича Немировича – Данченко // Россия и Европа: Дипломатия и культура. — Москва : Наука, 2004. — С. 208–229.

Кузина Н.А. Испания XIX века в путевых заметках русских путешественников // Латиноамериканский исторический альманах. — 2019. — № 21. — С. 190–206. — DOI:10.32608/2305-8773-2019-21-1-190-206.

Мосейкина М.Н. Каталония и «каталонизм» в русской литературе путешествий второй половины XIX – начала XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — Москва : Институт Российской истории РАН, 2016. — С. 69–80.

Мосейкина М.Н. Проблемы модернизации Испании рубежа XIX–XX вв. в оценке русских путешественников // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. — Москва : Международные отношения, 2017. — С. 449–456.

Бухармедова Л.М. Россия и Испания в годы правления Альфонса XII (По материалам Архива внешней политики Российской империи) // Россия и Европа: Дипломатия и культура. — Москва : Наука, 2004. — С. 128–140.

Волосюк О.В. Испания и Россия во второй половине XIX века: конфронтация, диалог или альянс? // Новая и новейшая история. — 2015. — № 2. — С. 143–153.

Скибина О.М. Путевой очерк: синкретизм жанра (на примере русской публицистики XIX века) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 4. — С. 88–97.

Юрчик Е. Э. «Черная легенда» в испанской просветительской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2011. — Т. 2. № 8 — URL: <https://history.jes.su/s207987840000246-9-1/> (дата обращения: 06.05.2021).

Калугина Е.О. «Черная Легенда» об Испании в русской культуре // Пограничные культуры между Востоком и Западом: (Россия и Испания) / Отв. ред. В.Е. Багно. — Санкт-Петербург : Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. — С. 252–257

Ерохина Е.А. Идеи романтизма и образ России как славянской страны // Вестник Новосибирского государственного университета Серия: Философия. — 2012. — Т. 10, № 1. — С. 137–141.

Цимбаев Н.И. Идеи федерализма и федеративного устройства России в общественной мысли // Очерки русской культуры XIX века. Т.4 Общественная мысль. — Москва : Издательство Московского университета, 2003. — С. 457–497.

Чесноков В.С. Забытый подвижник науки / В.С. Чесноков, А.Л. Яншин // Вестник Российской Академии Наук. — 1996. — Т. 66, № 9. — С. 832–835.

Западные окраины Российской империи / Л.А. Бережная, М.Д. Долбилов, А.И. Миллер [и др.]. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 605 с.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). — Санкт-Петербург : Алетей, 2000. — 267 с.

Леонтьева О.Б. Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX в. // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. — Москва : Круг, 2010. — С. 844–885.

Русский консерватизм XIX столетия : Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. — Москва : Прогресс-традиция, 2000. — 439 с.

References:

Walicki, A. (1979) *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*. Stanford: Stanford University Press. (Russ.ed.: Walicki, A. (2013) *Istorija russkoj mysli ot prosvescenija do marksizma*. Moscow: Kanon+ Publ.).

Groys, B. (1992) 'Poisk russkoj natsional'noi identichnosti [Searching of Russian National Identity]', *Voprosy Filosofii*, (9), pp. 52–60. (In Russian).

Saburova, T. A. (2005) *Russkii intellektual'nyi mir/mif (Sotsiokul'turnye predstavleniia intelligentsii v Rossii v XIX stoletii) [Russian Intellectual World / Myth (Socio-cultural Representations of the Intelligentsia in Russia in the 19th Century)]*. Omsk: Izdatel'stvo OOO 'Izdatel'skii dom "Nauka"' Publ. (In Russian).

Uspenskii, B. A. (2004) *Istoriko-filologicheskie ocherki [Historical and Philological Essays]*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian).

Chubaryan, A. (2017) 'Russia and Europe: A View to the Future in the Context of the Past and the Present', *Dialog so Vremenem*, (59), pp. 43–53. doi: 10.21267/AQUILO.2017.59.6157. (In Russian).

Shemyakin, I. G. (2013) 'The Phenomenon of "Liminality": Socio-cultural Contents and Historical Types', *Dialog so Vremenem*, (42), pp. 23–45. (In Russian).

Repina, L. P. (2012) "'National Character" and the "Image of the Other"', *Dialog so Vremenem*, (39), pp. 9–19. (In Russian).

Samsonova, N. G. (2015) 'Russian Thought about Spanish Revolution of 1868–1874', *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, (4), pp. 152–164. Available at: <http://www.vestospu.ru/archive/2015/articles/Samsonova4-16.html> (In Russian).

Kuleshova, V. V. (1984) 'Ispaniia glazami russkikh puteshestvennikov vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Spain through the Eyes of Russian Travelers of the Second Half of the 19th — Early 20th Century]', in Pozharskaya, S. P. (ed.) *Problemy ispanskoi istorii [Problems of Spanish history]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 222–240. (In Russian).

Petrova, A. A. (2014) 'The political System of the Spain Restoration during the Reign of Alfonso XII: Russian Travellers Glance', *Trudy Kafedry istorii novogo i novejšego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, (12), pp. 196–208. (In Russian).

Vediushkina, S. V. (2004) 'Ispaniia i ispantsy v izobrazhenii Vasiliia Ivanovicha Nemirovicha – Danchenko [Spain and the Spaniards in the Representation of Vasily Ivanovich Nemirovich-Danchenko]', in *Rossiiia i Evropa: Diplomatiiia i kul'tura [Russia and Europe: Diplomacy and Culture]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 208–229. (In Russian).

Kuzina, N. A. (2019) 'Spain in 19th Century in the Notes of Russian Travelers', *Latin-American Historical Almanac*, 21(1), pp. 190–206. doi: 10.32608/2305-8773-2019-21-1-190-206. (In Russian).

Moseikina, M. N. (2016) 'Kataloniia i «katalonizm» v russkoi literature puteshestvii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Catalonia and "Catalonism" in Russian Travel Literature of the Second Half of the 19th – early 20th century]', in *Rossija i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatija [Russia and the world through each Other's Eyes: from the History of interference]*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN Publ., pp. 69–80. (In Russian).

Moseikina, M. N. (2017) 'Problemy modernizatsii Ispanii rubezha XIX – nachala XX vv. v otsenke russkikh puteshestvennikov [Problems of Modernization of Spain at the Turn of the 19th – early 20th Centuries in the Assessment of Russian Travelers]', in *España y Rusia: destinos históricos y actualidad*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., pp. 449–456. (In Russian).

Bukhamedova, L. M. (2004) 'Rossiia i Ispaniia v gody pravleniia Al'fonsa XII (Po materialam Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii) [Russia and Spain during the Reign of Alphonse XII (Based on the Materials of the Archive of Foreign Affairs of the Russian Empire)]', in *Rossiiia i Evropa: Diplomatiiia i kul'tura [Russia and Europe: Diplomacy and Culture]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 128–140. (In Russian).

Volosyuk, O. V. (2015) 'Spain and Russia in the Second Half of the 19th Century: Confrontation, Dialogue or Alliance', *Novaia i noveishaia istoriia*, (2), pp. 143–153. (In Russian).

Skibina, O. M. (2014) 'Travelling Essay: Genre Syncretism (on Example of Russian Publicism of 19th Century)', *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, (4), pp. 88–97. (In Russian).

Yurchik, E. (2011) '«La leyenda negra» en la literatura de la Ilustración española', *Istoriya*, 2(8). Available at: <https://history.jes.su/s207987840000246-9-1/> (In Russian).

Kalugina, E. O. (2001) 'Chernaia Legenda ob Ispanii v russkoi kul'ture [The Black Legend of Spain in Russian Culture]', in *Pogranichnye kul'tury mezhd Vostokom i Zapadom: (Rossiia i Ispaniia) [Liminal Cultures between East and West]*. Saint Petersburg: Soiuz pisatelei Sankt-Peterburga Publ. pp. 252–257. (In Russian).

Erokhina, E. A. (2012) 'Ideas of Romanticism and the Image of Russia as a Slavic Country', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ: filosofiâ*, 10(1), pp. 137–141. (In Russian).

Tsimbaev, N. I. (2003) 'Idei federalizma i federativnogo ustroistva Rossii v obshchestvennoi mysli [Ideas of Federalism and the Federal Structure of Russia in Public Discourse]', in *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka. Vol. 4 Obshchestvennaia mysl' [Essays about 19th Century Russian Culture, Vol.4 Public Thought]*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., pp. 457–497. (In Russian).

Chesnokov, V. S. and Yanshin, A. L. (1996) 'Zabytyi podvizhnik nauki [The Forgotten Researcher]', *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 66(9), pp. 832–835. (In Russian).

Berezhnaya, L. A., et al. (2006) *Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii [The Western Borderlands of the Russian Empire]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).

Miller, A. I. (2000) 'Ukrainskii vopros' v politike vlastei i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraia polovina XIX v.) [Ukrainian Question: Russian Empire and Nationalism in the 19th Century]. Saint Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian).

Leontieva, O. B. (2010) 'Vlast' i narod v zerkale istoricheskikh predstavlenii rossiiskogo obshchestva XIX v. [Power and People Reflected by Historical Views of the 19th Century Russian Society]', in *Images of time and historical representations*. Moscow: Krug Publ., pp. 844–885. (In Russian).

Grosul, V. J. (ed.) (2000) *Russkii konservatizm XIX stoletii: Ideologiya i praktika. [Russian Conservatism of the XIX Century: Concept and Expience]*. Moscow: Progress-tradicija Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Наталья Геннадьевна Самсонова — независимый исследователь, в 2013 г. окончила аспирантуру по специальности «Отечественная история» (07.00.02) ФГБОУ ВО «ОмГПУ» (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Natalya G. Samsonova — independent researcher, graduated from the postgraduate course in «National History» (07.00.02) of the Omsk State Pedagogical University in 2013. (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 06.03.2021; одобрена после рецензирования 05.05.2021; принята к публикации 24.05.2021.

The article was submitted 06.03.2021; approved after reviewing 05.05.2021; accepted for publication 24.05.2021.



Исследовательская статья

УДК 1(091) 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-147-160>

МЕСТО РОССИИ В МИРЕ: ПЁТР ЧААДАЕВ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Александр Койре

Максим Андреевич Майданский¹ — перевод и комментарии

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, irmaid@rambler.ru



Аннотация. В статье выдающегося французского историка науки Александра Койре, написанной около ста лет назад, прослеживается эволюция философско-исторической концепции П.Я. Чаадаева в контексте его полемики со славянофилами. Это был первый серьезный теоретический спор о месте России в мировой истории, во многом определивший характер последующих споров на эту тему, длящихся по сей день. Чаадаев писал свои «Философские письма» на французском языке, используя категориаль-

ный аппарат немецкой философии, в частности идеи Шеллинга, с которым был знаком лично. Тем не менее, Койре оспаривает привычную характеристику Чаадаева как рафинированного западника, показывая, что он принимал некоторые принципиальные положения и установки И.В. Киреевского и других славянофилов, в том числе религиозные, но трактовал их совершенно иначе, по-своему. Российская цивилизация не принадлежит ни к восточному, замкнутому в себе, ни к западному экспансионистскому типу — у неё свой особый путь исторического развития. Причины её неразвитости Чаадаев усматривает в подавляющем господстве аскетичного христианства, с одной стороны, и в пластичности народного характера славян, в отсутствии у них «автономной жизни» и античного культурного наследия — с другой. После публикации первого Философического письма в журнале «Телескоп» в 1836 г. Николай I высочайшим указом объявил Чаадаева сумасшедшим и повелел поместить под домашний арест. Философ откликнулся на это «Апологией сумасшедшего». Койре оспаривает распространенное мнение, будто в этой работе историософские взгляды Чаадаева претерпели существенное изменение, не говоря уже об отречении от своей резко критической оценки истории российской цивилизации как некоего «пробела в духовном миропорядке». Этот недостаток, однако, может превратиться в трамплин для исторического прорыва к «широкому благоденствию». В стране, где народ привык к слепой покорности, для этого требуется лишь воля правителя, пришествие нового Петра Великого.

Ключевые слова: Александр Койре, Россия, Запад, цивилизация, славянофилы, христианство, Церковь

© Койре А., Майданский М.А., 2021

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00100.

Для цитирования: Койре А. Место России в мире: Пётр Чаадаев и славянофилы / А. Койре. Перевод М.А. Майданского // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 147–160. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-147-160>

Original article

RUSSIA'S PLACE IN THE WORLD. PYOTR CHAADAYEV AND THE SLAVOPHILES

Alexander Koyré

Maksim A. Maidansky¹ — translation and commentaries

¹Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
irmaid@yandex.ru

Abstract. The purpose of this publication is to present the work by an outstanding French historian of science Alexander Koyré who was deeply interested in the Russian philosophy of history to the Russian-speaking public. The paper, written about a hundred years ago, traces the evolution of Pyotr Chaadaye's philosophical-historical thought in the context of his polemics against Slavophiles. It was the first serious theoretical dispute about the place of Russia in world history, which largely set the pattern for subsequent disputes on this topic that continue to this day. Chaadaye wrote his *Philosophical Letters* in French, using the categorical apparatus of German philosophy, particularly the ideas of Schelling, with whom he was personally acquainted. Nevertheless, Koyré contests the usual characterization of Chaadaye as a refined Westernist, showing that he accepted some of Ivan Kireevsky's and other Slavophiles' basic statements and attitudes, including the religious ones, but interpreted them in a completely different way, after his own fashion. Chaadaye sees the reasons for the backwardness of Russian civilization in the overwhelming dominance of ascetic Christianity, on the one hand, and in the plasticity of the folk character of the Slavs, in the absence of *autonomous life* and ancient cultural heritage, on the other. Russian civilization belongs neither to the Eastern, closed in itself, nor to the Western expansionist type. It has its own special way of historical development. After the publication of the first Philosophical Letter in the journal *Telescope* in 1836, Nicholas I, by the highest decree, declared Chaadaye insane and ordered him to be placed under house arrest. The philosopher responded with *Apologia of a Madman*. Koyré disputes the widespread view that Chaadaye's historiosophic views underwent a significant change in this work, not to mention the renunciation of his sharply critical assessment of the history of Russian civilization as a kind of *gap in the intellectual world order*. This disadvantage, however, could turn into a springboard for a historical breakthrough towards *broad welfare*. In a country where the people are accustomed to blind obedience, it requires only the will of the ruler, the coming of the new Peter the Great.

Keywords: Alexander Koyré, Russia, the West, civilization, Slavophiles, Christianity, Church

Acknowledgements: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, within the framework of the project № 19-18-00100.

For citation: Koyré, A. Transl. Maidansky, M. A. (2021) 'Russia's Place in the World. Pyotr Chaadaye and the Slavophiles', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 147–160. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-147-160>

От переводчика

Уроженец Таганрога, Александр Вольфович Койра во время первой русской революции, ещё гимназистом, участвовал в нелегальных затеях эсеров и даже угодил в тюрьму, затем обучался философии в европейских университетах — у Э. Гуссерля и Э. Жильсона, воевал добровольцем на фронтах Первой мировой и гражданской войны в России. В 1920-е гг. на Западе он получил известность как историк философии под именем Александра Койре. Он создал одну из первых концепций научных революций, а после выхода «Этюдов о Галилее» (*Études Galiléennes*, 1939) считается основоположником интерналистского направления в истории науки. Интернализм объясняет эволюцию научной мысли её собственной внутренней логикой; все прочие общественно-исторические факторы и условия определяют лишь внешнюю форму выражения научных идей.

Долгие годы Койре возглавлял парижский Центр исследований по истории науки и техники, а ближе к концу жизни был избран секретарём Международной Академии истории науки. Раз в два года Академия вручает медали имени Александра Койре «За выдающиеся научные работы по истории науки».

В начале своего творческого пути Койре особенно много занимался историей ранней русской историософской мысли. Его монография «Философия и национальная проблема в России начала XIX века» опубликована московским издательством «Модест Колеров» в 2003 г. [Койре, 2003] в переводе с французского, с обширным предисловием и комментариями А.М. Руткевича. В ней, однако, лишь вскользь упоминается П.Я. Чаадаев, мыслитель, чьи взгляды на русскую историю были наиболее близки самому Койре. Этот пробел призвана восполнить настоящая публикация — перевод статьи, вышедшей в 1927 г. на английском языке. Койре предлагает в ней свою «апологию сумасшедшего» П.Я. Чаадаева, на сей раз из XX в.

В кратком вступлении, подписанном инициалами *B.P.* (Bernard Pares – сэр Бер-

нард Пэйрс, британский журналист и дипломат, впоследствии профессор Лондонского университета, директор Школы славянских исследований), Чаадаев представляется западному читателю как философ, «живший вдали от общества и поглощённый в основном религиозными размышлениями». Сообщается также, что публикуемый текст Койре является фрагментом его работы, готовящейся к публикации в Институте славянских исследований (*Institut d'Études Slaves*). Работа эта вышла почти четверть века спустя — в книге «Очерки истории философской мысли в России» (*Études sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie*. Paris: Librairie J. Vrin, 1950). [Koyré, 1950]. Очерк «Tchaadaev et les Slavophiles», в несколько изменённом виде, составил главу IV раздела о философии Чаадаева.

В английской статье отсутствуют ссылки на первоисточники — мы идентифицировали и привели их в квадратных скобках по изданию: Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М.: Правда, 1991. [Чаадаев, 1991]. Наши примечания нумеруются римскими цифрами и помещены в конец текста. Постраничные примечания под арабскими цифрами принадлежат автору статьи, А. Койре.

М.А. Майданский

С того момента, как в жизни Чаадаева разразилась «буря»ⁱ, наибольший интерес представляет изучение той эволюции, что произошла в его взглядах под влиянием друзей славянофилов — прежде всего, под влиянием двоякой борьбы, которую он вёл до конца жизни: против утопического шовинизма националистической философии истории, с одной стороны, и против западников — с другой. Любопытно, что вышеупомянутая «буря» (которая, по логике, должна была изменить если не его философию истории, то, по крайней мере, его оценку современности и непосредственных возможностей России) произвела эффект лишь намного позже. На самом деле, что бы ни думал по этому вопросу Гершензонⁱⁱ, мы вряд ли обнаружим нечто новое в знаменитой «Апологии сумасшед-

шего», и находимое здесь отречениеⁱⁱⁱ не идёт дальше того, что уже встречалось нам в его [Философических] письмах.

В «Апологии», которая в то же время является изложением символа веры, мы снова встречаем, иногда в более выразительной форме, резкие суждения о национальном прошлом России; и если здесь, вместе с тем, выражена надежда на блестящее будущее страны, возможное благодаря самим её недостаткам, то такова была, уже многие годы, заветная мысль Чаадаева.

По сути своей, «история всякого народа представляет собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей... Именно этой истории мы и не имеем» [Чаадаев, 1991: 146–147].

«С жизнью народов бывает почти то же, что с жизнью отдельных людей. Всякий человек живёт, но только человек гениальный или поставленный в какие-нибудь особенные условия имеет настоящую историю» [Чаадаев, 1991: 147]. Россия занимает пятую часть суши на Земле, но что в этом проку? С исторической точки зрения она — нуль. Лишь географический факт, не более. История человечества отметит сей факт в своих анналах, перелистнёт страницу — и всё. Давайте наконец распростимся с псевдопатриотическими иллюзиями и утопиями. «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть ещё нечто более прекрасное — это любовь к истине» [Чаадаев, 1991: 147]^{iv}.

Но «дело в том, что мы ещё никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения. Ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом характеризовано, ни один из великих переломов нашей истории не был добросовестно оценен; отсюда все эти странные фантазии, все эти ретроспективные утопии, все эти мечты о невозможном будущем, которые волнуют теперь наши патриотические умы. Пятьдесят лет назад немецкие учёные открыли наших летописцев, потом Карамзин рассказал звучным слогом дела и подвиги наших государей» [Чаадаев, 1991: 151], — и в этих вот жалких остатках пустого и незначительного прошлого шовинисты, закосневшие в слепоте, ищут неправ-

доподобную, химерическую философию истории.

«Возможно, конечно, что наши фанатические славяне при их разнообразных поисках будут время от времени откапывать дикивинки для наших музеев и библиотек; но, по моему мнению, позволительно сомневаться, чтобы им удалось когда-нибудь извлечь из нашей исторической почвы нечто такое, что могло бы заполнить пустоту наших душ и дать плотность нашему расплывчатому сознанию» [Чаадаев, 1991: 147]. Эту апострофу, по сей день вибрирующую эмоциями — тем самым чувством, коим продиктованы его письма из Некрополиса^v, — Чаадаев адресует «фанатичным славянам». «Не воображайте, что вы жили жизнью народов исторических, когда на самом деле, похороненные в вашей необъятной гробнице, вы жили только жизнью ископаемых» [Чаадаев, 1991: 151].

И пусть не говорят, что Россия лишь поверхностным или внешним образом привязана к цивилизации и судьбам Запада и что отсутствие традиции и истории европейского типа во многом компенсируется совершенно иной разновидностью традиций и истории — Востока, которому принадлежит и Россия в её исконно-древней цивилизации. Россия не имеет ничего общего с настоящим Востоком. «Мы живем на востоке Европы — это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока — своя история, не имеющая ничего общего с нашей» [Чаадаев, 1991: 150]. На самом деле «Восток» и «Запад» не географические понятия, ничуть нет, они являют собой два сущностных типа человеческой цивилизации.

Мир от века был разделён на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деление. Это также порядок вещей, вытекающий из самой природы разумного существа. Это — два принципа, отвечающие двум динамическим силам природы, две идеи, охватывающие всё устройство рода человеческого. Именно в концентрации, самопоглощенности, интроспекции, человеческий разум сформировался на Востоке; в экспансии вовне, распространении во всех направлениях, борьбе с препятствиями развивался Запад.

Но «мы не принадлежим... ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого» [Чаадаев, 1991: 25]; доказательством чему, коли в нем есть нужда, служит то, что «Пётр Великий нашёл у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова *Европа* и *Запад*; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу» [Чаадаев, 1991: 146].

Россия не принадлежит ни Западу, ни Востоку. Это просто страна на севере, страна, которая до времени находилась за порогом великих мировых цивилизаций, и потому не имевшая прежде исторического прошлого в подлинном смысле слова. Это факт, который мы должны принять, ибо «прошлое не в нашей власти»; но это не повод для отчаяния — поскольку «будущее принадлежит нам»^{vi}, или, по крайней мере, оно может быть нашим, если мы того действительно хотим, если мы пойдем по пути, проложенному для России Петром Великим.

Работа и пример Петра отныне являются единственно безопасным путем, и «кто серьезно любит свою родину, того не может не огорчать глубоко это отступничество наших наиболее передовых умов от всего, чему мы обязаны нашей славой, нашим величием» [Чаадаев, 1991: 150]. На самом деле, вопреки привычной вере, вопреки мнению, высказанному самим Чаадаевым, Пётр Великий никогда не желал вестернизировать свою страну целиком. Если «он передал нам Запад сполна, каким его сделали века, и дал нам всю его историю за историю, все его будущее за будущее», то это не значит, что он имел в виду послушное копирование институций, манер и в целом европейской цивилизации, со всеми её слабостями и ошибками; напротив, он подразумевал, что мы должны сделать собственный выбор. Любопытно следить за тем, как Чаадаев, используя аргументы Краевского — Одоевского^{vii}, направленные против него самого, пытается прикрыться именем Петра, а также говорит о том, что любит свою страну так же, как Пётр:

«Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа ... Я люблю моё отечество, как Пётр Ве-

ликий научил меня любить его» [Чаадаев, 1991: 152].

Но, как и сам Чаадаев, Пётр I не любил ни настоящее, ни прошлое России. Он видел в ней лишь тот фундамент, на котором строил будущее, и те самые черты, что мешали России иметь достойное прошлое, благоприятствовали сотворению её славного грядущего.

«Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришел извне, каждая новая идея почти всегда заимствована» [Чаадаев, 1991: 146]. Поэтому, в то время как «не подлежит сомнению, что большая часть мира подавлена своими традициями и воспоминаниями... мы никогда не жили под роковым давлением логики времен... Он [Петр I] хорошо понял, что, стоя лицом к лицу со старой европейской цивилизацией, которая является последним выражением всех прежних цивилизаций, нам незачем задыхаться в нашей истории и незачем тащиться, подобно западным народам, чрез хаос национальных предрассудков, по узким тропинкам местных идей, по изрытым колеям туземной традиции» [Чаадаев, 1991: 154]. Это совершенно новый путь, который Россия может свободно предназначить для себя. «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. Тот обнаружил бы, по-моему, глубокое непонимание роли, выпавшей нам на долю, кто стал бы утверждать, что мы обречены кое-как повторять весь длинный ряд безумств, совершенных народами, которые находились в менее благоприятном положении, чем мы, и снова пройти через все бедствия, пережитые ими. Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения» [Чаадаев, 1991: 153].

Словом, сила традиций, привычный образ мышления повсюду препятствует свободному развитию мысли, меж тем как «у нас нет этих страстных интересов, этих готовых мнений, этих установившихся предрассудков; мы девственным умом встречаем каждую новую идею. Ни наши учреждения, представляющие собою свободные создания наших государей или скудные остатки жизненного уклада, вспаханного их всемогущим плугом, ни наши нравы, эта странная смесь неумелого подражания и обрывков давно изжитого социального строя, ни наши мнения, которые всё ещё тщетно силятся установиться даже в отношении самых незначительных вещей, — ничто не противится немедленному осуществлению всех благ, какие Провидение предназначает человечеству. Стоит лишь какой-нибудь властной воле высказаться среди нас — и все мнения стушеваются, все верования покоряются и все умы открываются новой мысли, которая предложена им» [Чаадаев, 1991: 153–154]¹. Именно поэтому также «нам позволено надеяться на благоденствие ещё более широкое, чем то, о котором мечтают самые пылкие служители прогресса, и что для достижения этих окончательных результатов нам нужен только один властный акт той верховной воли, которая вмещает в себе все воли нации, которая выражает все её стремления, которая уже не раз открывала ей новые пути, развертывала пред её глазами новые горизонты и вносила в её разум новое просвещение» [Чаадаев, 1991: 155]².

Вполне ясно, что Чаадаев, за одним — двумя исключениями, сохраняет верность своим прежним принципам; он занимает непримиримую позицию относительно фанатичных славян — именно они оставались для него главными противниками,

при всем множестве точек соприкосновения и несмотря на их сильное влияние³.

Мы уже отмечали важность связей между Чаадаевым и славянофилами. Это необходимо сделать это ещё раз, ибо именно благодаря этим связям, прямому влиянию идей этих друзей-противников^{viii}, равно как и влиянию обратной реакции с их стороны, можно объяснить занятую эволюцию, которая до сих пор слишком мало изучена, — так сказать, «эволюцию вспять», совершаемую из данного отправного пункта.

Вне всякого сомнения, именно у славянофилов он научился признавать религиозную ценность православия; именно под их влиянием, в формальном противоречии со своими прежними убеждениями, он пришёл к тому, что в вопросах догматической чистоты и верности духу первоначального христианства он ставит православие даже выше католицизма. От [Ивана] Киреевского Чаадаев заимствовал идею о том, что католицизм, именно благодаря его значимой роли в «воспитании человеческого рода» и его в высшей степени социальному характеру, уже истощил свою творческую силу; те социальные и политические формы, в которых осуществлялся католицизм, были исчерпаны духом, ранее их оживлявшим. Теперь потребовалось нечто новое — христианство, которое было бы чисто духовным.

В 1837 г. Чаадаев пишет своему неизменному другу и доверенному лицу Николаю Тургеневу: «Политическое христианство отжило свой век; оно в наше время не имеет смысла; оно тогда было нужно, когда создавалось новейшее общество, когда выработывался новый закон общественной жизни. И вот почему западное христианство, мне кажется, совершенно выполнило цель, предназначенную христианству вообще, а особенно на Западе, где находились

¹ У нас нет причин не верить в искренность упования Чаадаева на «всемогущую волю государя». Его письмо Бенкендорфу это доказывает. Похоже, он хотел прельстить императора ролью второго Петра Великого.

² Следует отметить своеобразную диалектику концепции Чаадаева, которая может быть сформулирована следующим образом: *de nihil esse ad omnia passe* [лат. из ничего развиться во всё]. У России нет ни настоящего, ни исторического прошлого: значит она может стать всем тем, чем реально захочет быть. Славянофилы рассуждали ровно наоборот: настоящее России отсутствует, но будущее — славно; следовательно, и её прошлое должно было быть блистательным.

³ Этих «фанатичных славян» — Погодина, Шевырева, Вельтмана, Бурачкова и других — не следует объединять со славянофилами Киреевским и Хомяковым.

все начала, потребные для составления нового гражданского мира. Но теперь дело совсем иное. Великий подвиг совершён; общество сооружено; оно получило свой устав; орудия беспредельного совершенствования вручены человечеству; человек вступил в своё совершеннолетие. Ни эпизоды безначалия, ни эпизоды угнетения не в силах более остановить человеческий род на пути своем. Таким образом, бразды мироправления должны были естественно выпасть из рук римского первосвященника; христианство политическое должно было уступить место христианству чисто духовному; и там, где столь долго царили все власти земные, во всех возможных видах, остались только символ единства мысли, великое поучение и памятники прошлых времен. Одним словом, христианство нынче не должно иное что быть, как та высшая идея времени, которая заключает в себе идеи всех прошедших и будущих времён, и, следовательно, должно действовать на гражданственность только посредственно, властью мысли, а не вещества. Более нежели когда должно оно жить в области духа и оттуда озарять мир и там искать себе окончательного выражения» [Чаадаев, 1991: 404].

Ясно, что в сознании Чаадаева аскетичное, сугубо внутреннее христианство восточной церкви приближает к такому «окончательному выражению». Однако это итог христианства не в большей степени, нежели католицизм: это не та религия духа, мистическая религия, превосходящая конфессиональные формы, что является религией Чаадаева. Как не был он настоящим католиком, так же никогда он не «обращался» и в православие, подобно Киреевскому. Посему Чаадаев никогда не желал умалить ни религиозную ценность римского католицизма, ни его относительное превосходство как общественной формации. Католицизм и православие были для него двумя формами выражения христианского духа, по отношению к коим он ощущал свое [религиозное] превосходство.

«Как видите, — как он писал Тургеневу ещё в 1831 г., — моя религия не совсем совпадает с религией богословов, и вы можете мне сказать, пожалуй, что это и не

религия народов. Но я вам скажу, что это та религия, которая скрыта в умах, а не та, которая у всех на языке; что это религия вещей, а не религия форм; что это религия, какова она есть, а не какова она нам кажется; наконец, что это та предвосхищенная религия, к которой в настоящее время вызывают все пламенные сердца и глубокие души и которая, по словам великого историка будущего, станет в грядущем последней и окончательной формой поклонения и всей жизнью человечества; но которая в ожидании этого не сталкивается с народными верованиями, а напротив, в своей любвеобильности приемлет их, хотя и идёт дальше их. Если бы в те времена, когда я искал религии, я встретил бы в окружающей меня среде готовую, я, наверное, принял бы её; но, не найдя таковой, я принужден был принять исповедание Фенелонов, Паскалей, Лейбницов и Беконов. Вы, между прочим, были неправы, когда определили меня как истинного католика» [Чаадаев, 1991: 376].

Две эти церкви, пишет Чаадаев графу де Сиркуру в 1845 г., суть «два полюса христианской сферы» (мы видим здесь идею Шеллинга о двух полюсах). Но что до *ценности* каждого из этих полюсов, то кажется, что симпатии Чаадаева опять всё больше и больше склоняются к Западу, при всём признании им догматической чистоты православия. Яростная критика, которой славянофилы подвергают западные конфессии, как будто самой своей преувеличенностью провоцирует такую реакцию; так, в 1844 г. Чаадаев пишет одному другу (мы, к сожалению, не знаем, кто это был), давая оценку диссертации Самарина^{ix}: молодому доктору нужно было бы ответить, «что находить в проповеди католической отсутствие *живого сочувствия с массою слушателей* до такой степени смешно, что не знаешь, что на это сказать; что новоизобретенное им различие между церквами католической и православной совершенно ложно; что церковь православная столько же, сколько и католическая, требовала и требует себе подчинения внешнего; что католическая отнюдь не довольствуется одною только наружною или юридическою покорностию, а лучше только прочих хри-

стианских исповеданий постигает своим здравым практическим смыслом человеческую природу и необходимую в ней связь наружного с внутренним, вещественного с духовным, формы с существом; что понятие об этой связи прямо выводится из того ученья евангельского, которое, так сказать, обоготворяет тело человеческое в теле Христовом, таинственно с ним совокупляемым, предсказывает возрождение тел наших и гласит устами Апостола: *или не весте, что телеса ваша удове Христове, или не весте, яко телеса ваша храм живаго Святаго Духа суть* (I Кор. 6). Ко всему к этому должно было ему ещё прибавить, что церковь западная развивалась не как государство, а как царство; что смешно её в этом упрекать, потому что вся цель христианства в том и состоит, чтобы создать на земле одно Царство, все прочие царства в себе заключающее; что непостижимо, каким образом *символизированная идея о единстве церкви в лице папы*, про которую, впрочем, католическая церковь ничего не ведаёт, может разлучить человечество с церковью; что если папа в самом деле не что иное, как символ единства, то очевидно, что самое единство в нём заключаться не может, а должно находиться вне его, то есть в человечестве; что, наконец, преобладание формы в католицизме есть не что иное, как жалкий бред протестантизма, не умевшего постигнуть своим отрицательным тупым понятием, что одним разумным, глубоким сочетанием формы с мыслию возможно было сохранить и мысль и форму христианства посреди той великой борьбы всякого рода сил и понятий, на почве Европы собравшихся, которые составляют новейшую историю мыслящего человечества» [Чаадаев, 1991: 436–437].

Видно, что всё это большей частью старые идеи Чаадаева, возродившиеся с совершенно новой силой. Но на самом деле мы здесь имеем дело с намного более важным изменением в его мысли. Чаадаев, как мы видели выше, принял славянофильскую

точку зрения на абсолютное верховенство «принципа» христианства в формировании национального характера русского народа. Но если славянофилы, или по крайней мере Киреевский, выводят идеальное осуществление христианской цивилизации в Древней Руси из национальной или этнической пластичности и податливости русских славян и из абсолютно чистого характера восточного христианства, то Чаадаев, наоборот, делает эти два исторических основания причиной нынешнего состояния Руси и ее прошлого.

Таким образом, как говорится в его письмах, уже не отсутствие или слабость христианского влияния, а, наоборот, его преобладание объясняет отсутствие цивилизации на Руси. Выходит, что автономная жизнь западных народов (варварский элемент) и влияние классического наследия не только способствовали развитию цивилизации в целом, но эти два фактора были незаменимы также и для формирования самой Церкви, что они одни дали возможность развития тех социальных принципов, которые, безусловно, неявно заложены в христианстве как таковом, но не могли бы проявиться и осуществить себя без противодействия язычества и античной классики⁴. Предоставленное само себе, христианство породило бы на Западе то же самое, что оно создало в Византии и на Руси — отречение народа от своего [автономного] существования и своей свободы, христианский халифат и рабство как следствие господства аскетического христианства, и заодно — подчинение церкви мирским властям. Чаадаев возвращается к своей старой идее, и России как правопреемнице и наследнице цезаропапистской и филетистской* Византии он противопоставляет независимую власть церкви на Западе. Тут следует задаться вопросом, чему же он отдает предпочтение.

Замечательное письмо графу де Сиркуру даёт нам вполне определённое выражение этой новой позиции Чаадаева.

⁴ Важно, что Чаадаев противопоставляет новой философии истории славянофилов давние идеи самого Киреевского, столь блестяще развитые последним в его знаменитой работе «Девятнадцатый век», опубликованной примерно пятнадцатью годами ранее в его мертворожденном [журнале] «Европеец».

Идее развития «эмбриона» высшей цивилизации на отечественной почве, которую славянофилы — последователи Шеллинга вынуждены были принимать, если они хотели или хотя бы просто надеялись на возможность развития настоящей цивилизации в России, идее романтической утопии, которая видит это осуществление в прошлом, Чаадаев противопоставляет несамопроизвольный (*non-spontaneous*) характер народа и свою теорию свободы. Именно в силу этих двух факторов эволюция России может быть осуществлена только под влиянием импульса извне.

«Я думаю, — пишет Чаадаев, — что прогресс ещё невозможен у нас без апелляции к суду Европы. Не то чтобы в нашем собственном существе не крылись задатки всяческого развития, но несомненно, что почин в нашем движении всё ещё принадлежит иноземным идеям и — прибавлю — принадлежал им искони: странное динамическое явление, быть может не имеющее примера в истории народов. Вы понимаете, что я говорю не только о близких к нам временах, но обо всём нашем движении на пространстве веков. И прежде всего, вся наша умственность есть, очевидно, плод религиозного начала. А это начало не принадлежит ни одному народу в частности: оно, стало быть, постороннее нам, так же, как и всем остальным народам.

Но оно всюду подвергалось влиянию национальных или местных условий, тогда как у нас христианская идея осталась такою же, какою она была привезена к нам из Византии, то есть как она некогда была формулирована силою вещей, — важное обстоятельство, которым наша церковь справедливо гордится, но которое, тем не менее, характеризует своеобразную природу нашей народности. Под действием этой единой идеи развилось наше общество» [Чаадаев, 1991: 447].

Значит, уже не «там», в Европе христианство «сделало всё». Напротив, именно здесь, в России оно играло господствующую роль до того, как основы цивилизации развились под влиянием народных и классических элементов. Этих-то элементов, значение которых затем становится не только положительным, но и решающим,

не хватало России; у её народа не было ничего своего.

«Эта податливость чужим внушениям, эта готовность подчиняться идеям, навязанным извне, всё равно — чужеземцами или нашими собственными господами, является... существенной чертой нашего нрава, врождённой или приобретённой — это безразлично. Этого не надо ни стыдиться, ни отрицать: надо стараться уяснить себе это наше свойство, и не путём какой-нибудь этнографической теории из числа тех, которые сейчас так в моде, а просто путем непредубеждённого и искреннего уразумения нашей истории. Мы представляем собою... продукт религиозного начала; это несомненно, но это не всё. Не надо забывать, что это начало бывает действительно плодотворно лишь тогда, когда оно вполне независимо от светской власти, когда место, откуда оно осуществляет свое действие на народ, находится в области, недостижимой для властей земных... У нас, к несчастью, дело обстоит иначе. При всем глубоком почтении, с которым наши государи относились к духовенству и христианским догматам, духовная власть далеко не пользовалась в нашем обществе всею полнотою своих естественных прав» [Чаадаев, 1991: 448–449].

Но мы видели и увидим ещё раз вновь, что это подчинение церкви светской власти, в конечном счёте, объясняется именно аскетичным характером восточного христианства, безразличием ко всему проходящему во внешнем мире. Как раз активный, практический и социальный характер католицизма позволил ему завоевать и отстоять свою независимость, и в определённую эпоху даже одержать победу над властью мирской.

«Я знаю, среди ваших мыслителей эту победу [власти духовной над мирской] одобряли только немногие, но мы, беспристрастные свидетели в этом деле, можем оценить её лучше вашего; мы, неуклонно следующие по стопам Византии, слишком хорошо знаем, что представляет собою духовная власть, отданная на произвол земных владык... Здесь [на Западе] мы видим духовенство, одушевлённое глубоким чувством независимости, стремящееся поста-

вить духовную власть выше силы, там [в Византии] — церковь самую покорную материальной власти и домогающуюся стать как бы христианским халифатом. Таково наследие, которое мы получили от Византии вместе с полнотою догмы и её первоначальной чистотой. Эта чистота, без сомнения, — неоценимое благо, и она должна утешать нас во всех недостатках нашего духовного строя; но у нас идёт речь сейчас только о нашем социальном развитии, и вы согласитесь, что западный религиозный строй гораздо более благоприятствовал такого рода развитию, нежели тот, который выпал на нашу долю. Надо всё время помнить одно: что в нашем обществе не существовало никакого другого нравственного начала, кроме религиозной идеи, так что ей одной обязан наш народ своим историческим воспитанием и ей должно быть приписано всё, что у нас есть, — доброе, как и злое... Мы видим воочию, что эта наша готовность подчиняться разнородным предначертаниям извне есть неизбежное последствие религиозного строя, лишённого свободы, где нравственная мысль сохранила лишь видимость своего достоинства, где её чтут лишь под условием, чтобы она держалась смиренно, где она пользуется авторитетом лишь в той мере, в какой его уделяет ей политическая власть, где, наконец, её беспрестанно стесняют в деятельности её служителей, в её движениях и духе» [Чаадаев, 1991: 450, курсив – А.К.]⁵.

Таким образом, вовсе не над Западом, а над Россией тяжким грузом довлеет прискорбная традиция греха, самое тяжкое прегрешение против духа; не Европе, но именно ей, России, необходимо покаяться, выказать раскаяние, если она хочет занять свое место среди христианских народов, ибо только это раскаяние даст ей возможность освободиться, одолеть самое себя, найти в себе силы, необходимые для того, чтобы играть настоящую роль в этом мире.

«Мы будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами путь, когда из наших уст помимо нашей воли вырвется признание во всех наших заблуждениях, во всех ошибках нашего прошлого, когда из наших недр исторгнется крик раскаяния и скорби, отзвук которого наполнит мир. Тогда мы естественно займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов или дубин, но и в качестве идей. И не думайте, что нам ещё очень долго ждать этой минуты. В недрах этой самой новой школы, которая силится воскресить прошлое, уже не один светлый ум и не одна честная душа вынуждены были признать тот или другой грех наших отцов» [Чаадаев, 1991: 452].

«Не знаю, согласитесь ли вы со мною, но мне кажется, что этим способом очень легко можно объяснить всю нашу историю. Народ простодушный и добрый, чьи первые шаги на социальном поприще были отмечены тем знаменитым отречением в пользу чужого народа, о котором так наивно повествуют наши летописцы, — этот народ, говорю я, принял высокие евангельские учения в их первоначальной форме, то есть раньше, чем в силу развития христианского общества они приобрели социальный характер, задаток которого был присущ им с самого начала, но который и должен был, и мог обнаружиться лишь в урочное время. Ясно, что нравственная идея христианства должна была оказать на этот народ только самое непосредственное свое действие, то есть до чрезвычайности усилить в нём аскетический элемент, оставляя втуне все остальные начала, заключенные в ней, — начала развития, прогресса и будущности. Христианская догма, как плод Высшего Разума, не подлежит ни развитию, ни совершенствованию, но она допускает бесчисленные применения в зависимости от условий национальной жизни. Известно,

⁵ Мы должны ещё раз отметить диалектический способ рассуждения Чаадаева, когда он, принимая некоторыесылки славянофилов, делает из них прямо противоположные выводы: преобладание чисто христианского духа в России привело к отсутствию культуры и к «греху против духа»; но послушность людей, самое печальное последствие наличного положения вещей, позволяет ему теперь надеяться на самое светлое будущее.

какие громадные явления, какие неизмеримые последствия породила жизнь западных народов, оплодотворенная христианством. Но это было возможно лишь потому, что эта жизнь, сама исполненная всевозможных плодоносных элементов, не была скована узким спиритуализмом, что она находила покровительство, сочувствие и свободу там, где у нас жизнь встречала лишь монастырскую суровость и рабское повиновение интересам государя. Неудивительно, что мы шли от отречения к отречению. Вся наша социальная эволюция — сплошной ряд таких фактов. Довольно указать вам на колоссальный факт постепенного закрепощения нашего крестьянства, представляющий собою не что иное, как строго логическое следствие нашей истории. Рабство всюду имело один источник: завоевание. У нас не было ничего подобного. В один прекрасный день одна часть народа очутилась в рабстве у другой просто в силу вещей, вследствие настоятельной потребности страны, вследствие непреклонного хода общественного развития, без злоупотреблений с одной стороны и без протеста с другой. Заметьте, что это вопиющее дело завершилось как раз в эпоху наибольшего могущества церкви, в тот памятный период патриаршества, когда глава церкви⁶ одну минуту делил престол с государём» [Чаадаев, 1991: 451–452, курсив – А.К.].

Рабство, симптом и последний итог этого отречения от себя, есть далеко зашедшее смирение. Таков, по Чаадаеву, главный, преступный порок России⁶. В сей гнусности она живёт практически и должна как можно скорее избавиться от неё. Осознать это действительное преступление мешают лишь псевдопатриотические притязания Шевыревых⁷ и Погодиных — нелепая и преступная гордость народа и расы, также перенятая от других, которую славянофилы стремятся пропагандировать. Тут Чаадаев добавляет:

«Столь часто повторяемое теперь сравнение нашей исторической жизни с исторической жизнью других народов заставляет нас на каждом шагу, как резко мы отличаемся от них. Позже мы узнаем, можно ли народу так обособиться от остального мира и должен ли он считаться частью исторического человечества, раз он может предъявить последнему только несколько страниц географии» [Чаадаев, 1991: 453].

Таково было мнение Чаадаева в последние годы его жизни. Все более пессимистичное и безнадежное перед лицом процветающего официального, или официального, национализма, того шовинизма, к которому чем дальше, тем больше склонялись участники славянофильского движения. В 1847 г. он пишет князю Вяземскому:

«Стоит только посмотреть около себя, сейчас увидишь, как это народное чванство, нам доселе чуждое, вдруг изуродовало все лучшие умы наши, в каком самодовольном упоении они утопают, с тех пор как совершили свой мнимый подвиг, как открыли свой новый мир ума и духа! Видно, не глубоко врезаны в душах наших заветы старины разумной; давно ли, повинуюсь своенравной воле великого человека, нарушили мы их перед лицом всего мира и вот вновь нарушаем, повинуюсь какому-то народному чувству, Бог весть откуда к нам занесенному!» [Чаадаев, 1991: 457].

«Мы искони были люди смиренные и умы смиренные; так воспитала нас церковь наша единственная наставница наша. Горе нам, если изменим её мудрому ученью! Ему обязаны мы всеми лучшими народными свойствами своими, своим величием, всем тем, что отличает нас от прочих народов и творит судьбы наши. К сожалению, новое направление избраннейших умов наших именно к тому клонится... Пути наши не те, по которым странствуют прочие народы; в свое время мы, конечно, достигнем всего благого, из чего бьётся род человеческий; а может быть, руководимые святою верою

⁶ Того же мнения держался и Хомяков.

⁷ Именно Шевырев в 1871 г. сделал открытие, что Западная Европа окончательно умерла и сгнила, в то время как российская цивилизация находилась в полном блеске богатства и славы.

нашею, и первые узрим цель, человечеству Богом предназначенную; но по сию пору мы ещё столь мало содействовали к общему делу человеческого, смысл значения нашего в мире ещё так глубоко таится в сокровениях Провидения, что безумно бы было нам величаться пред старшими братьями нашими. Они не лучше нас; но они опытнее нас» [Чаадаев, 1991: 460–461].

Мы не будем тут говорить о критике — шедеврах иронии и пронизательности, — которой он подвергает произведения Хомякова и Шевырева. В заключение нашего исследования процитируем два прекрасных письма, два символа веры этого благородного ума:

«Я любил мою страну по-своему, вот и все, и прослыть за ненавистника России было мне тяжеле, нежели я могу вам выразить. Довольно жертв. Теперь, когда моя задача исполнена, когда я сказал почти всё, что имел сказать, ничто не мешает мне более отдаться тому врожденному чувству любви к родине, которое я слишком долго сдерживал в своей груди. Дело в том, что я, как и многие мои предшественники, большие меня, думал, что Россия, стоя лицом к лицу с громадной цивилизацией, не могла иметь другого дела, как стараться усвоить себе эту цивилизацию всеми возможными способами; что в том исключительном положении, в которое мы были поставлены, для нас было немыслимо продолжать шаг за шагом нашу прежнюю историю, так как мы были уже во власти этой новой, всемирной истории, которая мчит нас к любой развязке. Быть может, это была ошибка, но, согласитесь, ошибка очень естественная. Как бы то ни было, новые работы, новые изыскания познакомили нас со множеством вещей, остававшихся до сих пор неизвестными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге. Поэтому, если мы действительно сбились с своего естественного пути, нам прежде всего предстоит найти его — это несомненно. Но раз этот путь бу-

дет найден, что тогда делать? Это укажет нам время... Очевидно, что наше уклонение с него нам решительно не удалось» [Чаадаев, 1991: 454–455].

Но и возврат увенчался не бóльшим успехом, нежели уклонение, и разочаровал он уже не только псевдоисторическими измышлениями патриотов (некоторые из них, впрочем, были действительными историческими открытиями) и разгулом грубейшего шовинизма, сопровождавшего Крымскую войну⁸, но и реалиями войны во всем их уродстве. Исполненный благородного и праведного возмущения, Чаадаев пишет в 1854 г.:

«Нет, тысячу раз нет — не так мы в молодости любили нашу родину. Мы хотели её благоденствия, мы желали ей хороших учреждений и подчас осмеливались даже желать ей, если возможно, несколько больше свободы; мы знали, что она велика и могущественна и богата надеждами; но мы не считали её ни самой могущественной, ни самой счастливой страной в мире. Нам и на мысль не приходило, чтобы Россия олицетворяла собою некий отвлеченный принцип, заключающий в себе конечное решение социального вопроса, чтобы она сама по себе составляла какой-то особый мир, являющийся прямым и законным наследником славной восточной империи, равно как и всех её прав и достоинств, чтобы на ней лежала нарочитая миссия вобрать в себя все славянские народности и этим путем совершить обновление рода человеческого; в особенности же мы не думали, что Европа готова снова впасть в варварство и что мы призваны спасти цивилизацию посредством крупниц этой самой цивилизации, которые недавно вывели нас самих из нашего векового оцепенения. Мы относились к Европе вежливо, даже почтительно, так как мы знали, что она выучила нас многому, и между прочим — нашей собственной истории. Когда нам случалось нечаянно одерживать над нею верх, как это было с Петром Великим, мы говорили: этой победой мы обязаны вам, господа. Результат

⁸ Стоит отметить, что лидер славянофилов Хомяков был совершенно чужд подобному шовинизму и видел в поражениях русских войск наказание свыше за грехи России.

был тот, что в один прекрасный день мы вступили в Париж, и нам оказали известный вам приём, забыв на минуту, что мы, в сущности — не более как молодые выскочки и что мы ещё не внесли никакой лепты в общую сокровищницу народов, будь то хотя бы какая-нибудь крохотная солнечная система, по примеру подвластных нам поляков, или какая-нибудь плохонькая алгебра, по примеру этих нехристей-арабов, с нелепой и варварской религией которых мы боремся теперь. К нам отнеслись хоро-

шо, потому что мы держали себя как благовоспитанные люди, потому что мы были учтивы и скромны, как приличествует новичкам, не имеющим других прав на общее уважение, кроме стройного стана. Вы повели все это по-иному — и пусть; но дайте мне любить мое отечество по образцу Петра Великого, Екатерины и Александра. Я верю, недалеко то время, когда, может быть, признают, что этот патриотизм не хуже всякого другого» [Чаадаев, 1991: 274].

-
- ⁱ Во французском издании книги Койре: «буря» императорского гнева (*"l'orage" de la colère impériale*).
- ⁱⁱ В оригинале имеется ссылка на сочинение: Гершензон О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908. С. 157 и далее. В переводе О. М. Гершензона журнал «Вопросы философии и психологии» опубликовал «Философические письма» (1906. № 2) и «Апологию сумасшедшего» (1906. № 4).
- ⁱⁱⁱ Речь об отречении Чаадаева от его «взгляда на роль России в осуществлении царствия Божия [в истории человечества]». По мнению Гершензона, «эта перемена была обусловлена его новым представлением о православии», сложившимся под влиянием славянофилов (Цит. соч. Чаадаев, 1991: 157).
- ^{iv} Доказывается это так: «Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не чрез родину, а чрез истину ведёт путь на небо. Правда, мы, русские, всегда мало интересовались тем, что — истина и что ложь».
- ^v «Некрополис» (Город мертвых) — это Москва, стоящая посреди «необъятной гробницы» Российской империи. В первом Философическом письме, опубликованном в журнале «Телескоп», вместо подписи автора значилось: «Некрополис, 1829, декабря 1».
- ^{vi} Перефразированные слова Чаадаева: «Правда, история больше не в нашей власти, но наука нам принадлежит» (Избранные сочинения и письма. С. 154).
- ^{vii} А. А. Краевский и В. Ф. Одоевский возражали «поклонникам европеизма» (имея в виду Чаадаева и его сторонников), заявляя, что русские — народ особенный: «не европейцы, но и не азиатцы».
- ^{viii} Во французском издании здесь в сноске приведена цитата из «Записок» А. Кошелева (Берлин, 1883, с. 75): «Чаадаев охотно бывал на наших вечерних собраниях; но он особенно любил, чтобы его посещали по понедельникам утром. Тут происходили горячие богословские и исторические споры; Чаадаев постоянно доказывал превосходство католичества над прочими вероисповеданиями и неминуемое и близкое его над ними торжество. Не менее настойчиво Чаадаев утверждал, что русская история пуста и бессмысленна и что единственный путь спасения для нас есть безусловное и полнейшее приобщение к европейской цивилизации. Легко себе вообразить, что такие мнения не оставались без сильных возражений со стороны Хомякова, и споры были столь же жаркие, сколько и продолжительные» [Кошелев, 1883: 75].
- ^{ix} Ю. Ф. Самарин — публицист и философ из поколения «младших славянофилов».
- ^x Цезаропапизм — государственное руководство церковью, когда правитель-цезарь, одновременно является и главой церкви, папой. Филетизм (от греч. *φίλετικός*, *родовой*) — стремление поместных православных церквей ставить национально-политические интересы превыше общецерковных.
- ^{xi} По всей видимости, речь идёт о патриархе Филарете, отце Михаила Романова. Он был фактическим соправителем сына, титуловался «Великий государь» и ставил свою подпись рядом с царской на государственных грамотах.

Оригинал:

A. Koyré: "Russia's Place in the World. Peter Chaadaev and the Slavophiles" *The Slavonic Review*, vol. 5, no. 15 (March, 1927), pp. 594–608.

Список литературы:

Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. — Москва : Модест Колеров, 2003. — 304 с.

Кошелев А. Записки. — Berlin : B. Behr's Verlag, 1883. — 516 с.

Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. — Москва : Правда, 1991. — 560 с.

Koyré A. Etudes sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie. — Paris : Librairie J. Vrin, 1950. — 224 p.

References:

Koyré A. (1950) *Etudes sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie*. Paris: Librairie J. Vrin.

Koyré A. (2003) *Filosofiya i natsional'naya problema v Rossii nachala XIX veka [Philosophy and the National Problem in Early 19th Century Russia]*. Moscow: Modest Kolerov (In Russian).

Koshelev A. (1883) *Zapiski [Memoirs]*. Berlin: B. Behr's Verlag (In Russian).

Chaadaev P. Ya. (1991) *Izbrannye sochineniya i pis'ma*. [Selected Works and Letters]. Moscow: Pravda (In Russian).

Информация об авторах

Александр Койре (1892 – 1964) — французский философ российского происхождения, историк науки и философии.

Майданский Максим Андреевич — аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, аналитик Дирекции программ стратегического развития Белгородского государственного национального исследовательского университета, 308015, Белгород, ул. Победы, 85. (Россия).

Конфликт интересов. Автор перевода и комментариев заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Alexandre Koyré (1892—1964) — Russian-born French philosopher and science historian.

Maksim A. Maidansky — Postgraduate of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Analyst of the Strategic Development Programs Directorate, Belgorod State National Research University. 85, ul. Pobedy, Belgorod, Russia, 308015 (Russia).

Conflicts of interest. The author of the translation and commentaries declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; одобрена после рецензирования 21.05.2021; принята к публикации 03.06.2021.

The article was submitted 21.04.2021; approved after reviewing 21.05.2021; accepted for publication 03.06.2021.



ОБРАЗ КИТАЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Ольга Викторовна Бокавнева

МГИМО МИД России, Москва, Россия

o.bokavneva@inno.mgimo.ru



Аннотация. Изучение культурной специфики стран-соседей является актуальным вопросом философской антропологии и философии культуры, поскольку раскрывает грани новых возможностей взаимодействия в различных областях. Образ иной культуры, конструируемый в сложном взаимодействии сознательно избираемых стратегий и бессознательно проецируемых чувств, зачастую играет существенную роль в выработке политики и определении степени сотрудничества как на государственном, так и на неправительственном уровнях. Такие образы создаются различными путями. Помимо распространения знаний о быте и традициях соседей в результате непосредственного взаимодействия, роста числа научных и дипломатических контактов, важную роль играет здесь искусство. Одним из наиболее интересных и малоизученных путей формирования образа Китая в России являются визуальные образы; среди последних особое место занимает политическая карикатура. Последняя обладает не только свойством передавать колорит времени, но и производит сильное впечатление на аудиторию, тем самым оказывая влияние на общественное мнение. Сравнительное изучение экзо- и эндо- образов самосознания китайцев, повлиявших на развитие представлений о Поднебесной, показало, что они претерпели в России определённую эволюцию. Образ страны-соседа трансформировался. Его эмоциональные оценки неоднократно менялись от позитива к негативу и обратно к позитиву. В статье проанализированы особенности политической карикатуры XX в., которая представляет китайцев сквозь призму значимых политических событий и в то же время отражает историко-культурный контекст как самой России, так и Китая. Советский период в целом воспринял логический каркас образа Китая как «Другого». В то же время, этот период отличает внимание к общечеловеческим ценностям свободы и политической независимости, единства трудящихся и веры в светлое будущее трудового человека. «Срединное» китайское государство в духе пролетарского интернационализма предстаёт как претендующее на роль авангарда борьбы за эти ценности. Вплоть до конца 1950-х гг. партнёрские отношения стран-соседей не подвергаются сомнению.

Ключевые слова: образ, национальная идентичность, Китай, диалог культур, взаимодействие, карикатура, восприятие Китая в России

Для цитирования: Бокавнева О.В. Образ Китая в России: история вопроса // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 161–174. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-161-174>

© Бокавнева О.В., 2021

CHINA'S IMAGE IN RUSSIA: HISTORICAL BACKGROUND

Olga V. Bokavneva

MGIMO University, Moscow, Russia
o.bokavneva@inno.mgimo.ru

Abstract. Studying the cultural specificity of the neighboring countries is an important research question for philosophical anthropology and philosophy of culture as it gives a perspective of new possibilities of interaction and partnership in various areas. People's understanding of a different culture originates from a complex interrelation of consciously chosen strategies and unconsciously projected feelings. The resulting image of the Other culture often plays a significant role in policy-making and helps determine the quality and extent of interrelations, including cooperation, both at the governmental and non-governmental levels. There are multiple ways of constructing such an image. Intensified contacts, that include direct interaction, diplomatic and scientific contacts, lead to the increase of knowledge about neighboring countries' lifestyle, household organization, and traditions. Art is one of the key means of getting to know another culture. The author pays special attention to visual images, namely political caricature, as interesting yet poorly explored ways of forming the image of China in Russian society's perception. Herein political caricature, i.e. political visual satire, not only translates the atmosphere of those times but also greatly affects the audience and influences public opinion by creating strong and vivid impressions. Both external and internal images of the self-perception of the Chinese played their role in the development of the perception of China. Their comparative analysis proves that these images underwent a certain evolution in Russia: the image of the neighboring state dynamically altered over the years. Emotional and affective evaluations of China several times drastically changed from positive to negative, and back. The paper explores peculiar features of the political caricature of the 20th century and looks into the ways the imagery shows the Chinese in the light of major political events. It is noted that the images represent both Chinese and Russian historical and cultural context of the epoch. During the period under consideration, the Soviet way of thinking about China mainly came from the logical approach of seeing China as the Other. At the same time, this period is characterized by an increased interest in universal human values of freedom and political independence, the unity of the working population, and the positive outlook on the workpeople's future. The Chinese middle kingdom in the vein of proletarian internationalism appears a leader fighting for the above-mentioned values. This friendly approach towards China and the possibility of a partnership between the countries remains unquestioned till the 1950s.

Keywords: image, national identity, China, dialog of cultures, interaction, caricature, Other

For citation: Bokavneva, O. V. (2021) 'China's Image in Russia: Historical Background', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 161–174. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-161-174>

Культуры, существующие в синхронном временном контексте, потенциальные агенты взаимодействия. Их соединяют (и разъединяют) торговые связи, военные и дипломатические контакты. В случае военных конфликтов один социокультурный организм мог не только

поглотить, но и искоренить другой. Сложное переплетение культурных и политических границ по сей день остаётся дискуссионной исследовательской проблемой. При этом «культурный ландшафт социумов коллективистической культуры в историческом развитии всегда имел достаточно

устойчивые границы, определяемые как территорией и населявшими её этносами с довлеющей культурной традицией, так и взаимодействие разных социокультурных конгломератов на границах их соприкосновения» [Прокудин, Толстикова, 2018: 291].

В настоящее время мало кто усомнится, что на степень сотрудничества модернизированных и модернизирующихся культур оказывает влияние научно-технический прогресс [Magu, 2015: 636]. Однако в современную эпоху информационно-коммуникационные технологии позволили выйти за пределы государственных границ и создать новое — виртуальное — пространство, в котором разворачивается мнимый и действительный диалог культур. Преодоление этноцентризма, как отмечает М. Беннет, происходит через постепенное осмысление значимости ценностей и традиций другого народа, формирование уважительного отношения к ним [Bennett, 2004].

Благодаря пересечению культурных потоков происходит процесс получения знаний не только о другой культуре, но и прежде всего о своей собственной [Палий, 2007: 183]. При этом появляется возможность «проникновение в смыслы чужой культуры», что «позволяет посмотреть на свою собственную как бы со стороны, с иных точек зрения» [Вознюк, 2010: 159]. В то же время, многие потенциально конфликтогенные противоречия возникают по причине того, что стороны межкультурного диалога воспринимают нормы собственной культуры как единственно «верные», «истинные». Эти нормы проецируются вовне и декларируются как «общечеловеческое» долженствование. Соответственно нормы и правила другой культуры трактуются в качестве «ложных», «неестественных»; представитель инокультуры определяется в этой системе координат как «Чужой», его образ несёт негативный оттенок [Егоров, 2020]. Понятно, что вести диалог с позиций этноцентризма чрезвычайно затруднительно; что, впрочем, не означает, что всякое продвижение национальных интересов следует считать этноцентризмом.

Помочь нивелировать острые углы разногласий (как в случае сохранения этно-

центрической ориентации партнёров, так и в случае её преодоления) призван такой вид межкультурного диалога, как дипломатический. Напомним: именно с изучения разницы языков, традиций и образа жизни начинались исследования в области изучения народов и их культур представителями немецкой философской мысли (среди «отцов-основателей» этой линии философии культуры особое место занимают И.Г. Гердер и В. Гумбольдт). Именно как возможность предотвращения конфликтов рассматривал межнациональный диалог известнейший российский учёный академик Д.С. Лихачев [Лихачев, 1989: 3–4].

Отдельной темой, выделяемой исследователями стратегий достижения пригодного к диалогу состояния «этнорелятивизма» (М. Беннет), является вопрос о возможности (а по М. Беннету — даже необходимости) утраты партнёрами-этнорелятивистами собственной культурной идентичности [Siljanovska, 2014: 116]. Речь идёт о перспективах сохранения идентичности всеми участниками межкультурного диалога, включая фаворитов политической и экономической гонки.

Особое значение имеет в данной связи партнёрский диалог между странами-соседями. Отдельного внимания здесь заслуживают вопросы о **конструировании образа соседа**: что это такое? Какими средствами производится такое конструирование? Что в таком конструировании «подвластно» его инициаторам, проводникам и адептам, — а что принадлежит социокультурной «стихии» и может стать неожиданностью для них самих? Наконец, можно ли найти оптимальное соотношение рациональных и иррациональных (прежде всего, эмоциональных) составляющих этого образа?

Методология исследования. Подойти к рассмотрению данной проблематики на примере формирования образа Китая в России позволяет обращение к компаративному анализу, а также использование приёмов имагологии, изучающей процесс формирования и функционирования образов иной культуры в результате распространения знаний о достижениях художественной культуры (в основном — переводов художественной литературы).

Однако для исследования смысловых и ценностных акцентов в процессе создания «образа Другого» не менее важным, чем литературное наследие, представляется багаж изобразительного искусства.

Отдельно стоит поставить вопрос о **материалах исследования**. Такими материалами в данном случае могут выступать любые материальные объекты, в которых находит отражение исследуемый образ. Особого внимания заслуживают малоизученные визуальные материалы, к которым относятся *рисунки и карикатуры*.

Строго говоря, «понятие “образ” включает в себя множество значений: это и “символ”, “знак”, “опознавательная примета”. Образ является залогом долговременного, пусть не вечного, но вполне протяжённого в исторических эпохах существования» [Швецова, 2012: 288]. При этом есть разница между «стержневым» образом, «который разветвляется, и на него нанизываются вторичные и “поддерживающие” образы» [Антонюк, 2012: 121]. Складывающийся образ страны может быть упрощённым, одномерным, — и более сложным, многомерным. В любом случае, он не статичен и подвержен эволюции [Глаголев, 2017а: 317].

Выделяя грани процесса формирования образа страны, нельзя не учитывать политику «продвижения имиджа» своей страны за рубежом, то есть распространение (а иногда — идеологизированное навязывание) своего **экзо-образа** в культуре других стран.

Важным фактором формирования образа другой страны, тем более — страны-соседа, является влияние культурного контекста, в котором данный образ формируется: «... в процессе анализа того или иного стереотипа ... раскрывается и характеризуется и сам воспринимающий субъект — отражаются особенности национального сознания и национальной системы ценностей» [Козлова, 2015: 117]. Образ страны-соседа при этом испытывает как минимум два вектора воздействия. Во-первых, он зависит от свидетельств, определяющих историческую память и мемориальную культуру восприятия странами-соседями друг друга. Во-вторых, этот

образ вписан в контекст текущих событий и их оценок, не сводимых, разумеется, к художественным образам (то есть зависит от реальных отношений в области политики, экономики, права и т.д.). Перечень подобных контекстов можно продолжить, но выделенные выше можно считать основными. В любом случае, моделирование образа страны-соседа, бытующего в общественном сознании той или иной социокультурной общности, должно учитывать противоречивый характер эмоциональных и рациональных оценок, его составляющих. Более того. В перспективе изучение таких образов требует учёта «зеркальной» позиции: интерпретировать представление населения одной страны об особенностях культуры другой страны уместно, сравнивая их с «встречными» образами. Не обойтись и без обращения к саморепрезентации (эндо-образам): вопрос о том, как граждане представляют образ своей страны в прошлом, настоящем и будущем позволяет подойти к уточнению деталей формирования не только образов как таковых, но и контекста их формирования.

Ярким примером, раскрывающим историко-культурные противоречия формирования «образа страны-соседа», является рассмотрение взаимного восприятия «образов Другого» жителями России и Китая. Следует отметить, что к этому вопросу российские исследователи уже обращались. В частности, в конце 2019 г. сотрудниками Института международных исследований МГИМО было проведено исследование, чьей задачей явилось выявление представлений граждан Китая образа своей страны в настоящем и будущем. Причём этот образ интересовал исследователей именно в контексте международных отношений. Авторы статьи, опубликованной в журнале «Полис. Политические исследования», подчёркивают: несмотря на то, что в своих рисунках респонденты (студенты из КНР) демонстрируют миролюбие Поднебесной во внешней политике, одновременно с этим они отмечают важность своего государства на международной арене. «Мы нашли три образа — лес, корабли и солнечная система (9 рисунков), — где Китай изображается явно сильнее остальных. В лесу Китай — са-

мое большое дерево, окружённое кустарниками и травой, которые символизируют другие страны; Китай изображается и в виде крупного военного корабля, сопровождаемого дружественными катерами; в солнечной системе Китай — крупная планета, вокруг которой вращаются спутники» [Отражение внешней политики КНР..., 2021: 70].

Обращаясь к истории **эндо-образа** Китая, имеет смысл учитывать особенности смены идентичности в разные исторические эпохи. За долгую историю Поднебесной можно выделить несколько таких периодов: позитивный — великая и неприступная империя, занимающая центральное место в мире, негативный период — чувство стыда за полукOLONиальное прошлое, и снова возвращение к позитивному периоду идентичности — Китай открывается миру. Раскроем содержание эндо- и экзо- образов, сформированных в каждый из этих периодов, более подробно.

Как известно, императорский Китай позиционировал себя как закрытое государство, идущее по собственному пути. Для него характерны ощущение стабильности, убеждение в своём превосходстве. Китай этого времени гордо и в какой-то степени надменно смотрел на остальные страны. Другие народы рассматривались в качестве варваров, распределявшихся по сторонам света, — северных, западных, южных и восточных.

Само наименование «Китай» — 中国 Чжунго появилось как известно после образования централизованного государства. Дословно оно означает «Срединное государство» (первый иероглиф переводится как «центр, середина»; второй — «государство»). В этом названии нашли отражение представления древних китайцев о своей родине как о центре мира, свойственные многим древним народам.

В единичных случаях Китая достигали иноземцы, купцы и путешественники; чаще — кочевые племена, совершавшие набеги. Системы ценностей кочевников в значительной мере уступали цивилизованной Поднебесной. Не удивительно, что впоследствии их традиции китаизировались: эта «практика из века в век как будто

бы подтверждала справедливость древней идеи о бесконечном превосходстве “цивилизации” (Китая) над “варварами” (всеми остальными)» [История и культура Китая, 1974: 375].

Этноцентрическое мышление сыграло свою роль и в формировании представлений китайцев о внешнеполитических связях. Носителем безграничной власти являлся ван 王 — князь, царь, позже император: «Монарх почитался как единственный устроитель миропорядка на земле. (...) Он должен был установить этот порядок не только в самом Китае, но и за его пределами» [Тихвинский, 1976: 12]. Подобные воззрения препятствовали установлению равноправных дипломатических отношений других стран с Поднебесной. Любые попытки установить отношения расценивались китайскими императорами как стремление стать подданными китайской империи. Иноземные культуры в страну практически не проникали, и в Новое время Китай шагнул, будучи уверенным в своём статусе центра Вселенной (эндо-образ, транслируемый вовне как экзо-образ).

Дипломатические миссии, направлявшиеся в Поднебесную, непременно были должны следовать этикету принимающей стороны: преподносить подарки, которые рассматривались как дань. На приёме у главы государства не разрешалось иметь шпагу, очки. Кроме того, посол был обязан соблюдать церемонию коу-тоу 叩头 — троекратно преклонить колени и сделать девять земных поклонов перед императором. В этом ритуале многие иностранные дипломаты видели попытку подорвать авторитет своего правительства и не соглашались его совершать. В случае отказа соблюдать установленный этикет иностранного посла высылали из Китая и не допуская на аудиенцию к Сыну Неба. Именно так в сентябре 1656 г. пришлось покинуть страну Фёдору Байкову, возглавлявшему первое русское посольство. Дипломат не стал выполнять ритуал коу-тоу и отказался передавать царскую грамоту сановникам, а не лично императору: «Марта в 6 день присылали к Фёдору Байкову из Приказа Царевы приказные люди, а велели. Фёдору Исаковичу Байкову с Госуда-

ревою любительною грамотою приехать в Приказ; и Федор Исакович Байков тем приказным Царевым людям отказал; прислан де я от Великого Государя к вашему Царю, а не к вам приказным людям. (...) Августа во 12 день присылали к Федору Исаковичу Байкову приказные Царевы люди, а велели Ехать в Приказ для того, чтобы посмотреть, как кланяться Царю; и Федор Байков приказным Царевым людям отказал, не быв де мне у Царя, в Приказ ехать не уметь; а како де мы почитаем своего Великого Государя, так де мне Великий Государь указал почитать и вашего Царя. (...) И Федора Исаковича Байкова отпустили из Канбалыка с Государевою грамотою и с казною 1656 году Сентября в 4 день, и выслали не само его вежливо; и Царскому Величеству чести никакой не учинили; а подвод под Государеву казну Федору Байкову не дали, только на дорогу дали корму (...)»¹.

Однако рост числа и успешности дипломатических контактов способствовал тому, что образ Китая постепенно становился для стран-соседей менее мифологизированным и более объёмным. Для Российской империи такое «уточнение понятий» происходит в XVIII в., когда «наработался опыт взаимодействия с другими культурами» и «опыте принятия Другого именно как *Другого*» [Глаголев, 2017б: 325].

Нельзя не заметить, что на особенности конструирования образа Китая в России XVIII в. оказали влияние не только всё ещё скудные контакты России с Поднебесной, но и европейские идеи. Напомним: именно из Европы пришла в Россию мода на так называемый «китайский стиль». Как и европейцы, многие российские дворяне оформляли интерьеры своих домов, используя фарфор, живопись, веера, шёлк и другие предметы, привезённые из Китая. Такое декорирование демонстрировало изысканный вкус хозяев: «Китайские изделия обращали на себя внимание необычным материалом, странными формами, нежи-

данными цветовыми решениями, непонятными сюжетами» [Благодер, Минц, 2011: 117]. Со временем шёлковые ткани начали применять не только для убранства комнат и отделки стен залов, но и для пошива одежды, которая пользовалась спросом у аристократии и купечества. Кроме того, одним из популярных товаров, ввозимых из Китая, стал чай. Со временем чай настолько прочно вошёл в обиход различных слоёв населения царской России, что стал «русским» напитком и перестал восприниматься как элемент китайской культуры: «Сибиряки предпочитали употреблять чёрный прессованный из чайной крошки плиточный (“кирпичный”) чай, который относился к дешёвым сортам. Зелёный чай находил спрос у калмыков, казахов, киргизов и некоторых других народов Российской империи. В европейской части России стал пользоваться популярностью чёрный байховый чай» [Самойлов, 2010: 7].

Конечно, российское общество черпало информацию о Китае не только из знакомства с ввозимыми товарами типа чая, шёлка и вееров, но и из описаний путешествий западных авторов, некоторых произведений китайской литературы, переведённых на русский язык. Ценным источником, влиявшим на создание образа Китая, были также исследования учёных, входивших в состав Российских Духовных Миссий и отчёты отечественных дипломатических представительств, несущих службу в Китае. Так, значимую роль в изучении Китая, Монголии, Тибета, Восточного Туркестана сыграл Н.Я. Бичурин, известный как отец Ианкиф. Именно Бичурин стал основоположником отечественной синологии в XIX в. Его многочисленные труды, содержащие достоверные материалы о государственном управлении, вооружённых силах, географическом положении, торговле, просвещении, религии, традициях, зодчестве, быте, были почерпнуты из источников на китайском языке и получены в резуль-

¹ Путешествие Российского Посланника Федора Исаковича Байкова в Китай, 7162 (1654) года Июня 25 дня. Текст воспроизведен по изданию: Древняя российская вивлиофика, Часть IV. М. 1788 Сайт Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/3/text1.htm (дата обращения 11.04.2020)

тате собственных полевых наблюдений. Его труды обстоятельно рассказывали о загадочной стране, подогревая интерес российского общества к изучению Поднебесной. Занимался Н.Я. Бичурин и преподавательскою деятельностью. Специально для Кяхтинского училища китайского языка учёным была составлена «Китайская грамматика»².

Важным источником, формирующим образ Китая как страны-соседа, становятся в XIX в. непосредственные контакты. Российская империя, как известно, имела общие границы со Срединным государством, в связи с чем ей время от времени приходилось заниматься урегулированием конфликтных ситуаций, возникающие на приграничных территориях, налаживать торговые связи, вести переговоры. Вот текст, взятый из копии инструкции, данной чрезвычайному и полномочному послу графу Ю.А. Головкину в Санкт-Петербурге от 6 июля 1805 г.: «Торговля между Россиею и Китаем ограничена ныне в одной только Кяхте, где чинится размен товаров между обоюдных подданных, отдаленные же жители пространных границ наших с Китаем или вовсе лишаются плодов, кои от оной получить могли бы, или получают только нужное и продают свои избытки с великими затруднениями, а потому весьма было бы желательно склонить пекинский двор на то, чтоб торговый промысел производился по всей границе беспрепятственно»³. Прямые контакты существенно корректировали образ Срединного государства, который в представлениях россиян становится всё более реалистичным, особенно по сравнению с описаниями европейцев. Этот реализм основан на знании разных сторон жизни Китая и большем (поначалу)

опыте взаимодействия с ним. Известный российский синолог А.Д. Воскресенский обращает внимание на то, что существовавшие противоречия заставляли страны глубже вникать в особенности друг друга. При этом «Россия и Китай никогда не были в состоянии формально объявленной войны, и в принципе ... им всегда удавалось решать свои проблемы и восстанавливать стабильное равновесие посредством дипломатических переговоров» [Воскресенский, 1999: 178].

В кратком пересказе общеизвестных исторических фактов выделим акценты, значимые для конструирования образа страны-соседа в сознании россиян. Охраняя сухопутные рубежи, Китай не ожидал, что угроза придёт со стороны моря. Великобритания, имевшая богатые колонии, к XIX в. стала одной из ведущих держав в сфере международной торговой политики. Она искала новые рынки сбыта. Выбор пал на Поднебесную. Закрытый Китай настороженно и неохотно вёл торговые дела с иностранцами: сильно ограничивался импорт, купцам из-за рубежа разрешалось использовать только порт Гуанчжоу (Кантон). Эти меры были направлены на сохранение установленного порядка и поддержания стабильности в стране. Россию активность британцев на китайском направлении не могла оставить равнодушной. Так, в одном из номеров журнала «Вестник Европы» была опубликована заметка, где говорилось буквально следующее: «Причиною вновь возникших несогласий в Кантоне между Англичанами и Китайцами, почитает Китайское правительство то, что Англичане ввезли туда многие товары, служащие к роскоши, от чего нравы Китайского народа могут развратиться»⁴.

² Хохлов. А.Н. Предисловие // Статистическое описание Китайской империи / Н.Я. Бичурин — Москва : Восточный Дом, 2002. (Классика отечественного и зарубежного востоковедения). — URL: http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_0220.shtml (дата обращения 17.02.2021).

³ Копия с инструкции, данной чрезвычайному и полномочному послу графу Юрию Александровичу Головкину в С.-Петербурге Июля 6-го дня 1805 года. Текст воспроизведен по изданию: Из бумаг графа Ю. А. Головкина. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай // Старина и новизна, Книга 7. 1904 Сайт Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1800-1820/Golovkin_Ju_A/text1.htm (дата обращения 03.05.2020)

⁴ Текст воспроизведен по изданию: Известия о последних происшествиях // Вестник Европы, Часть 84. № 22. 1815 Сайт Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1800-1820/Vestnik_Evropy/1815_c_84_nom_22.htm (дата обращения 10.05.2020)

Энергичные англичане довольно быстро подобрали ключ к богатому Китаю. Преследуя цель расширить торговые права, Великобритания разработала целую сеть контрабандной торговли. Основным товаром стал опиум, возделываемый в Индии. Повсеместное распространение курения опиума пагубно сказалось на здоровье китайцев и изрядно подкосило население. Опиумный мор перерос в две войны, которые закончились поражением Цинской империи. Согласно мирным трактатам, помимо выплаты колоссальных контрибуций Англии и Франции, участвовавшей во Второй опиумной войне (1856–1860), Китай открыл ряд портов для европейской торговли, передал Гонконг во владение Великобритании, а также уступил ей и полуостров Коулун, лежащий напротив Гонконга.

Поражение в войнах развеяло убеждение Поднебесной в своём военном превосходстве. Переосмысление китаеццентристской точки зрения, выход из «застывшего» состояния посредством проведения реформ сразу в нескольких сферах жизни общества оказали влияние на образ страны за её рубежами. При этом западные страны продолжили активное вторжение на территорию Поднебесной, и, разделяя её на сферы влияния, старались ухватить «лакомый кусок». Япония, увидев превращение Китайской империи в полуколонiu, развязала с ней захватническую войну.

Иностранная интервенция, слабость и неспособность правительства отстаивать интересы своего государства, назревшие социально-экономические проблемы вылились в восстание тайпинов (1850–1864), позднее — в восстание ихэтуаней (1898–1901), или, как называли его на Западе, «боксёрское». Бунт ихэтуаней всколыхнул Цинский Китай и стал примером борьбы против иностранного вмешательства. Попытки народа свергнуть императора не увенчались успехом, повстанцы были подавлены.

Ввиду насыщенных политических событий этого периода в России возрос интерес к изучению культуры Китая. Выпускались альбомы живописи; книги, сборники, очерки; многие из которых включали в себя материалы представителей Русской духовной миссии в Пекине. В этих изданиях освещались различные стороны жизни китайского общества, уделялось внимание культуре в узком смысле этого понятия: описаниям быта, традиций, праздников, особенностей философии, национальной одежды, иероглифики. Исследовались национальные меньшинства, проживавшие на территории Среднего государства. Появилась новая отрасль науки — китаеведение, впоследствии ставшая университетской дисциплиной: «Передовые россияне указывали на перспективы двусторонних русско-китайских отношений. Они видели большие возможности для всей Евразии в техническом прогрессе, изучении природных недр Азии и т.д.» [Mukanova, 2018: 781].

При этом в русском обществе XIX в. бытовали различные и зачастую полярные мнения о Китае: консервативная страна, не стремящаяся к прогрессу; государство стабильности; недооценённая страна с широкими перспективами и зарождающимся народным движением; война в Поднебесной представлялась не просто международным противостоянием, а битвой двух цивилизаций — Востока и Запада. Складывается представление о Китае как антитезе «общепринятому»; нарушение общепринятого порядка именуются выражением «по-китайски». Эту подчёркнутую разницу двух культур отмечал ещё А.С. Хомяков, философ и публицист, в своём труде «Семирамида»: «Для нас китаец несколько смешон. Когда об нём думаешь, тотчас представляется острая шапка с кисточками, широкие рукава сумасшедшего, странная кофточка, узенькие глазки, выдававшиеся скулы и проч., и проч. Но другое чувство родится в душе того, кто окинет взглядом всю империю»⁵.

⁵ Хомяков А.С. Семирамида. С. 32 — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005432558/ (дата обращения 21.05.2020).

Напротив, «культурным исполином» назвал Китай востоковед В.М. Алексеев. Будущий академик совершил научную экспедицию в эту страну в 1907 г. В дневнике молодой учёный фиксирует буквально всё: здесь и описание храмов, городских и деревенских улиц, местного населения, праздников, театра; автор знакомит с нравами и обычаями, литературой, искусством каллиграфии, фольклором. Особое внимание В.М. Алексеев уделяет надписям, которые начертаны повсюду: на дверях, стенах, лодках, вывесках лавочек. Учёный отмечает приветливое и вежливое отношение со стороны населения: иностранного гостя усаживают на почётное место, потчуют чаем, беседуют. Даже когда путешественник, следуя по деревне, проходит мимо обдающих крестьян, те в свою очередь приглашают его присоединиться к трапезе. В дневниковые записи автор также включил небольшие отрывки разговоров с простым народом. Старый Китай словно оживает перед читателем. В.М. Алексеев считал, что западная и восточная цивилизации обязательно «встретятся», в результате чего откроются широкие перспективы.

Академик В.П. Васильев, внёсший огромный вклад в становление отечественного китаеведения, предполагал, что Поднебесная в будущем превратиться в мощную державу и станет играть значимую роль в международных отношениях: «Нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как всё это будет сделано тщательно и дёшево, то мир может быть завален китайскими товарами. ... Рука об руку, или даже идя впереди этого движения, может возрасти до неимоверной степени и политическое могущество Китая»⁶.

Неоднозначность образа Китая в представлениях русских оригинально выражают образы страны-соседа, запечатлённые карикатуристами. И в самом деле, «видимые образы, воспринимаемые индивидом

легче других, вне зависимости от скорости и простоты усвоения, несут в себе больше информации, чем может показаться» [Кузнецова, 2014: 193-194]. При этом «визуальный образ включает больший объём информации, чем вербальный, что повышает его значимость в качестве исторического источника» [Аксёнов, 2016: 216]. Талантливо созданная карикатура может красноречивее слов сказать не только о конкретном злободневном событии, но и о том, с чем ассоциируется изображаемая страна; помогает выразить настроение и передать нюансы эмоциональной оценки, ведь «для карикатуриста как врачающего общественных “помрачений”, говорящего на всем понятном “языке улицы”, “нет запретных тем и неприкасаемых лиц”» [Павлов, 2011: 192]. Особое внимание в данном контексте следует уделить политической карикатуре, которая затрагивает наиболее чувствительные аспекты двусторонних и многосторонних отношений, касавшихся России и Китая.

Так, в одном из номеров сатирического журнала «Будильник», вышедшего в 1900 г., была опубликована карикатура под названием «Марс XIX века». Гигантский римский бог войны Марс, облачённый в латы и изображённый на фоне пушек, ядер и солдатских шатров, держит в руке за длинную косу крохотного китайца. Прибегнув к гиперболе и литоте, автор рисунка создаёт резкий контраст, благодаря чему усиливается экспрессия. Китаец в широкой кофте и шароварах беспомощно и покорно висит в воздухе, ожидая, какие испытания приготовил бог войны. Важным элементом в облике жителя Поднебесной является коса, которая считалась символом верности маньчжурскому императору. Мужчины обязаны были брить переднюю часть головы, сохраняя волосы на темени. Если коса получалась короткой или по какой-то причине не могла вырасти, использовали искусственную. Противившимся носить косу отрубали голову. «Хочешь сохранить голо-

⁶ Васильев В. П. Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. — Санкт-Петербург : журн. «Вестник всемирной истории», 1900. — С. 162-163 — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Vasiljev_V_P/perspektivy_kitaja.htm (дата обращения 17.04.2020).

ву — должен лишиться волос, сохранишь волосы — лишишься головы» [Сидихменов, 2010: 415, 416]. Официально мужскому населению разрешили отстричь косы после революционных событий 1911–1912 гг.

Используя в карикатуре ещё один стилистический приём — метафору, художник изобразил Китай, а в виде Марса — вооружённые конфликты, которые уготованы не только на долю Поднебесной: наступающий двадцатый век принёс две кровавые мировые войны. После Синьхайской революции (1911–1912), которая завершилась падением монархии, до Движения «4 мая» 1919 г. Китай предпринимал попытки развиваться в русле капиталистической модернизации. Однако в стране не было условий, способствующих успешному проведению реформ. Октябрьская революция 1917 г. стала примером модели модернизации, противоположной вестернизации, и в зону внимания китайцев попала Советская Россия. В 1922 г. в сатирическом издании «Крокодил» была опубликована карикатура «По прямой дороге»⁷. Пожилой китаец, опираясь на палку, стоит на распутии и размышляет, какое направление выбрать: присоединится к США, Англии, Японии или России. Текст под рисунком подсказывает верный курс: «направо пойдёшь — в Америке пропадёшь, налево пойдёшь — в Японии пропадёшь, прямо пойдёшь — счастье найдёшь». Прямо — значит в РСФСР. В данном контексте прилагательное «прямой» несёт смысл «верный», «правильный» путь. Также художник прибегнул к метафоре: распутие — нелёгкое решение, задумчивость; от выбранной тропинки зависит будущее страны.

В период 1920–1930-х гг. карикатура пользовалась широким спросом у населения Советского Союза (или по крайней мере у населения больших городов): «Известны случаи, когда зрителей у стендов с новыми карикатурами собиралось так много, что они перекрывали движение в центре Мо-

сквы» [Голубев, 2018: 89–90]. Временами в советском журнале «Крокодил» появлялись карикатуры, посвящённые подъёму Китая и его противостоянию Западу. Например, китайский купец и рабочий, плывущие в джонке, спорят о приведённом в боевую готовность громадном корабле, капитаном которого является дядя Сэм⁸. Китайский купец: «Что ты волнуешься. Они просто хотят пристать к нашему берегу!» Рабочий: «Они и так слишком долго к нам приставали!» Данная карикатура построена на антитезе: китайская парусная лодка против западного стального корабля. Комический эффект усиливается за счёт каламбура слова «пристать»: в реплике купца «пристать» — означает причалить, в ответе рабочего подразумевается захватническая политика, которую с его точки зрения необходимо прекратить. В сатирическом рисунке «Европа и Китай»⁹ посредством гиперболы и литоты изображены пробуждающаяся Поднебесная и одетая во фрак, укомплектованная оружием танцующая крохотная Европа. Недолго осталось резвиться европейцу, скоро Китай выйдет из дремоты и встанет во весь рост.

Стоит отметить, что в период напряжённых отношений между двумя странами образ Китая, представленный в советской карикатуре, подвергался пересмотру. Так, в 1929 г. произошло крупное вооружённое столкновение на КВЖД. Это сразу нашло отклик в карикатуре П. Белянина¹⁰. Поднебесная предстала здесь в следующем виде: китаец с телом дракона корчится от боли; изо рта вырывается железная дорога, из ран на животе торчат рельсы и вагон поезда.

Образ братского государства Китай обретает в сознании советских людей после победы КПК в 1949 г. «Новое созвездие на мирном небосводе»¹¹ — такое название носит иллюстрация в журнале «Крокодил», приуроченная к образованию страны. Художник изобразил громадный раз-

⁷ Малютин И. По прямой дороге // Журнал «Крокодил». — 1922. — № 5 (17). — С. 5.

⁸ Ротов К. В китайском море // Журнал «Крокодил». — 1924. — № 17 (97). — С. 7.

⁹ Межеричер Л. Европа и Китай // Журнал «Крокодил». — 1925. — № 24 (134). — С. 1.

¹⁰ Белянин. П. // Журнал «Крокодил». — 1929. — № 29. — С. 2.

¹¹ Черемных М. «Новое созвездие на мирном небосводе» // Журнал «Крокодил». — 1949. — № 29. — С. 1.

вевающийся флаг, на кумачовом полотне которого зажглись золотые звёзды новой республики: «Официальные средства массовой информации в 1950-е гг. массированно пропагандировали вечную и нерушимую советско-китайскую дружбу, Китай был объявлен наиболее важным из всех советских союзников. Эти настроения выразились в знаменитой песне “Москва — Пекин”, которую в те годы знали практически все в СССР» [Лукин, 2007: 216].

Как известно, Советский Союз стал первым государством, признавшим Народный Китай. СССР оказывал содействие Китаю в подъёме хозяйства после разрухи. В этот период в КНР направлялись советские специалисты, а граждане Китая проходили обучение в вузах, техникумах, лабораториях и предприятиях СССР: «Помощь Китаю была каким-то всеобщим порывом в нашей стране. Выражением искреннего доверия к другому народу, когда, казалось, делается большое, благородное дело» [Федосов, 2013: 107].

В журнале «Крокодил» активно печатались материалы о новом Китае. Иллюстрации изображали счастливые лица рабочих и крестьян, подчёркивалась значимость развития дружественных советско-китайских отношений. По случаю основания колхоза в провинции Шэньси была опубликована иллюстрация В. Горяева¹²: крестьяне вешают на воротах вывеску: «Колхоз советско-китайская дружба». Реплики селян: «Крепко!», «Навечно!». На рисунке «В новом Китае»¹³ изображены шумящие наливыми колосьями поля, на которых ударно трудятся крестьяне. Жатва в разгаре. Подписи к иллюстрации: «Какой богатый урожай!», «Это только первые всходы!». После открытия крупной машинотракторной станции в издании разместили изображение, созданное М. Черемных¹⁴: из ворот М.Т.С. выезжают новенькие трактора, крестьяне и детвора, размахивая флагами, чествуют трактористов, дарят им пышные букеты цветов.

В одном из номеров 1959 г. «Крокодила» были опубликованы рисунки Бориса Ефимова¹⁵, созданные им после командировки в КНР по случаю выставки советской политической сатиры в Пекине. Выставка была организована в одном из павильонов дворца китайских императоров Гугун. Художник изобразил рабочего, сидящего на крылатом коне, символе кампании «Большого скачка», знаменующем движение вперёд, стремительный подъём; а также сделал дружеские шаржи на китайских коллег, вооружив их заточенными карандашами и как бы подчёркивая — ничего не скроется от острого пера сатиры. Командировка по рассказам выдающегося советского карикатуриста была насыщенной и колоритной. Мастер проехал от Пекина до Гуанчжоу, посетил крупные города и небольшие деревеньки. Из воспоминаний Бориса Ефимова: «Я бывал не раз за границей, видывал разные страны. Но поездка в Китай оказалась чем-то совершенно особым — я увидел не другую страну, не другой континент, я увидел — другой мир»¹⁶.

Итак, образ Китая в восприятии жителей России претерпел значительную эволюцию, отражавшую особенности исторических периодов, переживаемых каждой из стран-соседей. Если по результатам первых контактов Поднебесная представлялась в качестве отделившейся от внешнего мира таинственной страны, застывшей во времени, то в период вторжения западных государств и проведения ими хищнической политики Китай, превратившийся в полуколонию, но продолжавший борьбу за свою независимость, стал трактоваться как растерзанный и слабый. После прихода к власти КПК образ Китая преобразился, страна-сосед начала восприниматься союзным и даже братским государством. Перипетии XX в. нашли отражение в карикатуре, где образ китайца эпохи феодализма трансформировался в образы крестьян и рабочих, ведущих страну к счастливой жизни.

¹² Горяев. В. // Журнал «Крокодил». — 1952 — № 36 (1326). — С. 6.

¹³ Коновалов В. В новом Китае // Журнал «Крокодил». — 1951. — № 28. — С. 4.

¹⁴ Черемных М. // Журнал «Крокодил». — 1953. — № 12 (1338). — С. 5.

¹⁵ Ефимов Б. // Журнал «Крокодил». — 1959. — № 8 (1550). — С. 8–9.

¹⁶ Ефимов Б.Е. Десять десятилетий (О том, что видел, пережил, запомнил). — Москва : Вагриус, 2000. — 636 с.

Список литературы:

- Прокудин Д.Е. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве / Д.Е. Прокудин, И.И. Толстокова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2018. — Т. 34, № 2. — С. 288–298. — DOI 10.21638/11701/spbu17.2018.212.
- Magu S. Reconceptualizing Cultural Globalization: Connecting the “Cultural Global” and the “Cultural Local” // Social Sciences. — 2015. — Vol. 4, № 3. — P. 630–645.
- Bennett M.J. Becoming intercultural competent // Toward multiculturalism : a reader in multicultural education / ed. By J.S Wurzel. — Newton, MA : Intercultural Resource Corporation, 2004. — P. 62–77.
- Палий И.Г. К вопросу о диалоге культур // Бюллетень Специальной астрофизической обсерватории РАН. — 2006. — Т. 60–61. — С. 182–186.
- Вознюк Е.Б. Познание культуры в процессе диалога // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 2–1. — С. 159–161.
- Егоров В.К. Ещё раз об оппозиции «свой-чужой» // Коммуникология. — 2020. — Том 8. № 1. — С. 138–154. — DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154.
- Лихачев Д.С. Выступление на съезде народных депутатов СССР в мае-июне 1989 г. // Слово писателя: выступления писателей на Съезде народных депутатов СССР / сост. Иванов Г. — Москва : Художественная лит-ра, 1989. — С. 3–9.
- Siljanovska L. Mass Media and Cultural Memory: Idealization of Values // Култура/Culture. — 2014. — № 7. — P. 113–122.
- Швецова М.Г. Роль СМИ в конструировании образа страны // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2012. — № 3. — С. 288–298.
- Антонюк Е.Ю. Эволюция образа страны в философско-культурологической парадигме // Вестник Поволжской академии государственной службы. — 2012. — № 4. — С. 121–126.
- Глаголев В.С. «Экология культуры» — базовое условие современных прогнозов и преодоления цивилизационных рисков // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Международные Лихачевские научные чтения. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2017а. — С. 316–318.
- Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. — 2015. — № 3. — С. 114–118.
- Отражение внешней политики КНР в образах настоящего и будущего в массовом сознании китайцев: психографический метод / А. А. Токарев, А. Ю. Приходченко, А. Р. Маргоев, А. А. Целещев // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 1. — С. 58–77. — DOI 10.17976/jpps/2021.01.05.
- История и культура Китая: (Сборник памяти акад. В. П. Васильева) / Отв. ред. Л. С. Васильев ; АН СССР. Ин-т востоковедения. — Москва : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1974. — 479 с.
- Тихвинский С.Л. История Китая и современность. — Москва : Наука, 1976. — 359 с.
- Глаголев В.С. Своеобразие коммуникации россиян с дальневосточными партнерами // О России с любовью. Лики России : Материалы II международного межвузовского форума. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и прав, 2017б. — С. 324–331.
- Благодер Ю.Г. Образ Китая в сознании российского образованного общества XVII начала XX в / Ю. Г. Благодер, С. С. Минц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2011. — № 3. — С. 110–126.
- Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII - начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2010. — № 2. — С. 3–15.
- Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. — Москва : Московский общественный научный фонд, 1999. — 412 с.
- Mukanova G.K. Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX - early XX centuries (on the example of Printed Publications) // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2018. — № 2. — P. 776–785. — DOI 10.13187/bg.2018.2.776.
- Кузнецова Е.М. Проблема восприятия визуального образа // Наука Искусство Культура. — 2014. — № 3. — С. 190–194.

- Аксенов В.Б. «Враги России» в журнальной карикатуре // Российская история. — 2016. — № 5. — С. 216–222.
- Павлов Д.Б. А.Г. Голиков, И.С. Рыбаченок. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX вв. в политической карикатуре // Российская история. — 2011. — № 3. — С. 192–194.
- Сидихменов В.Я. Китай. Страницы прошлого. — Смоленск : Русич, 2010. — 540 с.
- Голубев А.В. Советская политическая карикатура 1920–1930-х гг. // Российская история. — 2018. — № 6. — С. 84–102. — DOI 10.31857/S086956870002292-2.
- Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом : образ Китая в России в XVII–XXI веках. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 598 с.
- Федосов Е.А. Внешний мир глазами советской пропаганды 1950-х — начала 1960-х гг. в плакатах и карикатурах // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 1. — С. 106–109.

References:

- Prokudin, D. E. and Tolstikova, I. I. (2018) 'Interaction of cultures in virtual space', *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 34(2), pp. 288–298. doi: 10.21638/11701/spbu17.2018.212. (In Russian).
- Magu, S. (2015) 'Reconceptualizing Cultural Globalization: Connecting the "Cultural Global" and the "Cultural Local"', *Social Sciences*, 4(3), pp. 630–645. doi: 10.3390/socsci4030630. (In Russian).
- Bennett, M.J. (2004) 'Becoming interculturally competent', in: Wurzel, J.S. (ed.) *Toward multiculturalism: a reader in multicultural education*. Newton, MA: Intercultural Resource Corporation, 2004. P. 62–77.
- Pali, I. G. (2006) 'On the Dialogue of Cultures', *Astrophysical Bulletin*, 60–61, pp. 182–186. (In Russian).
- Vosnyuk, E. B. (2010) 'Cognition of Culture in the Process of Dialogue', *Izvestiya of Altai State University*, (2–1), pp. 159–161. (In Russian).
- Egorov, V. K. (2020) 'Yet Again on the Contents of Friend or Foe Dichotomy', *Communicology*, 8(1), pp. 138–154. doi: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154. (In Russian).
- Likhachev, D. S. (1989) 'Vystuplenie na s'ezde narodnykh deputatov SSSR v mae-i-iune 1989 g. [Speech at the Congress of People's Deputies of the USSR in May-June 1989]', in: Ivanov, G. (ed.) *Slovo pisatel'ia : vystupleniia pistelei na S'ezde narodnykh deputatov SSSR [Writer's word: Writers' speeches at the Congress of Nar. deputies of the USSR]*. Moscow: Khudozhestvennaia lit-ra Publ., pp. 3–9. (In Russian).
- Siljanovska, L. (2014) 'Mass Media and Cultural Memory: Idealization of Values', *Култура/Culture*, (7), pp. 113–122.
- Shvetsova, M. G. (2012) 'Mass Media Role in Creating Country Image', *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, (3), pp. 288–298. (In Russian).
- Antonyuk, E. Y. (2012) 'The Evolution of a Country Image in the Philosophical and Culturological Paradigm', *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, (4), pp. 121–126. (In Russian).
- Glagolev, V. S. (2017) '«Ekologiya kul'tury» — bazovoe uslovie svoevremennykh prognozov i preodoleniia tsivilizatsionnykh riskov. [«Ecology of culture» - a basic condition for modern forecasts and overcoming civilizational risks]', in: *Global World: System Shifts, Challenges and Contours of the Future: the 17th International Likhachov Scientific Conference Proceedings*, pp. 316–318. (In Russian).
- Kozlova, A. A. (2015) 'Imagological Method in Literary and Cultural Research', *Observatory of Culture*, (3), pp. 114–118. (In Russian).
- Tokarev, A. A. et al. (2021) 'Chinese Foreign Policy Reflected in Images of the Present and the Future: Psychographic Method', *Polis. Political Studies*, (1), pp. 58–77. doi: 10.17976/jpps/2021.01.05. (In Russian).
- Vasilyev, L. S. (ed.) (1974) *Istoriia i kultura Kitaia (sbornik pamiati akademika V.P. Vasileva) [Istoriya i kul'tura Kitaya. Sbornik pamyati akademika V.P. Vasil'yeva. 66 / 5000 Результаты перевода History and culture of China. Collection in memory of academician V.P. Vasilyeva]*. Moscow: Nauka. GRVL Publ. (In Russian).

- Tikhvinsky, S. L. (1976) *Istoriia Kitaia i sovremennost [Chinese history and modernity]*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Glagolev, V. S. (2017b) 'The Features of Russian Communication with the Far Eastern Partners', in *O Rossii s liubov'iu. Liki Rossii [About Russia with love. Faces of Russia. Conference Proceedings]*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii institut vneshneekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava Publ., pp. 324–331.
- Blagoder, Y. H. and Mints, S. S. (2011) 'Image of China in Consciousness of Russian Educated Society of the 17th – early 20th Centuries', *RUDN Journal of Russian History*, (3), pp. 110–126. (In Russian).
- Samoylov, N. A. (2010) 'Russia and China in the 18th — early 20th centuries: interactive tendencies and mutual impact', *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, (2), pp. 3–15. (In Russian).
- Voskresensky, A. D. (1999) *Rossiia i Kitai : teoriia i istoriia mezhdgosudarstvennykh otnoshenii [Russia and China: theory and history of interstate relations]*. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. (In Russian).
- Mukanova, G. K. (2018) 'Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of Printed Publications)', *Bylye Gody*, 48(2). doi: 10.13187/bg.2018.2.776. (In Russian).
- Kuznetsova, E. M. (2014) 'The Problem of Perception of Visual Image', *Science Arts Culture*, (3), pp. 190–194. (In Russian).
- Aksenov, V. B. (2016) 'The Enemies of Russia in Journals' Cartoons', *Russian History*, (5), pp. 216–222. (In Russian).
- Pavlov, D. B. (2011) 'A.G. Golikov, I.S. Rybchenok. Laughing Is a Serious Matter. Russia and the World of Late 19th – Early 20th Centuries as Mirrored in Political Cartoons', *Russian History*, (3), pp. 192–194. (In Russian).
- Sidikhmenov, V. (2010) *Kitai : stranitsy proshlogo [China: pages of the past]*. Smolensk: Rusich. (In Russian).
- Golubev, A. (2018) 'Soviet political caricature of the 1920s–1930s', *Russian History*, (6), pp. 84–102. doi: 10.31857/S086956870002292-2. (In Russian).
- Lukin, A. V. (2007) *Medved nabljudat za drakonom obraz Kitaja v Rossii v XVII - XXI vekach [The bear is watching the dragon. The image of China in Russia in the 17th - 21st centuries]*. Moscow: Ast. (In Russian).
- Fedosov, E. A. (2013) 'Outer world viewed by Soviet propaganda of the 1950s - early 1960s in posters and caricatures', *Tomsk State University Journal of History*, (1), pp. 106–109. (In Russian).

Информация об авторах

Ольга Викторовна Бокавнева — руководитель педагогических программ факультета Международных экономических отношений МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Olga V. Bokavneva — Director of educational programs for the Dean's office of the Faculty of International Economic Relations, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.01.2021; одобрена после рецензирования 28.02.2021; принята к публикации 31.03.2021.

The article was submitted 19.01.2021; approved after reviewing 28.02.2021; accepted for publication 31.03.2021.

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ КОМПЛЕКС ДАО ПО СОВРЕМЕННОЙ КОНФУЦИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Виктория Владимировна Сухомлинова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
vica.sukhomlinova@yandex.ru



Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy / ed. Elstein D. — Cham : Springer International Publishing, 2021. — 645 p.

Для цитирования: Сухомлинова В.В. Рецензия на сборник статей «Комплекс Дао по современной конфуцианской философии» // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 175–178. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-175-178>

В 2021 г. в издательстве Springer был опубликован англоязычный сборник статей «Комплекс Дао по современной конфуцианской философии» («Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy»). «Дао» — одно из самых влиятельных изданий по китайской и компаративной философии, которое выходит при поддержке Ассоциации китайских философов в Америке, Китайского университета Гонконга и Национального университета Тайваня. Содержание самих выпусков «Дао» обычно не центрировано общей темой, к тому же статьи в них зачастую носят узкоспециализированный характер. Для того, чтобы познакомить широкого читателя с

большими срезами китайской философии, «Дао» периодически издает крупные, почти энциклопедические комплексы. Над сборником по современному конфуцианству работала интернациональная команда исследователей из США, Канады, Европы, Австралии, Израиля, из материкового Китая, Тайваня, Гонконга и Макао. Более половины статей написаны учеными не китайского происхождения, что особенно примечательно в связи с заданной в сборнике тональностью.

«Понятие “философия” принадлежит западной традиции, но это не значит, что только на Западе была и есть философия», — первая фраза вступительного слова к серии

«Комплексов Дао». Тем интереснее изучать процессы осмысления мира, культуры и человека, происходившие в других частях света, что они не получили фиксированного имени, которое коррелировало бы с точностью западной «философии». Сегодня мы изучаем мыслительные традиции разных народов, то сверяясь с западной оптикой и называя локальные процессы ее именами, то отказываясь от нее и вглядываясь в другое, не схваченное прежде для нас в имени, но не сказать, что незнакомое нам. Невозможно охватить человеческую действительность всю сразу, в ее абсолютной точности. Но можно менять стекла окуляров, чтобы высвечивать попеременно то один, то другой ее аспект — то одну систему имен, то другую. И тогда картина будет наиболее близка к истинной. То, что мы можем совершать такие операции, задействуя разные языки и разные парадигмы мышления, создавая транскультурный дискурс, — неоспоримое богатство нашей глобальной современности.

Отличительная черта современного конфуцианства, как пишет в предисловии редактор Дэвид Элштейн, состоит в том, что оно исторически осмысляло само себя с помощью западного концептуального аппарата. Авторы статей не предлагают исправить это, выровняв «историческую асимметрию» (С. Энгл). Они понимают, что формулирование конфуцианства в западных терминах — стержень идентичности современных конфуцианцев. Названия статей выглядят канонично для этой сферы исследований: «Моу Цзунсань: между конфуцианством и кантианством», «Современное конфуцианство и этическая теория», «Современная конфуцианская эпистемология: от разума к интуиции — и обратно». Ново здесь другое: что предлагается с присущей западной философии методичностью отрегулировать механизм проецирования западного философского вокабуляра на конфуцианскую традицию. Автор одной из статей, Стивен Энгл, пишет, что опасно заставлять древние конфуцианские тексты отвечать на вопросы, которыми они не задавались. Можно пойти другим путём: проговорить, что положения этих трактатов служат для автора отправным пунктом, а

далее развиваются [интерпретируются] таким образом, чтобы стал возможным их диалог с западной философией.

Включённость в философский диалог, в глобальную интеллектуальную повестку — это другой важный акцент современной конфуцианской философии и — в данном случае уместно сказать — культуры, на который указывают авторы статей, открывая этим потрясающее свойство конфуцианства в целом. Для выживания конфуцианству требуется, чтобы о нём говорили, требуется сохранять дискурсивность. В XX в. для этого нужно было переложить конфуцианские категории на язык западной философской традиции, маркировать его как «философию» или «религию» или даже наделить его собственной «метафизикой». На рубеже XX и XXI вв. для этого нужно искать корни китайского возвышения в конфуцианских ценностях, которые предполагают отличную от просвещенческой «модель современности», вступив почти что в идеологическую борьбу с западной философией. Сегодня же, как явствует из тональности сборника «Комплекс Дао», конфуцианству требуется четкая, научная проработка основ своей парадигмы мышления, будь то с привлечением западных категорий или с разработкой своих собственных (причем на последнем в большей степени настаивают авторы не китайского происхождения).

На примере сборника «Комплекс Дао» можно проследить интереснейший парадокс: что трактовка конфуцианства в западных терминах лишь подогрела интерес западного философского сообщества к оригинальному конфуцианству. Всё больше исследователей не китайского происхождения обнаруживают блестящее владение китайским и древнекитайским языком и удивительную чуткость в трактовке раннеконфуцианских смыслов — внушительные списки литературы не оставляют сомнений в корректности их суждений. Зачастую именно они становятся большими ревнителями «чистоты исконного конфуцианства», чем ученые китайского происхождения (наиболее показательный пример — Р. Эймс и Г. Розмонт, чья книга разбирается в одной из статей).

Выход сборника «Комплекс Дао по современной конфуцианской философии» — это еще один вклад в дело строительства бережной межкультурной коммуникации

и корректной компаративистики, а также новое слово в комплексном, свободном от стереотипов осмыслении конфуцианства.

Book review

REVIEW OF *DAO COMPANION TO CONTEMPORARY CONFUCIAN PHILOSOPHY*

Victoria V. Sukhomlinova

MGIMO University, Moscow, Russia
vica.sukhomlinova@yandex.ru

Elstein, D. (ed.) (2021) *Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy*. Cham: Springer International Publishing.

The book under review is entitled *Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy*. It brings together the most prominent scholars from around the world to provide a sound overview of contemporary Confucianism. *Dao* is one of the most influential scientific journals specializing in Chinese and comparative philosophy, and *Dao Companions* is the series known for providing comprehensive introductions of various aspects of Chinese philosophy. The entire series opens with the phrase «While *philosophy* is a Western term, philosophy is not something exclusively Western». Though it is Western culture which coined the term *philosophy*, other cultures cannot be seen as deprived from the ability to philosophize. One of the central philosophical skills is to change the optics from one point of view to another, from one language system to another to see the blind spots. And looking at Confucianism through the lens of Western philosophical paradigms has always been key to self-identification of contemporary Confucians. The authors of the volume do not intend to return to the *original Confucianism* in order to rebalance the historical *asymmetry* between the treatment of Chinese and Western philosophy. As editor David Elstein puts it, the prevailing use of Western philosophical vocabulary while speaking about Confucianism is not something to be corrected, but to be in accord with the latest developments in philosophical sciences. If it is primary to put Confucians to use in philosophical dialogue, the problems of text exegesis are to be put aside. The ambition to be constantly engaged in philosophical dialogue is another crucial characteristic of contemporary Confucian philosophy and culture, which draws the attention of the authors. Confucianism needs to be talked about all around the world in order to remain a «lively tradition». If being talked about requires being interpreted in Western terms, or serving as a basis of Chinese economic miracle, or working out a scientific methodology, Confucianism is ready to pay that price. Interestingly more than a half of the articles in the *Dao Companion* are written by non-Chinese authors, and they happen to be the biggest opponents of imposing Western meaning on Confucian texts. This means that the work done by Chinese thinkers in the XX th century did not lead to the oblivion of original Confucianism, but rather to its revival in Western philosophical community. The publication of *Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy* is sure to contribute to building amiable intercultural communication and developing scientifically correct comparative philosophy. It is also a new word in a comprehensive examination of contemporary Confucianism, which is free of all stereotypes.

For citation: Sukhomlinova, V. V. (2021) 'Review of *Dao Companion to Contemporary Confucian Philosophy*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 175–178. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-175-178>

Информация об авторах

Виктория Владимировна Сухомлинова — аспирант кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Victoria V. Sukhomlinova — PhD student, Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 21.05.2021; одобрена после рецензирования 26.05.2021; принята к публикации 10.06.2021.

The article was submitted 21.05.2021; approved after reviewing 26.05.2021; accepted for publication 10.06.2021.



МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ»

Семед Абакаевич Семедов¹
Жавзандолгор Баттогтох²

¹ РАНХиГС, Москва, Россия

sa-semed@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3083-8977>

² Монгольский Государственный университет, Улан-Батор, Монголия

battogtokh2015@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4439-895X>



19 февраля 2021 года в Москве прошла

Международная научная конференция «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности», посвященная 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. Конференция была организована Институтом управления и регионального развития (ИУРР) РАНХиГС совместно с Институтом стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. Ломоносова. В работе конференции приняли участие более 200 ученых, представляющих университеты и научные-исследовательские центры 15 государств. В числе её участников были послы, историки, экономисты, политологи, философы, филологи, дипломаты, представители музеев, аспиранты и студенты из таких стран, как Россия, Монголия, Великобритания,



Казахстан, Таджикистан, Турция, Китай, Кыргызстан, Франция, Швеция, Бразилия, Япония и др.

Мероприятие открыл директор ИСАА МГУ профессор Игорь Абылгазиев. Он отметил важность монгольско-российских отношений и рассказал об Институте стран Азии и Африки, одном из важных мировых центров изучения стран Центральной Азии и Монголии. Далее на конференции выступили: Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Монголии Искандер Азизов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Монголии в РФ Дуламсурэнгийн Даваа. Дипломаты отметили давнее тесное сотрудничество и крепкие дружеские связи между двумя странами, выразив уверенность в успешном развитии экономических, политических, культурных отношений в дальнейшем.

В ходе конференции обсуждался широкий круг вопросов. Помимо современного состояния российско-монгольского взаимодействия и истории дипломатических отношений двух стран были затронуты вопросы политических, торгово-экономи-

ческих и культурных связей. Эксперты в сфере международных отношений и монголоведения рассмотрели: место и роль России в становлении и развитии монгольской государственности в XX–XXI вв.; стратегическое партнерство двух государств; сотрудничество в разных областях; роль «третьих стран» в регионе; роль и место Монголии в современной системе международных отношений; гуманитарное сотрудничество России и Монголии на современном этапе развития международных отношений. Выступавшие подчёркивали, что в исторической памяти народов прочно укоренилось сознание взаимного партнёрства. Монголия и Россия — две разные культуры, две разные цивилизации, но с глубоким пониманием друг друга. Развивая единое образовательное, спортивное и культурное пространство, Россия и Монголия поддерживают традиции добрососедских отношений и вносят вклад в укрепление мира во всём мире.

Директор по развитию международного образования и сотрудничества РАНХиГС Лариса Тарадина в своём выступлении отметила, что между двумя странами сложились прочные связи в сфере образования: за сто лет дипломатических отношений между Россией и Монголией в советских и российских вузах прошли обучение более 70 тыс. студентов и аспирантов из Монголии. Сам факт проведения данной конференции играет важную роль для развития академического сотрудничества. Доклад Дарьи Никитиной (ИУРР РАНХиГС) «Культурно-образовательная составляющая современных монголо-российских отношений» был посвящён культурно-образовательным связям России и Монголии в контексте глобализации и вестернизации образования. В совместном докладе доцентов ИСАА МГУ Кузнецовой В.В. и Машкиной О.А. был проанализирован образовательный проект Китая, который рассматривает развитие образования как важный компонент достижения целей концепции «Один пояс, один путь». Авторы отметили, что китайско-монгольское образовательное сотрудничество активно развивается по нескольким направлениям: растёт число монгольских студентов,

обучающихся в китайских вузах (как по программам двусторонних студенческих обменов, так и по собственному выбору). В Монголии действуют три института Конфуция, а изучение китайского языка включено в учебные планы многих образовательных организаций. Также создан Альянс университетов Китая, Монголии и России «Шелковый путь».

Темы гуманитарного сотрудничества и образования вызвали дискуссию о распространении в Монголии русского языка. Выступающие обратили внимание на тот факт, что у современной монгольской молодежи интерес к русскому языку снижается, в старших классах его изучение стало факультативом. Одним из путей решения проблемы могло бы стать создание совместной программы по подготовке и переподготовке преподавателей русского языка для монгольских школ.

В работе конференции приняли участие ведущие монгольские ученые: экономисты, политологи, историки. Профессор Монгольского государственного университета Х. Батцэнгэл отметил «важность научно-образовательного пространства, духовных основ в перспективе развития двусторонних отношений». С анализом отдельных аспектов двусторонних отношений выступили старшие научные сотрудники Академии наук Монголии доктор философии К. Дэмбэрэл и профессор Б. Батхишиг. Цогоо Дорж, студент ИУРР по направлению «Международные отношения» из Улан-Батора, выбрал тему «Образ России и русских в общественном сознании современной монгольской молодежи».

В развёрнутом докладе декана факультета международных отношений Монгольского государственного университета, доктора философских наук Ж. Баттогтох был дан анализ двусторонних российско-монгольских договоров за 100 лет отношений. Она напомнила собравшимся тот факт, что Народная Республика Монголия подписала свой самый первый международный договор с Россией. По её мнению, существующая нормативно-правовая база российско-монгольских отношений говорит о том, что обе стороны со всей ответственностью относятся к созданию рамок, в которых

функционируют эти отношения. К недостаткам этой базы можно отнести только одно — её несвоевременное обновление.

Профессор Ж. Баттогтох отметила, что договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Монголией и Российской Федерацией 2019 г. вывел двусторонние отношения на новый уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства. Он открывает возможности дальнейшего расширения сотрудничества по самым разным направлениям. По итогам последних официальных переговоров заключены 10 соглашений о развитии сотрудничества в различных областях. По мнению докладчика, «необходимость сотрудничества между нашими странами всегда была и будет. При этом нашим странам нужно в полной мере использовать имеющиеся ресурсы и возможности для развития двусторонних отношений, последовательно проводить курс на повышение эффективности двусторонних отношений, строго и оперативно выполнять принятые на себя обязательства по международному договору, сохранять прежние достижения и завоевывать новые позиции во всех областях сотрудничества». Прозвучал следующий вывод: «Для плодотворного сотрудничества у наших стран есть солидная правовая основа».

Отдельного внимания заслуживает «культурно-политический» блок конференции. Так, Калра Праджакти, кандидат исторических наук Университета Кембриджа (Великобритания) углубилась в прошлое, посвятив своё выступление влиянию Золотой Орды на отношения России, Центральной Азии и Монголии. О важности сохранения традиционных ценностей, независимых от эпох и идеологий, говорил в своём докладе доктор исторических наук С.Г. Лузянин, профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО МИД РФ. По его мнению, за столет всё ненужное и негативное отсеклось, ушло в прошлое, а всё положительное и взаимопольное осталось и окрепло.

Отдельного внимания заслужили двусторонние отношения Монголии с другими странами.

Беатрис Биссио (PhD проф. Федеральный университет, Рио-де-Жанейро, Бразилия)

и профессор Нурлан Наматов (PhD проф. Парижское Азиатское Общество, Париж Франция) выступили с совместным докладом «Геополитика Китая в отношении Монголии», где были проанализированы различные сценарии развития международных процессов в Центральной и Северо-восточной Азии. Докладчики констатировали: сегодняшний беспокойный мир способствует поиску вдохновения в истории. Важно понять, какие пути могут привести нас к миру в мире, социальной справедливости, равенству полов и рас, уважению «ко всем убеждениям и религиям, экологической устойчивости». Не менее важен и вопрос о том, каких ошибок мы должны избегать.

Минара Алиева-Чынар (PhD, доцент, факультет педагогики турецкого языка Университета Бурсы, Турция) в своём докладе поставила вопрос о взаимоотношениях монгольских и тюркских компонентов в истории культуры, а также о роли ислама в истории монгольских народов. Айбек Тенизбаев (университет Сакарья, Турция) проанализировал реализацию амбициозного замысла Турции в разработке внешнеполитической стратегии, в основе которой он выделил три направления: турецкое евразийство, неопантюркизм и неоосманизм. Культурное начало как начало объединяющее представлено во всех трёх направлениях.

В.А. Сухарева, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Международного сотрудничества» ИУРР посвятила своё выступление образу Монголии в международной прессе. Она подчеркнула: в современном мире имидж — это самоидентификация страны, которая выставляется на продажу. Покупатель, кто бы он не был, всегда придирчив. И не всегда его мнение совпадает с представителями государственных и национальных элит. Монголия сохраняет свою идентичность, ценности, образ жизни. Своей национальной политикой и стратегией брендинга Монголия показывает, что можно сохранять национальную гордость, достоинство, этнос и цивилизацию — и при этом двигаться вперёд, встраиваться в международные процессы, трансформи-

ровать свои недостатки в конкурентные преимущества.

Конференция стала ещё одним важным свидетельством прочных российско-монгольских отношений в сфере образовательных и культурных связей. Как уже отмечалось, мероприятие собрало большое количество монголоведов из разных регионов России и других стран. Помимо всемирно известных экспертов здесь получили возможность высказаться и задать вопросы начинающие специалисты — студенты и магистранты. Всё это создало де-

ловую и одновременно творческую атмосферу, помогло установить продуктивное взаимодействие между представителями разных поколений исследователей. Не помешало проведению конференции и различия во времени между Москвой и Улан-Батором, а также другими странами и городами включения участников. Их объединял взаимный интерес, глубокое взаимное уважение и стремление к взаимопониманию. То есть — высокая академическая и личная культура, которая всегда плодотворна.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE *RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS: FROM ORIGINS TO MODERNITY*

Semed A. Semedov¹
Battogtokh Javzandolgor²

¹ RANEPA, Moscow, Russia

sa-semed@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3083-8977>

² National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

battogtokh2015@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4439-895X>

International scientific conference *Russian-Mongolian Relations: from Origins to Modernity* dedicated to the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia took place on February 19, 2021. More than 200 scientists, researchers, and enthusiasts from 15 countries gathered in Moscow to discuss a wide range of questions concerning the historical and present state of diplomatic, business, and cultural Russian-Mongolian relations. Iskander Aziziv and Dulamsürengiin Davaa, Extraordinary and Plenipotential Ambassadors of the countries, opened the conference and shared their optimism on the future development of international relations between Russia and Mongolia. The participants presented their ideas and research results on the strategic and humanitarian cooperation between the countries and emphasized the traditional understanding of the partnership that had formed between these different civilizations. It was important to talk about the need for mutual understanding for the cause of world peace. The conference served as a platform for establishing academic and research relations. Russian specialists on international education presented their view on the educational partnership between the countries, including China, in the globalizing world with a clear *western* leaning. Participants suggested measures to reverse the decline of Russian language learning among younger students in Mongolia. Leading Mongolian scientists spoke on the particular aspects of Russian-Mongolian bilateral relations. J. Battogtokh underlined that the State of Mongolia signed its very first international treaty with Russia and since then the countries respected the legality of their agreements both long-standing and newly concluded. The resolution inspired optimism: Russia and Mongolia have a solid legal foundation for developing their relations and a growing number of established ties inspire optimism. The cultural and political section of the conference featured reports by researchers from various countries. In these reports, historical aspects of the times of the Golden Horde, traditional Mongolian values, and the specificity

of Mongolian relations with Turkish nations and neighboring China were covered. As it was noted, Mongolia managed to conserve its identity and independent national politics in all the diverse relations it has been engaged in. The conference attracted numerous experts, students, and practitioners and provided a great opportunity for the specialists to share their knowledge with a wider audience and to promote Russian-Mongolian relations to benefit both nations and the global community.

Информация об авторах

Семедов Семед Абакаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Международного сотрудничества» Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82/1 (Россия).

Жавзандолгор Баттогтох — доктор философских наук, заведующая кафедрой Международных отношений Монгольского Государственного Университета, 14200, Улан-Батор, Университетская улица, 1 (Монголия).

Information about the author

Semed A. Semedov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of International cooperation of the Institute of Management and Regional Development, RANEP, 82/1, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571 (Russia).

Battogtokh Javzandolgor — Doctor of Philosophy, Head of the Department of International relations, National University of Mongolia, 1, Ikh Surguulin Gudamj, Ulaanbaatar, Mongolia, 14200 (Mongolia).

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 800-ЛЕТИЮ СВ. КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Валентин Владимирович Печатнов

МГИМО МИД России, Москва, Россия
Va.v.pechatnov@my.mgimo.ru



19 апреля 2021 г. в трапезной храма св. блгв. кн. Александра Невского при МГИМО состоялась научно-практическая конференция «Имя России: к 800-летию святого бла-

говерного князя Александра Невского». Конференция, организованная Центром «Церковь и международные отношения» совместно с храмом св. Александра Невского при МГИМО, заполнила собой научную часть плана юбилейных мероприятий в МГИМО в рамках всероссийского празднования 800-летия св. князя Александра Ярославича. Модератором мероприятия выступил декан Факультета международной журналистики МГИМО, председатель Совета Центра «Церковь и МО» Я.Л. Скворцов. К участию в форуме были привлечены крупнейшие отечественные историки-специалисты по Александру Невскому и его эпохе. В.А. Кучкин, главный научный сотрудник и руководитель Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН, представил доклад «Александр Невский: битва на Неве, возвращение Пскова, Ледовое побоище», А.А. Горский, главный научный сотрудник и руководитель Центра источниковедения истории России ИРИ РАН, говорил о долгосрочных последстви-

ях деятельности св. князя Александра Невского. Р.А. Соколов, д.и.н., директор института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, осветил тему «Александр Невский: дискуссионные вопросы современной историографии». Е.Л. Конявская, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, гл. редактор журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», предложила историко-филологический анализ первой редакции жития св. князя Александра.

На конференции была хорошо представлена кафедра всемирной и отечественной истории МГИМО. Проф. О.Ф. Кудрявцев выступил с докладом «Александр Невский и католический Запад», проф. В.И. Уколова говорила на тему «Александр Невский, его время и современники». Доклад проф. Т.В. Черниковой был посвящен отношениям князя Александра Ярославича и Великого Новгорода в 1236-1263 гг., а доц. С.П. Рыбаков представил сообщение «Александр Невский в трудах евразийцев».

На втором заседании конференции Т.Д. Стецюра, к.и.н., старший преподаватель департамента истории МФТИ, выступила на тему «Небесный покровитель трех российских императоров: почитание св. блгв. кн. Александра Невского в XIX в.». Свящ. Димитрий Сафонов, к.и.н., кандидат богословия, секретарь ОВЦС МП по межрелигиозным отношениям, предложил сообщение

«Св. князь Александр Невский в творчестве Н.Н. Лисового (1946-2019)». Завершил конференцию доклад Н.В. Регинской, к. культурологии, зав. кафедрой изобразительного искусства Государственной полярной академии (Санкт-Петербург), докторанта Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия «Дореволюционная иконография св. Александра Невского южных районов России (историко-теологический аспект)».

Многие участники конференции поделились результатами своих новейших исследований, и прежде всего, изучения первоисточников. Так, В.А. Кучкин отметил, что для битвы на Неве против шведов летом 1240 г. Александр, будучи новгородским князем, не собрал воинов из Новгорода, за исключением 4-6 человек, а действовал преимущественно силами своей собственной дружины. Главной причиной этого корифей отечественной медиевистики назвал тяжелое демографическое положение и физическую слабость новгородцев, еще не оправившихся от тяжкого голода 1230 г., унесшего много жизней. Чтобы разрешить существующее недоумение о том, как до 5 апреля 1242 г. на Чудском озере мог сохраниться достаточный лед для Ледового побоища, В.А. Кучкин указал на исключительную суровость зимы 1241-1242 гг. В ту зиму обледенел даже Дунай, что позволило Батюю перейти его и воевать в южной Венгрии.

А.А. Горский оспорил тезис о том, что главным последствием деятельности Александра Ярославича был его цивилизационный выбор: подчиниться монгольской власти и дать отпор вооруженным и дипломатическим посягательствам Запада. Выбора не было, это был единственно возможный путь действий. Запад был не только культурно чужд для Руси, но и физически не мог быть серьезным союзником в борьбе с монголо-татарами. Даже князь Даниил Галицкий, поначалу сближавшийся с папством, затем пошел по тому же пути, что и Александр Невский: подчинился Орде и прекратил все сношения с Римом, не приняв ни титул короля, ни тем более католическую веру. Реальные долгосрочные последствия деятельности св. князя Алек-

сандра были, по мнению именитого ученого, иными. Во-первых, это произошедшее при нем изменение отношений между Новгородом и его князьями. С XII в. и до Александра Ярославича новгородцы приглашали к себе князей из разных русских земель по своему усмотрению. Однако начиная с Александра новгородским князем стал считаться великий князь Суздальский со столом (резиденцией) во Владимире. Впоследствии это способствовало присоединению Новгородской земли к Московскому государству – преемнику, прежде всего, Великого княжества Владимирского. Во-вторых, это переход статуса номинальной общерусской столицы от Киева к Владимиру. Именно Александр Невский, с 1249 г. считавшийся великим князем «киевским и всея Руси», в 1252 г. избрал своей резиденцией не Киев, а Владимир. Вообще же политика Александра Невского, заключил А.А. Горский, подготовила условия для создания единого русского государства.

Р.А. Соколов опроверг ряд спекуляций на имени св. князя Александра, которые часто некритично воспринимаются даже профессиональными историками. В частности, Ф.Б. Шенк в известной книге «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000)» утверждает, что, после подписания пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 г. образ Александра Невского очищался от «анти-немецких элементов», и что произошло даже некоторое «увольнение Александра Ярославича». Однако этому противоречат книги, выходявшие в СССР после августа 1939 г. В частности, в книге Разина о военном искусстве, подписанной в печать 25.12.1939, говорится об Александре Невском, а немецкие рыцари названы прохвостами, насильниками и т.д. Также Шенк воспроизводит бытующее мнение, будто вышедший в 1938 г. фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский» был запрещен после пакта Молотова-Риббентропа. Но Р.А. Соколов, пользуясь архивными материалами, составил большой список городов СССР, где этот фильм демонстрировался в сентябре-октябре 1939 г. В действительности не существуют и отмечаемые Шенком в советской историографии

параллели между военным походом Александра Невского в финские земли в 1256 г. и советско-финской войной 1939 – 1940 гг. Одним словом, резюмировал докладчик, ссылаться на выводы книги Шенка можно лишь с большой осторожностью.

Кроме того, А.Н. Нестеренко в статье «Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии», вышедшей в 2016 г. в журнале «Вопросы истории», утверждает, что мощи св. князя Александра не сохранились. Оснований для такого утверждения, однако, явно недостаточно. Хотя мощи дважды пострадали от пожаров во Владимире в 1491 и 1689 гг., в обоих случаях они тщательно собирались, о чем свидетельствует подлинный документ XVII в. из Отдела рукописей Библиотеки Академии наук. Даже две советские экспертизы св. мощей Александра Невского, проведенные в 1922 г., не смогли доказать подложность останков.

Научной новизной обладали и другие выступления. Проф. Т.В. Черникова показала, что отношения между Александром Ярославичем и Великим Новгородом имели компромиссный характер в течение всей сознательной жизни св. князя. Т.Д. Стецюра привела дополнительные факты в пользу того, что апогей почитания св. Александра Невского, как государственного, так и народного, пришелся на XIX в., когда Российской империей управляли три императора-Александра, которые все имели своим небесным покровителем св. князя. Во-первых, в XIX в. Александро-Невские храмы были на третьем месте по частоте освящения в России. Чаше освящали храмы только во имя Пресвятой Богородицы и святителя Николая Мирликийского. Немалая часть этих храмов, а также несколько монастырей во имя св. князя Александра были построены бывшими крепостными крестьянами в благодарность царю-Освободителю Александру II. Во-вторых, изучение русской духовной литературы XIX в. показывает, что почитание св. благоверного князя в этом столетии дало импульс развитию церковного красноречия. Блестящие образцы проповеднического искусства, посвященные св. Александру Невскому, принадлежат святителю Фила-

рету (Дроздову), святителю Иннокентию Херсонскому, свт. Феофану Затворнику, св. прав. Иоанну Кронштадскому.

Свящ. Димитрий Сафонов пролил свет на личность и малоизвестные стороны деятельности историка, философа и поэта Н.Н. Лисового. Будучи анонимным автором жития св. Александра Невского, напечатанного в известной 8-томной «Настольной книге священнослужителя», выходявшей в конце 1970-х – начале 1990-х гг., Николай Николаевич относился к св. князю Александру как к живой личности, с которым и Русская церковь в целом, и отдельные ее члены имеют молитвенное общение. В виду известности на Руси XII – нач. XIII вв. Александра Македонского (что отражено, например, в барельефах Дмитриевского собора в г. Дмитрове конца XII в.), Н.Н. Лисовой предположил, что великий князь Ярослав Всеволодович назвал своего сына в честь завоевателя Азии.

Наконец, Н.В. Регинская, представив в своем богато иллюстрированном докладе общую картину эволюции образов св. Александра Невского, сосредоточилась на иконографии святого в юго-западнорусских землях. Приведя в начале таблицу эволюции священных образов в Православии и в униатской среде, докладчица впоследствии показала, что различия между униатскими и православными образами св. князя присутствуют всегда. Искусствовед выделила три типа образов св. князя, явившиеся продуктом западнорусизма XVIII – XIX вв., а также представила образы Александра Невского в стиле сарматского портрета. По утверждению Н.В. Регинской, даже украинский сарматизм выразился в характерных образах св. князя. Кроме того, в докладе были указаны причины возникновения необычных иконографических типов св. Александра Невского. Например, изображения св. князя в виде античного воина происходят от указа Петра I изображать Александра Невского в виде Александра Македонского. А «рыцарские» изображения Александра Ярославича, возможно, связаны с тем, что сам он почитал св. Георгия Победоносца, а св. Георгий в западноевропейском искусстве XV – XVI вв. изображался в виде рыцаря.

Таким образом, научными итогами конференции можно считать: уточнение ряда деталей, касающихся жизни и деятельности св. князя; выявление неприменимости к последней некоторых современных историографических схем; доказательство несостоятельности недобросовестной критики отношения к Александру Невскому в новой и новейшей истории России; новые доводы в пользу поистине всероссий-

ского почитания св. князя как защитника Православия и небесного покровителя России в XIX в.; и исследование иконографии св. Александра Невского в юго-западнорусских землях в XVII – XIX вв. А в практическом плане во многих докладах и последовавших после них вопросах и комментариях была ясно видна актуальность примера личности св. князя и его деятельности для сегодняшнего дня.

RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE TO THE 800th ANNIVERSARY OF ST. PRINCE ALEXANDER NEVSKY

Valentin V. Pechatnov

MGIMO University, Moscow, Russia
Va.v.pechatnov@my.mgimo.ru

This is an overview of the scientific conference dedicated to the 800th anniversary of Grand Prince Alexander Nevsky (ca. 1221–1263). The conference gathered Russia's most eminent historians specializing in Alexander Nevsky and his era, who assembled at MGIMO on April 19, 2021. The event was moderated by Yaroslav Skvortsov, Dean of the School of International Journalism (MGIMO University) and Head of the *Church and International Relations Council*. V. A. Kuchkin, Chief Research Fellow and Director of the Center for Early Russian History at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS), delivered a paper entitled *Alexander Nevsky: the Neva Battle, the Reconquest of Pskov, and the Ice Battle*. A. A. Gorskii, Chief Research Fellow and Director of the Center for Source Studies in Russian History at IRH RAS, spoke on the long-term consequences of Prince Alexander's deeds and policies, while R. A. Sokolov, Director of the Institute of History and Social Sciences at the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, gave a paper on debated issues in contemporary historiography of Alexander Nevsky. E. L. Koniavskaia, Senior Researcher of IRH RAS and Editor-in-Chief of the *Drevniaia Rus* (Early Russia) journal, presented a historical-philological analysis of the earliest *Vita* of St Alexander Nevsky. The MGIMO department of National and World History was represented by prof. O. F. Kudriavtsev (*Alexander Nevsky and the Catholic West*), prof. V. I. Ukolova (*Alexander Nevsky, his time and contemporaries*), prof. T. V. Tchernikova (*Relations between Alexander Nevsky and Velikii Novgorod in 1236–1263*), and assoc. prof. S. P. Rybakov (*Alexander Nevsky in Eurasian Literature*). As a result of the conference, certain details of prince Alexander Nevsky's life and deeds were clarified; the thesis that Alexander Nevsky made a civilizational choice to submit to the Mongol rule and to repel the armed and diplomatic encroachments of the West was refuted; unprofessional criticism of the attitude to Alexander Nevsky in the modern and contemporary history of Russia was proven to be unfounded; new arguments in favor of a truly all-Russian veneration of the holy prince Alexander in the 19th century Russia were presented; and the iconography of St Alexander Nevsky in South Russian lands in the 17–19 cc. was examined. And at the practical level, many papers and the comments following them made clear the relevance of the holy prince's example and deeds for today.

Информация об авторах

Валентин Владимирович Печатнов — к.и.н., доцент кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия).

Information about the author

Valentin V. Pechatnov — PhD in History, Associate Professor of the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia).